

Михаил Вилькобрисский

КАК ДЕЛИЛИ РОССИЮ

История приватизации

Эта книга — кусочек новейшей истории России глазами современника и творца этой самой истории. Мы все — частички необъятного исторического пазла. Присоединяйтесь...

Александр Никонов, писатель

КАК ДЕЛИЛИ **РОССИЮ**

История
приватизации

Михаил Вилькобрисский

КАК ДЕЛИЛИ **РОССИЮ**

История приватизации

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2012

ББК 65.9(2)-14
УДК 338.246.025.88
В46

Вилькобрисский М.

В46 Как делили Россию. История приватизации. — СПб.: Питер, 2012. — 192 с.

ISBN 978-5-459-01617-8

Начиная с 90-х годов в российском обществе постоянно поднимается вопрос о восстановлении справедливости, пересмотре итогов приватизации и о возвращении ограбленному народу несправедливо отобранной у него национальной собственности. Российская власть вынуждена прислушиваться к таким рассуждениям. Вопрос о справедливости для нашей страны всегда был большим вопросом. О том, почему прошедшая приватизация была нечестной, кому и как досталось народное добро, кто и как ограбил российских людей, и рассказывается в этой книге. История приватизации — это история преступления и предательства. Ее нужно знать, чтобы избежать подобных ошибок в будущем.

ББК 65.9(2)-14
УДК 338.246.025.88

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-459-01617-8

© ООО Издательство «Питер», 2012

Предисловие

Я — либерал. То есть умный и порядочный человек. А эта книга — антилиберальная. И тем не менее я утверждаю, что ее будет полезно прочитать всем — и тем, кто расстреливал, и тем, кого расстреливали. Я говорю о расстреле парламента, если вы еще не догадались. Дело в том, что автор этой книги затевал вместе с Чубайсом приватизацию, но потом перекинулся на другую сторону баррикад и в октябре 1993 года оказался в Белом доме. Так бывает. Начинал с развала Советской власти, а потом оказался в стане красных. И потому книга получилась с эффектом красных глаз.

Автор считает приватизацию советского наследия, произошедшую у нас в 1990-е годы, разграблением государства в интересах кучки олигархов. И считает так небезосновательно. В книге действительно приводятся факты, которые у кого-то могут вызвать приступ праведного гнева и скрежет зубовой. Что ж, автору можно верить — он стоял у истоков того, что многие называют Большим Хапом. И ответственность за который возлагают на Чубайса.

Но это всего лишь поверхностный небеспристрастный взгляд современника, не более. А судить Анатолия Чубайса по меркам современности — столь же глупо, как судить Христа за погром, учиненный в Храме. У Христа была сверхзадача. Была она и у Чубайса. И в этом смысле Чубайс — Христос капиталистической церкви, ибо видел великую цель.

Я не люблю СССР. Чубайс же СССР просто ненавидел. Он сам признавался: «Я ненавижу советскую власть. Более того, я мало что в жизни ненавижу так, как советскую власть. И особенно ее позднюю стадию. В моей жизни ничего омерзительнее, чем поздняя советская власть, не случилось».

Чубайс прав! А потому его сверхзадачей было уничтожение самих корней этой ужасной власти, а именно — уничтожение государственной собственности на средства производства и замена ее классом собственников. И эта невероятная по сложности задача, которая никогда в истории человечества не решалась, была решена. Ну, а шероховатости, которыми сопровождалась операция, не идут ни в какое сравнение с масштабностью самой операции. Пенять на мелкие несправедливости при строительстве великой справедливости — все равно, что ругаться на хирурга за то, что вместе с гнилой тканью он отсек немного здоровой. Отсек, потому что иначе было нельзя.

Соответственно, я рекомендую вам читать эту книгу словно бы из далекого светлого будущего, с высоты — то есть без эмоций, как вы сейчас читаете о войне 1812 года. В результате победили, и ладно.

А Чубайсу в этой стране еще будет поставлен памятник...

Александр Никонов, писатель.

Не знаю, как начать эту книгу.

«Приватизация — это процесс уничтожения российской промышленности и науки, осуществленный в интересах другой страны» — суховато как-то.

«Здравствуйте, дети. Я хочу вам рассказать сказку про то, как злые дяди отобрали у нас заводики и фабрички, а потом их пропили и уничтожили» — веселее, но слишком уж несерьезно.

Попробую начать с конца. Вспомним, какие заводы были в 70–80-х годах в вашем городе и какие существуют сейчас.

В моем родном Питере уничтожено огромное количество небольших, средних и больших фабрик и заводов. Давайте их помянем.

Завод «Вулкан». Я в детстве жил рядом с оградой этого завода. Это старое судостроительное предприятие. Сейчас на его месте — жилая застройка. Недавно приезжал в свой старый дом, в свой старый двор. Старая ограда сломана, и вместо заводских цехов — недостроенные жилые дома. Грустно.

В Питере уничтожено много судостроительных заводов. Разорены заводы, строившие небольшие суда, — «Редан», «Петрозавод». На месте, где был «Редан», сейчас жилая застройка. Место «Петрозавода» просто уникально — отсюда начинался Петербург. «Петрозавод» построен Петром I на месте старой шведской крепости Ниеншанц. Люди жили здесь задолго до основания Петербурга — пять-семь тысяч лет назад. Сейчас там, в месте слияния Охты и Невы, «Газпром» пытался построить свой небоскреб.

Прогуляемся от завода «Вулкан» вдоль Невы. Петровский остров. На месте уникального в свое время пивзавода «Красная Бавария» — развалины. Рядом — судостроительный завод «Алмаз», хозяева которого, купившие предприятие ради земли, на которой он расположен, пытаются выселить производство с этого места, чтобы создать там очередной бизнес-проект. С другой стороны Невы на западной части Петроградской стороны — одни развалины. Прогуляйтесь по Большой Зелениной улице, по соседним улочкам этой рабочей окраины Петроградской стороны. Заводы и заводики — все уничтожается. Кстати, вы знаете, почему эта улица называется Большой Зелениной? От слова «зелье», «огненное зелье» — это порох. Тут при Петре были пороховые заводы, которые потом перенесли подальше, на реку Охту.

Пройдем дальше по Петроградской стороне. Напротив Петровского острова — предприятие ГИПХ — Государственный институт прикладной химии. Им в свое время управлял Борис Гидаспов — руководитель Ленинградского обкома КПСС времен перестройки. ГИПХ — это достаточно вредное опытное производство: химия, радионуклиды.

Земля в центре города, на которой он расположен, буквально на вес золота. Сейчас на его месте предполагается реализовать проект «Европейская набережная», которым руководит банк ВТБ, тесно связанный с руководством города. А институт? А институт переводят умирать за пределы Питера.

С другой стороны Петроградского острова — тоже одни воспоминания. Завод «Полиграфмаш» на набережной реки Карповки едва дышит. Половина его территории распродана и сдана в аренду, оставшаяся часть завода с трудом сводит концы с концами. Полиграфические машины завод давно уже не делает, осталось только оборонное производство. Вдоль Петровской набережной заводов теперь почти нет. В основном там сейчас бизнес-центры — административные или заводские здания хорошо для них подходят. А раньше это была промышленная зона. На месте завода «Вибратор» (угол Петровской набережной и улицы Куйбышева) тоже сплошь бизнес-центры. Печальна и поучительна судьба другого предприятия в этой части Петроградской стороны — «Красногвардейца». Старейшее и крупнейшее в России предприятие по выпуску медицинской техники, не менявшее профиль с момента основания, ведет начало от инструментальной избы «на Аптекарском острове», которая была основана еще по указу Петра I. Предприятие выпускало медицинское оборудование и приборы для всего бывшего Советского Союза. Но закупки были в свое время централизованы, и фактически основным заказчиком все 1990-е годы был госзаказ. Кому-то это предприятие приглянулось своим месторасположением (берег Невы, трасса). И дальше было сделано очень просто — за

определенные деньги в Москве предприятие лишили госзаказа, оно вынуждено было обращаться в банки за кредитами, ну а потом — долги, банкротство и т. п. Сейчас предприятие ютится в одном из корпусов, а в основном корпусе на набережной — бизнес-центр, на первом этаже — салоны продаж иностранных автомобилей.

Этот список можно продолжать и продолжать. О судьбе еще нескольких предприятий расскажу чуть позже.

И так происходило в масштабах всей страны.

Борис Миронов. Итоги приватизации¹

Сегодня не осталось ни одного серьезного экономиста, кто бы не признал очевидного: происходящее в экономике России — это не перестройка, не реформирование, не либерализация, не демократия — это разграбление государства. Еще раз убеждает в том только что опубликованный Счетной палатой самый обстоятельный «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы». Вывод аудиторов Счетной палаты предельно категоричен: «Приватизационная практика не соответствовала декларируемой идеологии (формирование “эффективного” собственника, повышение эффективности деятельности предприятий и создание социально ориентированной рыночной экономики, привлечение иностранных инвестиций и т. п.)... Формальные права собственности стали лишь ширмой для легализации “выедания” активов и ресурсов предприятий... Приватизация не была основана на объективном, дифференцированном и индивидуальном подходе к выбору

¹ <http://www.dazzle.ru/antifascism/pur-12.shtml>.

объектов приватизации в зависимости от их прибыльности (ликвидности) в целях повышения эффективности их деятельности... Приватизационные мероприятия не увязывались с задачами повышения эффективности и наращивания объемов продукции».

Но и сумасшедшее, фантастическое обогащение за счет растаскивания по карманам общенародной, государственной собственности не было конечной целью организаторов приватизации, не тех, кто тащил и наживался, сколачивал сказочные состояния, а тех, кто позволял им это делать. Не случайно в первую очередь под удар «приватизаторов» попали оборонные предприятия, заводы, институты, обеспечивавшие безопасность страны, укреплявшие мощь государства.

I

Как это все начиналось

А теперь перенесемся в 1980-е годы, точнее, в 1989 год. Только что закончились выборы в Верховный Совет СССР и началась предвыборная кампания по избранию депутатов в Верховный Совет РСФСР и в Ленсовет. В Ленинграде — митинги на улицах, люди начали говорить друг с другом. В ДК имени Ленсовета в одном помещении собирается клуб «Перестройка» (один из организаторов клуба — Петр Филиппов), в другом — группа «Законодательная инициатива» (добровольная помощь союзным депутатам, в основном Юрию Болдыреву, в написании и редактировании «правильных» демократических законов). Из этих комнат потом выйдут депутаты, чиновники, политики и министры.

В общем, было уже понятно, что будет что-то новое. Горбачев, съезд, депутаты, гласность... Но немногие догадывались, что новое наступит очень быстро. Многие в 1989–1990 годах, как только был принят закон о въезде и выезде, рванули выезжать. Кто самый хитрый — успел в Америку. Остальные, кто не успел — подались в Израиль. А я вот остался в России делать революцию, которая

оказалась контрреволюцией. И закончилась расстрелом демократии в 1993 году. Но об этом позже.

Народ ходил на митинги, на демонстрации: «Долой КПСС!», «Долой 6-ю статью!». А я все спрашивал всех, кого можно было спросить: «Ребята, вы завтра будете во власти, что вы делать-то будете?» Никто не мог мне толком ответить. Я тогда не знал, что некоторые люди уже примерно представляли себе, что они будут делать, когда придут к власти.

После победы демократов на выборах в Ленсовет в 1990 году три месяца депутаты Ленсовета не могли выбрать председателя. И только дополнительные выборы по одному из округов, в которых победил Анатолий Собчак — на тот момент уже знаменитый союзный депутат, — позволили Ленсовету самоорганизоваться. 400 депутатов — это все-таки многовато. Нынешних 50 мало для пятимиллионного города. А вот тех было слишком много. Депутаты Ленсовета образовали большое количество депутатских комиссий и комитетов. В том числе комиссию по экономической реформе. Текущими вопросами она не занималась, была задача — осуществить реформу на городском уровне. Депутаты в комиссии собрались разные: новые бизнесмены из кооператоров и центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ), начинающие политики, рабочие, экономисты. В один прекрасный день я прочитал в газете, кажется, в «Смене» или в «Невском времени», объявление о конкурсе на концепцию создания свободной экономической зоны, который проводился этой комиссией. Я раньше почти ничего не знал о свободных экономических зонах, но заинтересовался. Две недели, не поднимая головы и не

разгибая спины, просидел в Публичной библиотеке на Невском проспекте. В условиях конкурса было требование разработать одну концепцию на 5 листах (имелось в виду на 5 печатных листах по 16 страниц — на 80 страницах). Я написал 5(!) концепций, но почему-то решил, что нужно изложить все на 5 страницах. В общем, после сокращений мой труд уместился на 7 страницах. С этим я и пришел в депутатскую комиссию.

Заместитель председателя комиссии Анатолий Карташов прочитал мои концепции. Я смущенно объяснил, что не выполнил условия конкурса и что 5 страниц у меня не получилось. Он сказал, что наоборот — получилось слишком кратко, что нужно было 5 печатных листов по 16 страниц каждый, а не 5 страниц, но именно краткость сейчас и нужна. «Подожди, — говорит, — сейчас придет председатель комиссии». Я дождался. В помещение комиссии вошел, точнее, влетел, молодой лысеющий обаятельный человек. Он удивительно быстро прочитал мои листки. «Ого! Очень интересно. Ты кто?» — спросил он меня. «Человек, — ответил я. — Инженер». Он улыбнулся: «Ты в августе что делаешь?» — «Ничего не делаю, у меня отпуск, еще не решил». — «Отлично! На дачу хочешь?» — «Какую дачу?» — «Правительственную». — «А что там делать надо будет?» — «Отдыхать и работать».

Так я попал в команду Чубайса. Председателя комиссии по экономической реформе звали Сергей Александрович Васильев, в будущем — заместитель министра экономики России, руководитель Центра экономических реформ при правительстве России, сенатор. А тогда — просто кандидат экономических наук из ФИНЭКа и правая рука Анатолия Чубайса.

Собственно говоря, там, на правительственной даче Ленсовета на Каменном острове, окончательно сформировалась так называемая команда Чубайса. Тогда это были молодые преподаватели из ФИНЭКа, Инжекона и с экономфака Ленинградского университета. Позднее они стали вице-премьерами и министрами правительства России, руководителями Минфина и Центробанка, Госкомимущества и ФКЦБ — Федеральной комиссии по ценным бумагам. Именно эти тогда еще очень молодые люди совершили общественный переворот, то изменение общественного строя, последствия которого мы все ощущаем сейчас на собственной шкуре: переход от общественной собственности к дикому, несправедливому олигархическому капитализму. «Хотели, как лучше, а получилось как всегда». А может быть, некоторые и не хотели, как лучше.

Что же касается меня, то я чист перед своей совестью и перед Россией. В отличие от всех этих людей, я ни дня не проработал чиновником в органах власти, в 1991 году сразу пошел работать в негосударственные структуры — развивать рынок ценных бумаг, создавать его инфраструктуру. Чтобы акции могли покупать и продавать все желающие. А когда в 1992 году я понял, что приватизация по Чубайсу — это приватизировать лишь ради того, чтобы приватизировать, чтобы ослабить государство, не допустить возврата к социализму, когда я понял, что приватизация по Чубайсу — это быстро-быстро, за бесценок, без реальной оценки предприятия, без продажи его акций по частям на бирже, а целиком и непонятно, в чьи руки, иногда — в руки бандитов, иногда — в руки иностранных конкурентов, тогда я попытался максимально ослабить

и сгладить отрицательные последствия той дикой приватизации. Фактически я перешел на другую сторону баррикад и в 1993 году был экспертом Верховного Совета России, расстрелянного путчистами Ельцина. Я делал тогда все, что мог, чтобы остановить приватизацию в том виде, чтобы ослабить ее последствия для предприятий, для директоров, для рабочих. Наш экспертный центр «Модернизация» сотрудничал с Ассоциацией промышленных предприятий Санкт-Петербурга, в которую входили руководители всех крупных предприятий города. Они еще не знали тогда, что почти все они окажутся за бортом жизни, а их предприятия будут захвачены, скуплены и «раздербанены».

Борис Миронов. Итоги приватизации¹

На завершающем этапе «холодной войны», уже не маскируясь, Черномырдин, Чубайс, Гайдар, Кох, Мостовой, Бойко, возглавившие разработанную в Гарварде и Чикаго грандиозную операцию под кодовым названием «Приватизация России», способствовали «установлению контроля со стороны иностранных лиц над стратегически важными и экономически значимыми предприятиями оборонного комплекса и сопряженными с ними предприятиями научно-технической сферы, машиностроения, металлургии, химической промышленности» (Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы. — М., 2004). Делалось это под видом наживы. Если что, то лучше пойти под суд по статье «грабеж», нежели — «измена Родине». Маскировка удалась, до сих пор большинство народа считает, что

¹ <http://www.dazzle.ru/antifascism/pur-12.shtml>.

приватизация проводилась для обогащения, а резкое снижение объемов производства, сразу на 45–55 %, остановка предприятий, ликвидация целых отраслей представляются как побочные явления. Ничего себе побочные явления! Если по данным Госкомстата Российской Федерации, в 2001 году по объемам добычи угля мы скатились к 1957 году, по выпуску вагонов ниже некуда — к... 1910 году, по производству металлорежущих станков — к 1931-му, кузнечно-прессовых машин — к 1933-му, грузовых автомобилей — к 1937-му, по выпуску тракторов — к 1931-му, зерноуборочных комбайнов — к 1933-му, производству телевизоров — к 1958-му, пиломатериалов — к 1930-му, кирпича строительного — к 1953-му, тканей всех видов — к 1910-му, шерстяных тканей — к... 1880-му, обуви — к 1900-му, цельномолочной продукции — к 1963-му, животного масла — к 1956-му году. Если в 1989 году мы производили 55,7 млн тонн молока, то в 2001 году — 32,9 млн тонн, что на уровне 1958 года. поголовье крупного рогатого скота с 58,8 млн голов в 1989 году сократилось до 27,1 млн, повторяя... 1885 год. Двенадцать лет назад у нас было 40 млн свиней, сейчас — 15,5 млн (уровень 1936 года). Еще заметнее убыль овец и коз: с 61,3 млн голов (1989 год) до 15,2 млн (1750 год!)...

Основной задачей проводимой в России приватизации является не разграбление государственной собственности, не нажива и не личное обогащение, это всего лишь инструмент для достижения основной задачи приватизации, а именно — ликвидации всего лучшего и самого перспективного, крепящего Россию, приумножающего ее мощь. Вот почему сразу же под нож приватизации пошли стратегически важные для страны, ключевые для оборонной промышленности Смоленский авиационный завод, Рыбинский моторостроительный завод, Рыбинское КБ моторостроения, Самарское госпредприятие «Старт», Уфимское моторостроительное

производственное объединение, Уралмашзавод, ЛНПО «Пролетарский завод», производственное объединение «Знамя Октября», ЦНИИ «Румб», Балтийский завод, НТК «Союз», машиностроительное КБ «Гранит», Московский вертолетный завод им. М. Л. Миля, Иркутское авиационное производственное объединение, Нижегородское госпредприятие «Гидромаш», Московский машиностроительный завод «Знамя», Таганрогское авиационно-производственное предприятие, Московское НПО «Взлет», Тульский оружейный завод, Тульский патронный завод, НПО «Сатурн» им. А. М. Люльки, Воронежский завод «Электроприбор», Тульский ЦНИИ систем управления, Красногорский завод им. С. А. Зверева, Вятско-Полянский машиностроительный завод «Молот» и масса других предприятий оборонной промышленности. Спускались не подлежащие приватизации «гражданские» предприятия, внесенные в перечень стратегически важных, такие как «Концерн "Кузбассразрезуголь"», угольная компания «Южный Кузбасс»...

За ускоренной распродажей 1992 года последовали неплатежи, нефинансирование бюджетом, долги и залоговые аукционы. После чего бóльшая часть промышленности России была захвачена или уничтожена.

Вернемся в 1990 год. За месяц работы на правительственной даче наша рабочая группа (официальное название — Рабочая группа по разработке концепции ленинградской зоны свободного предпринимательства (ЛЗСП)) в авральном порядке создала, сформулировала и отредактировала итоговый документ — собственно эту концепцию. В более напряженном мозговом штурме мне в жизни участвовать не доводилось. Я там, на даче, фактически

жил — приходил рано утром, уходил поздно вечером. Примерно так же работали депутаты Ленсовета Сергей Васильев, Анатолий Карташов, Петр Лансков и Леонид Пайдиев. Многие работали дома и участвовали в вечерних обсуждениях. Помню, как на дачу приезжал Дмитрий Васильев (будущий председатель ФКЦБ), который не участвовал в разработке концепции, и спрашивал нас с Петром Лансковым, что мы там написали. Документ в итоге получился весьма своеобразный. В его финансовом разделе, который писали такие уважаемые ныне люди, как Сергей Игнатьев, Алексей Кудрин и Дмитрий Панкин, например, было предложение о введении собственной региональной (то есть городской) валюты. Предлагалось в пределах городской черты создать полностью обособленные свободные таможенные зоны за колючей проволокой. В общем, как в книге «Золотой теленок» — «объявить Черноморск вольным городом». Ну да ладно, грехи молодости. Я участвовал в разработке и редактировал разделы о приватизации и о структурной реформе, там таких ляпов и таких смелых предложений не было. Мы сформулировали основные положения и принципы, достаточно точные на тот момент: мелкие предприятия — приватизировать через аренду с выкупом, преимущество при выкупе предоставлять трудовым коллективам; крупные предприятия — через преобразования в акционерные общества и с индивидуальным подходом, постепенно, через фондовый рынок. Причем все это можно было осуществить в рамках действующего тогда законодательства СССР — законов о предприятии, об аренде, об акционерных обществах. Никто тогда не мог предположить, что в 1991 году возникнет новое государство — Российская Федерация,

а в 1992 году заработает «конвейер смерти», уничтоживший тысячи российских предприятий.

Подписывать концепцию (то есть фактически план региональной экономической реформы) на дачу приезжал лично тогдашний председатель Ленсовета Анатолий Собчак. По дороге произошел забавный, но показательный инцидент. Собчак должен был приехать, кажется, часов в семь вечера. Сидим, ждем. Семь часов минуло, восемь, еще полчаса прошло — нет. Уже стемнело, фонари на улице не горели, снаружи почти ничего не видно. Кто-то позвонил в приемную — там удивились: «А он разве не у вас?» В общем, начались поиски. Собчак появился еще через полчаса. Что произошло? Это же был Каменный остров, кругом — правительственные, военные и министерские дачи. На правительственных дачах нет ни вывесок, ни табличек с адресами. Забор, вход, ограда, вход. Дач много — руководства армии, флота, КГБ, несколько правительственных, а если ошибся адресом, спросить не у кого — люди тут не живут. Отдыхающие из домов отдыха ничего не знают, а охрана дач, кроме своих объектов, ничего не знает и на вопросы отвечать не обязана. А водитель у Собчака был новый — водителя Ленсовета, который раньше возил начальство на дачи, Собчак уволил, взял своего, которому доверял, но тот раньше на дачах не бывал и место не знал. Мобильных телефонов, напомним, в СССР тогда еще не было. Навигаторов тоже. Еще один штрих к портрету Собчака — с ним вместе на дачу приехал только один человек — его тогдашний помощник Юрий Шутов, от знакомства с которым Собчак потом отрекся всю свою оставшуюся жизнь.

После подписания Собчаком концепция ЛЗСП была вынесена на голосование Ленсовета. Анатолий Чубайс и Сергей Васильев начали ее рекламировать и презентовать в научных экономических кругах и иностранным инвесторам, а Ленсовет создал под эту реформу новый исполнительный орган — Комитет по экономической реформе (КЭР), который и возглавил Анатолий Чубайс. Почти все, кто писал концепцию ЛЗСП, стали работать в КЭРе. Очень скоро Борис Львин уедет работать в структуры МВФ, Григорий Глазков будет работать в представительстве Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) по России. Постоянно проводились различные семинары по обмену опытом, лекции — приезжал Милтон Фридман, отец монетаризма, какие-то важные поляки. Ежеженедельно — общее заседание КЭРа по текущим делам. Помню, на этих мероприятиях Борис Львин сидел и складывал из листов бумаги различные фигурки. Все остальные приходили с бумагами, папками, что-то помечали и записывали. Что меня поразило на всю оставшуюся жизнь — это механизм оперативного мышления Чубайса. Я больше не встречал людей с таким высочайшим уровнем точности и скорости принятия оперативного решения. Если Чубайс чего-то не понимал или не знал, он сразу же начинал выяснять этот вопрос до конца, пока не получал всю информацию, необходимую для принятия решения. Но когда у него была вся информация и полное понимание картины, решение принималось стремительно и очень точно. То, что тогда говорил нам на этих семинарах или заседаниях Чубайс, было потом реализовано в масштабе России.

«Целью приватизации является в первую очередь создание класса собственников». Это тогда уже говорил нам Чубайс. Не рост благосостояния общества, не общая эффективность производства, не благо для страны. Цель была чисто политической — уничтожение социалистической собственности и фактически социальных достижений социализма. Но вместо класса собственников Чубайс создал не социальный класс, не социальную прослойку, а кучку олигархов, владеющих всей собственностью России. Обучающих своих детей за рубежом. Вкладывающих награбленные у народа деньги за рубеж. Проживающих за рубежом.

Я эту фразу — про цель приватизации, тогда не понял полностью. И не придавал ей особого значения. Только в 1992 году я вспомнил, что говорил в 1990 году Чубайс, и понял смысл его концепции приватизации.

Еще один характерный штрих к коллективному портрету команды Чубайса — почти все (скажем так, почти все, кроме меня и Леонида Пайдиева) молились, как на икону, на Пиночета и на поляков — на польскую приватизацию. Помню, при подготовке документа, который пережил всех мэров и всех депутатов — «Методики оценки стоимости имущества и определения уровня арендной платы за нежилые помещения», — я переводил какую-то польскую методику оценки стоимости имущества — страниц 50. Что интересно, поляки считали четыре стоимости: стоимость продажи — рыночную текущую стоимость действующего предприятия, отталкиваясь от капитализации прибыли; сравнительную стоимость — по аналогии с действующими предприятиями; продажную ликвидационную стоимость — стоимость

продажи активов при ликвидации минус долги и продажную сравнительную — на основании продаж аналогичных предприятий. Технически польская методика была почти идеальной. Но что есть в Польше сейчас? Национальные виды промышленности — тяжелая промышленность, судостроение, угледобывающая промышленность практически ликвидированы. Польская банковская система фактически вся принадлежит иностранцам. Треть работоспособного населения Польши сейчас уезжает на заработки в Европу. Фактически Польша как страна полностью потеряла экономический и политический суверенитет. Польская политика полностью подчиняется интересам США. Таковы грустные итоги приватизации в Польше. Кстати, сейчас многие в странах Восточной Европы заново осмысливают события начала 1990-х годов — немцы в ФРГ голосуют за коммунистов, а чехи, которые ранее были нестигаемыми противниками социализма и очень способствовали уничтожению СССР (радио «Свобода» и «Свободная Европа», передовые части американских войск и штаб-квартиры американских спецслужб находятся в Чехии), так вот теперь эти чехи выходят на улицы с протестом против капитализма и с ностальгическими призывами к социализму. Стадо поняло, что оно пришло на бойню. Но поздно. Что же касается любви к Пиночету, в ней еще тогда открыто признавались и Борис Львин, и Андрей Илларионов. Я и в те годы не понимал и сейчас не понимаю, как можно считать себя либералом и демократом и одновременно любить кровавого диктатора, убившего и изгнавшего сотни тысяч чилийцев, диктатора, превратившего стадионы в концлагеря? И, кстати, построившего крайне неэффективную асоциальную

дикокapиталистическую экономику. Неисповедимы думы в головах «демократов».

Приватизацией в Комитете по экономической реформе занималось два отдела — отдел приватизации, в котором работали Дмитрий Васильев, Петр Лансков и я как внештатный эксперт, фактически бесплатно и на энтузиазме (я не ушел со своей основной работы), и отдел структурной реформы, который возглавлял Михаил Маневич и в котором работали всего два сотрудника, один из них — Алексей Миллер — занимался небольшими предприятиями в сфере сервиса и туризма. Что там было структурно реформировать в туризме, я не знаю, но эта работа привела Алексея Миллера после расформирования Комитета по экономической реформе в Комитет по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, который возглавлял тогда мало еще кому известный Владимир Путин. Его значение для Собчака стало понятно позже, когда во время отпусков Собчак «оставлял город» не на «главных» вице-мэров по экономике или по финансам, а на малозаметного поначалу вице-мэра, возглавлявшего относительно небольшой и малозначимый комитет.

В общем, организованный в короткое время Комитет по экономической реформе начал одновременно создавать и разрабатывать огромное количество документов — проектов союзных и российских законов, нормативных актов Ленсовета. И готовить создание структур для осуществления собственно приватизации. Помню наши постоянные конфликты с юристами Ленсовета и исполкома Ленсовета — Игорем Соболевским и Дмитрием Козаком. Мы писали новые законы, которые противоречили старым.

В результате была сформулирована концепция проведения приватизации через две структуры: административную — Комитет по управлению государственным имуществом (КУГИ), который должен был осуществлять оперативное управление госсобственностью (федеральной, муниципальной), принимать программы приватизации, разрабатывать нормативные акты, и государственно-коммерческую — Фонд имущества, задача которого — продавать государственное имущество. Гладко было на бумаге... Но гораздо проще было все это делать через один орган, отдел по продаже государственного имущества в рамках КУГИ. Хотели так избежать коррупции и заинтересовать сотрудников, занимавшихся продажами. Два государственных органа — это два начальника, каждый со своими амбициями. Первый руководитель Фонда имущества Санкт-Петербурга Александр Утевский был очень сильным и независимым руководителем, и его твердая позиция противостояния КУГИ, которое тоже возглавляли не самые последние и не самые мягкие люди — Кох, Маневич и Беляев, запомнилась всем. Многие хитрые предприниматели тогда ловили рыбку в мутной воде противостояния Фонда имущества и КУГИ.

Надо заметить, что изначально идея создания органа, который должен заниматься оперативным управлением государственной собственностью была абсолютно правильной. Еще в царской России было министерство, не помню сейчас его точное название, типа министерства казенных имуществ или министерства государственных имуществ. Но цели, которые были поставлены перед Мингосимуществом и КУГИ, были изначально неправильны — создавался орган

по управлению объектами, который должен одновременно эти объекты продавать, то есть уменьшать свое влияние. Ни один административный орган не будет так делать. Любой орган, отдел, управление, министерство стремится расширить сферу своего влияния и управления. Только в начале своей деятельности Мингосимущества под влиянием своих «революционных» руководителей занимался уменьшением количества госсобственности. Сейчас же задача его совершенно другая. Но все, что можно было продать, уже продано, и сейчас в руках Мингосимущества и КУГИ — жалкие крохи бывшей общенародной собственности.

Среди всех руководителей Мингосимущества в 1990-х годах был лишь один, который правильно понял задачу его министерства и пытался остановить быструю приватизацию и заняться нормальным учетом госсобственности и ее управлением в государственных интересах. Это был Владимир Полеванов, сменивший на этом посту Анатолия Чубайса, ушедшего на пост главы Администрации президента Ельцина. Полеванов пробыл на этой должности недолго — два с половиной месяца в конце 1994 года. Команда Чубайса, точнее, сам Чубайс его изгнал оттуда за то, что Полеванов остановил приватизацию и обнародовал потери, которые понесло от нее государство. Этому ему не простили — он был быстро снят с должности. А потом начались печально известные залоговые аукционы.

Вот что написано о Полеванове в «Википедии»:

15 ноября 1994 года Владимир Полеванов занял должность заместителя председателя правительства

РФ — председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, — но уже через два месяца проиграл в борьбе с Чубайсом. Позднее Полеванов вспоминал:

«Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие совсекретную продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Джонатан Хэй с помощью Чубайса купил 30 % акций Московского электронного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ “Графит” — единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолетов-невидимок типа “Стелс”. После чего Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий».

Первый шаг, который Полеванов совершил на этом посту, отобрал пропуска у иностранцев на вход в правительственные учреждения системы Госкомимущества. Вскоре было выпущено распоряжение ГКИ о приостановке торговли акциями алюминиевых заводов, чтобы не допустить получения контрольного пакета акций иностранными фирмами. На своем посту пытался противодействовать деятельности Анатолия Чубайса и его американских советников.

— Когда я пришел в Госкомимущество и попытался изменить стратегию приватизации, — рассказывает Владимир Полеванов, — Чубайс заявил мне открытым текстом: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут».

В высшем эшелоне власти и СМИ развернулась травля Полеванова. В итоге Ельцин освободил его от должности уже в январе 1995 года¹.

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Полеванов,_Владимир_Павлович

Но я забежал вперед. Зимой 1990–1991 годов состоялась еще одна интересная и принципиальная встреча. К нам в Комитет по экономической реформе приехал Григорий Явлинский — тогда заместитель председателя Правительства СССР. По должности он был «старше» Чубайса. Сидим мы, молодые революционеры, желающие все отнять и все поделить, размахивая шашками. За окном — ясный зимний день, Исаакиевская площадь, яркое зимнее солнце. А тут нам Явлинский рассказывает, что основные задачи власти на зиму 1990–1991 годов — это не допустить голода и убирать улицы. Про голод я тогда просто не понял. Сейчас я понимаю, что Явлинский знал ситуацию по всей стране и она была, судя по всему, очень тяжелой. Уборка улиц — это показатель порядка власти. В 1990 году у власти был как бы переходный период — коммунисты уже не работали, а новая власть еще не сформировалась. И была проблема функционирования всей государственной машины в целом. Плюс саботажные действия Ельцина и его пособников в российском правительстве, а также руководителей стран Прибалтики, взявших курс на сепаратизм и уничтожение СССР. Помню тогда у Чубайса с Явлинским возник спор: Чубайс говорил только про реформу (что конкретно он говорил тогда, я не запомнил, что-то про темпы реформы и ее необратимость), а вот слова Явлинского про голод и порядок запомнились.

Как черту того времени хочу рассказать одну смешную историю. В августе 1990 года к нам на государственную дачу пару раз приезжал Альфред Рейнгольдович Кох, которого друзья звали просто Рейнгольдычем. Он тогда возглавлял

исполком Сестрорецкого совета народных депутатов. Во второй раз, когда он к нам приехал, он с порога начал так: «Мужики, вы будете смеяться, но у меня шалаш сожгли». Шалаш — это памятник-музей В. И. Ленину в Разливе, где он вместе с Зиновьевым скрывался от Временного правительства летом 1917 года. Там есть каменный дом в форме шалаша и собственно шалаш из травы. Антисоветски настроенные жители Сестрорецка или Разлива этот шалаш из травы и сожгли. «И что ты будешь делать?» — спросили мы Коха. «А у меня запасной стог сена есть, я уже шалаш восстановил». Тут мы буквально легли от смеха. Запасной стог сена для шалаша — это сильно. Как выяснилось, такой порядок был заведен еще при советской власти. История имела продолжение. Когда Кох снова приехал к нам в гости уже в Комитет по экономической реформе зимой 1990–1991 годов, он опять произнес эту фразу. «Мужики, вы будете смеяться, но у меня опять шалаш сожгли». «И что теперь?» — спросили мы. «А все. Зима. Запасного сена у меня больше нет, теперь — до лета».

Надо заметить, что Альфред Рейнгольдovich Кох — человек, в общем-то, уникальный. Он проводил приватизацию железной рукой и с холодным сердцем. Он и только он мог цинично отвечать на вопросы журналистов типа: «Что вы делаете?» — «Родину продаем». Когда российским властям понадобились люди для смены управления телеканала НТВ, для этого дела они выбрали именно Альфреда Коха, у которого были очень плохие отношения с Гусинским.

Сейчас Альфред Рейнгольдovich не при делах, целыми днями сидит в «Фейсбуке».

Говорит Альфред Кох — прямая речь, наши дни, его блог на сайте радио «Эхо Москвы»¹:

Благодарность Путину

27 сентября 2011, 16:05

Исторической заслугой Путина нужно признать то обстоятельство, что он первый (может быть даже в мире) построил государство вообще без какой-либо идеологии. И как только идеология исчезла, стало видно то, чего не было видно под завитушками той или иной идеологии. Раскрылась простая и ясная истина, которую раньше закрывали разные там -измы: нет ничего более бессмысленного и вредного, нет ничего более бесполезного и опасного для людей, чем государство. Теперь больше чем когда-либо стало очевидно: государство вообще не нужно.

Это и есть идеология приватизаторов — разрушение российского государства, которое русский народ создавал веками.

Осенью 1990 года в городе началась реальная «малая приватизация». Дмитрий Васильев начал проводить через Фонд имущества программу «100 магазинов». Идея была простая — приватизация малых предприятий — магазинов, кафе, ресторанов — через аренду или аренду с выкупом при преимущественном праве трудовых коллективов. Пик этой программы пришелся на начало 1991 года. И тут возникли трудности. Программа реализовывалась в соответствии

¹ <http://www.echo.msk.ru/blog/kokh/815670-echo/>.

с союзным законом «Об аренде». Исходные данные для участия в программе — статус предприятия при, скажем так, советской власти. В КЭР приносили документы о собственности или о праве на аренду аж 1920–1930-х годов. И вот когда началась приватизация кафе и ресторанов, стали выясняться интересные вещи. Грубо говоря, большая часть кафе в городе в советское время были не самостоятельными предприятиями, а филиалами или отделами ресторанов. И при советской власти помещения, занимаемые ресторанами и кафе, им не принадлежали, а были оформлены договора аренды. Основными арендаторами были рестораны, а кафе были как бы на субаренде. И когда началась приватизация, рестораны не захотели отпускать свои кафе в самостоятельное плавание по жизни. Статус субаренды в законе «Об аренде» был прописан плохо, а заявки на приватизацию приходили и от ресторана, и от его филиала — кафе, и тут — трудовой коллектив, и там — трудовой коллектив, и тут за трудовым коллективом бандиты, и там — бандиты. И что делать молодым сотрудникам КЭРа? Я понял тогда, что для того, чтобы заниматься непосредственно приватизацией, нужны железные нервы и что это не для меня. И выбрал для себя другую дорогу — я начал работать во вновь создаваемой инфраструктуре рынка акций, рынка ценных бумаг — бирже. Но связи со своими новыми коллегами из команды Чубайса не прерывал, наивно считая, что приватизация пойдет через биржу, как полагается, мелкими пакетами после подготовки предприятия к продаже. Что создаваемая всеми государственная собственность достанется всем людям. Как же я ошибался тогда!

Что было сделано правильно — нами был разработан, а Ленсоветом принят документ о порядке распоряжения нежилым фондом. Документ в общем-то революционный. Не откажусь его процитировать.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
РЕШЕНИЕ

9 сессия 21 созыва
от 28 июня 1991 г. № 26

О ПОРЯДКЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ НЕЖИЛЫМ ФОНДОМ
В ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинградский городской Совет народных депутатов
решил:

1. Утвердить:

1.1. Положение о сдаче в аренду нежилого фонда в Ленинграде (приложение 1).

1.2. Положение о порядке определения формы сдачи в аренду нежилого фонда (приложение 2).

1.3. Положение об организации и проведении аукционов по сдаче в аренду нежилого фонда в Ленинграде (приложение 3).

1.4. Положение об организации и проведении коммерческих конкурсов по сдаче в аренду нежилого фонда в Ленинграде (приложение 4).

1.5. Положение об организации и проведении некоммерческих конкурсов по сдаче в аренду нежилого фонда целевым назначением (приложение 6).

1.7. Методику оценки стоимости имущества и определения уровня арендной платы за нежилые помещения (приложение 7).

2. Поручить президиуму Ленсовета вносить в приложение 7 изменения по представлению постоянных комиссий и комитетов Ленсовета, а также по представлению мэра Ленинграда.

3. Поручить Главному управлению имуществ Ленинграда (ГУИЛ) в срок до 01.09.1991 предоставить на утверждение президиума Ленсовета:

3.1. Положение о порядке формирования банка свободного и высвобождающегося нежилого фонда.

3.2. Формы паспортов на все объекты нежилого фонда, порядок их оформления и переоформления.

4. Установить, что в Ленинграде и на территориях, административно подчиненных Ленсовету:

4.1. До принятия Положения о порядке предоставления и продажи нежилого фонда в собственность весь нежилой фонд предоставляется только на условиях аренды.

4.2. Предоставление нежилого фонда в аренду производится только в порядке, установленном вышеуказанными Положениями (приложения 1–7). Все акты предоставления в аренду нежилого фонда в ином порядке не имеют юридической силы.

4.3. Во всех случаях оценки имущества при его разгосударствлении, приватизации и сдаче в аренду применяется исключительно прилагаемая Методика.

Стиль, конечно, революционный, но предельно четкий, а содержание — исключительно жесткое. Теперь документы такого типа состоят из 50 страниц с большим количеством исключений для предприятий «своих» людей. А тогда писали предельно кратко, четко, не давая ни малейшей возможности увильнуть от выполнения требований документа.

Многие документы сейчас устарели, а вот «Методика оценки стоимости имущества и определения уровня

арендной платы за нежилые помещения», разработанная тогда нашим отделом приватизации, существует до сих пор. В ней были заложены правильные принципы оценки. Не каждый документ такого рода проживает 20 лет.

Ход реформ в России и в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1991 году был нарушен в августе того же года. ГКЧП, «Лебединое озеро», пресс-конференция...

Реакция биржевых брокеров на телевизионную картинку днем 19 августа была подавленной. Все стояли и смотрели в телевизор. Руководство биржи получило распоряжение об ограничении работы ксерокса, которое бросилось выполнять. В общем, на бирже мне делать было нечего, и я поехал в Ленсовет. Сначала мы все собрались в помещении Комитета по экономической реформе и не очень понимали, чем нужно заниматься. Помню, были какие-то проблемы с ксероксом и им занимались Иван Колосов и, кажется, Борис Львин. Я пошел по переходу Мариинского дворца в Ленсовет. Там было веселее, в кабинете Александра Беяева — председателя Ленсовета — собрался импровизированный штаб. Собчака не было, и обороной города занимался Беляев. Я нашел своих знакомых из «законодательной инициативы», они были в команде Болдырева. Юрий Болдырев и еще несколько союзных и российских депутатов, которые собрались в одной из комнат Ленсовета, составили письмо-обращение о срочном созыве Съезда народных депутатов СССР. Нужно было обзвонить по списку союзных и российских депутатов, чтобы они присоединились к письму Болдырева. Мне выпало звонить композитору Андрею Петрову. Это было примерно в 11 часов вечера, и я его разбудил. Он меня выслушал и сказал, что если там

есть подпись Болдырева, он готов подписаться тоже, не читая. Одной девушке из нашей группы довелось звонить Борису Гидаспову. Он спал, и девушку попросили перезвонить утром. Помню, что тогда это нас потрясло. Кстати, некоторые союзные и российские депутаты тогда приехали в Мариинский дворец — поддержать и помочь.

Около 12 часов ночи стало известно, что из Пскова в сторону города движутся танки. Об этом шептались даже журналисты. Из кабинета Беляева люди по вертушкам стали звонить в ГАИ и на железную дорогу — отслеживать движение. Примерно в это же время в Мариинский дворец приехал Собчак. К нему в кабинет почти никто не заходил, тогда как к Беляеву входили десятки людей. Помню, что в кабинет Собчака надолго — на несколько часов — зашел Александр Утевский. Это потом Собчак в своей книге напишет, что именно он был спасителем города.

Через полчаса Собчак созвал пресс-конференцию. Среди журналистов я заметил Льва Гольдштейна с радио «Эхо Москвы» и Веру Камшу, тусовавшуюся тогда все время в Мариинском дворце, а ныне — автора книг в жанре фэнтези. Были там и представители всех телевизионных каналов. Все они уже знали, что к городу движутся танки, но ни один из них не задал Собчаку вопрос про танки. Наверное, чтобы не волновать ленинградцев. Собчак тоже ничего не сказал.

После пресс-конференции все вернулись в кабинет Беляева. Появился Аркадий Крамарев — глава ГУВД. Начали думать, как остановить танки. Предлагались разные способы вплоть до того, что перекрыть въезды в город со стороны Киевского и Московского шоссе — они проходят под железнодорожной насыпью и там довольно легко можно

было все перегородить. Думали, как включить городскую трансляционную сеть, предназначенную для оповещения жителей города в чрезвычайных ситуациях. Помню, искали телефон какого-то майора, от которого все это зависело. Последний раз радиотрансляцию в городе во внепраздничные дни включали в блокаду. Начали собираться группы добровольцев на своих машинах, чтобы попытаться уговорить и как-то остановить военных. В одной из таких последних групп, уехавших уже под утро, были Михаил Маневич и Михаил Киселев. Около пяти утра пришла информация, что танки свернули с Киевского шоссе в военный городок на въезде в город. Все, кто оставался в кабинете Беляева, начали устраиваться там спать. Я вместе с депутатом Ленсовета Андреем Крыловым оставался «на посту» в предбаннике кабинетов Беляева и Собчака до самого утра.

Все последующие события в городе 20 и 21 августа — баррикады, митинг, выступление Собчака — это все был цирк на публику, реальная опасность городу уже не угрожала. На самом деле город был спасен раньше Александром Беляевым, а не Анатолием Собчаком. Но об этом мало кто знает.

После событий 19 августа все закрутилось и завертелось гораздо быстрее. До зимы 1991–1992 годов был решен вопрос об уничтожении СССР, и ельцинская власть приступила к программе своих реформ. Весной 1992 года основные документы программы приватизации были готовы — и началось их лоббирование для принятия Верховным Советом теперь уже РСФСР — Российской Федерации. Лоббированием занимались питерские депутаты

российского Верховного Совета Михаил Дмитриев, Петр Филиппов, Михаил Киселев. Именно о них сказал тогда председатель Верховного Совета РФ Руслан Хасбулатов: «У нас в Верховном Совете экономикой занимаются только Петька Филиппов да Мишка Киселев». Фраза запомнилась. С Петром Филипповым произошла смешная история — после событий 19 августа он куда-то пропал на несколько недель. Мне один депутат Ленсовета потом рассказал, что 19 августа Филиппов сбрил свою знаменитую бороду, наверное, чтобы не нашли гэкачеписты. Ну а потом, наверное, ждал, пока отрастет. Возвращаясь к законодательству о приватизации — в общем, у Филиппова и Киселева с лоббированием не очень-то получалось. К тому же у Петра Филиппова была несколько другая программа приватизации — с большей долей акций трудовым коллективам — калька с американской программы ЕСОП (ESOP).

Программа собственности работников ЕСОП была принята конгрессом США в 1974 году. В соответствии с этой программой частные компании могут полностью или частично переходить в собственность работников, которые получают при этом определенные экономические выгоды. При преобразовании компании создается доверительный фонд для покупки акций работниками предприятия. Этот фонд образуется за счет взносов компании, которые не облагаются налогом. Компания для этих целей может получать займы на выгодных условиях. Доверительный фонд — это рынок как для существующих акций, так и для новых, деньги от продажи которых компания может направить на развитие собственного

производства. Налоговые льготы, предоставляемые компании, позволяют ей направить высвободившиеся средства на осуществление программ в пользу наемных работников.

Следует сказать, что при определенных условиях ЕСОП может способствовать росту эффективности в работе фирм, а значит созданию более сильной экономики страны, что выгодно государству в целом. Эффективной работе компаний способствует не только упорная работа работников, сознающих себя собственниками.

И тогда Чубайс придумал хитрый трюк. В августе 1992 года, не дожидаясь решения Верховного Совета, он начинает программу приватизации указом Ельцина. Верховный Совет тогда был на каникулах, и у него не хватило желания экстренно собраться, чтобы отменить указ Ельцина (у Верховного Совета тогда еще было такое право). А потом, когда депутаты вернулись из отпусков, было поздно — указ вступил в законную силу. И когда осенью 1992 года заработал конвейер приватизации предприятий, остановить его было уже нельзя. Хасбулатов и Верховный Совет ничего сделать уже не могли. Кстати, именно эти волевые действия Ельцина и Чубайса стали одной из причин противостояния Верховного Совета и Бориса Ельцина.

II

Будни приватизации

Идея приватизации была очень хитрой. Нужно было создать впечатление справедливости у всего народа. Поэтому одновременно проводилась приватизация квартир, в которых люди жили, фактически снимая их у советского государства — собственника (помните, были ордера, дававшие право вселения в квартиру?). Мую семью это не коснулось — мы жили в квартире ЖСК, которую родители построили и выкупили сами, это была их собственность. А потом населению говорили — не добивайтесь отмены результатов приватизации предприятий, благодаря той же самой приватизации вы получили ваши квартиры. Этот хитрый пропагандистский трюк позволил сделать приватизацию необратимой, по крайней мере на короткий исторический период времени. Кроме приватизации квартир население привязали к идее приватизации с помощью ваучеров. Официально ваучеры ваучерами (это американское слово, обозначающее талон на еду для малоимущих, ваучерами сейчас обеспечивается в США примерно 30 млн человек) никто не называл, в документах фигурировали слова «приватизационный чек». Декларировалось, что

каждый получит свою долю бывшей госсобственности. Но тут народ обманули. Ваучеры были розданы единовременно, ваучерные аукционы, на которых можно было получить какие-либо акции предприятий, продолжались недолго — примерно полтора года. Это означает, что «на всех» поделили только те предприятия, которые были выставлены на аукционы в это время, до 1994 года. А остальные предприятия впоследствии продавали уже не за ваучеры. Сейчас трудно сосчитать, какую долю от общей собственности не выставили «для всех», но то, что это была не самая значительная доля, понять легко — все крупные, стратегические, инфраструктурные, градообразующие предприятия были приватизированы, розданы знакомым банкирам, переданы бесплатно «хорошим» людям потом, после 1994 года, за небольшие деньги или бесплатно.

Говорит Борис Миронов¹:

Аудиторы Счетной палаты констатируют: «Федеральными органами исполнительной власти не было создано действенной системы по недопущению перехода под контроль иностранных лиц объектов федеральной собственности, имеющих стратегическое значение. Не контролировался и не контролируется до настоящего времени процесс скупки иностранными лицами пакетов акций стратегически и экономически значимых для России предприятий через подставных лиц и на вторичном фондовом рынке». Иностранцы имеют блокирующие пакеты акций в ОАО «АНТК им. Туполева», Саратовском ОАО «Сигнал», в ЗАО «Евромилль». Малоизвестная

¹ <http://www.dazzle.ru/antifascism/pur-12.shtml>.

американская компания «Nic and Si Corporation» через подставную фирму «Столица» приобрела пакеты акций 19 авиационных предприятий оборонно-промышленного комплекса!

В нарушение законодательства пакеты акций продаются иностранцам через посредников. Победитель инвестиционного конкурса по продаже пакета акций, составляющего 40 % уставного капитала ОАО «Тюменская нефтяная компания», ЗАО «Новый холдинг» представлял интересы иностранных юридических лиц. Все знали об этом, никто не воспротивился. Государственный комитет по антимонопольной политике ни разу не отклонил ходатайства иностранных или подконтрольных им юридических лиц на покупку контрольного пакета стратегически важных для России предприятий. Акции АООТ «Глюкозо-паточный комбинат "Ефремовский"» куплены фирмой АОЗТ «Дикарт», являющейся дочерней компанией американской фирмы «Каргилл». 35 % акций ПО «Новомосковскбытхим», выпускавшего до 80 % синтетических моющих средств в России, с согласия Государственного комитета по антимонопольной политике приобретены компанией «Проктер энд Гембл Истерн Юроп», являющейся основным конкурентом российского производителя на внутреннем рынке. После того как американцы приобрели контрольный пакет акций курского АО «Кристалл», здесь сразу же был прекращен выпуск комплектующих изделий для систем наведения ракетного комплекса «Игла» и других специзделий для армии, уничтожена уникальная технологическая база. Совсем немыслимым представляется то, что суперстратегическим, фундаментальным для жизнедеятельности страны российским акционерным обществом «Единые энергетические системы России», больше чем на треть (34,45 % акций) владеют иностранные лица!

Это было сделано то ли в спешке, то ли сознательно. Ограничения могли быть наложены только в рамках анти-монопольного законодательства. Что это означало в реальности? Крупные американские банки и частные компании, обладавшие финансовыми ресурсами в сотни миллионов долларов, оказывались в равных юридических условиях с молодыми российскими предпринимателями, с безденежными трудовыми коллективами и с простыми людьми. Естественно, у богатых иностранцев возникало конкурентное преимущество — они были более богатыми. Они платили брокерам большие комиссионные, они давали им крупные заказы, и российские брокеры вовсю старались для иностранцев. Именно руками российских брокеров были скуплены для иностранцев многие ключевые российские предприятия. Если говорить о Санкт-Петербурге, то это предприятие «Ленбытхим» — производитель стиральных порошков для всего Советского Союза. Его захватила немецкая фирма «Хенкель». Кирпичи и стройматериалы для всего региона производятся на комбинате «Победа-Кнауф». Комбинат, названный в честь Победы над Германией, был захвачен немцами. Есть в этом какая-то ирония. Немецкий концерн «Сименс» пытался восстановить историческую справедливость и вернуть себе дореволюционные заводы «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт». Один из этих заводов — крупнейшее в России предприятие «Электросила». Вот случай из моей консультационной работы. В состав предприятия «Красный треугольник» в свое время входил институт, не помню точное название, что-то вроде Института резиновой промышленности. Одна крупная инвестиционная компания скупала у работников института

контрольный пакет акций в интересах большой американской фирмы. Интерес к акциям института объяснялся тем, что ему принадлежит хорошее здание, у трассы, рядом с метро, с наличием парковки. Заместитель директора института — доктор технических наук, лауреат государственных премий — рассказал мне, что американцы с помощью крупной петербургской инвестиционной компании скупили контрольный пакет акций его предприятия и сейчас он не знает, что делать. У государства оставалась так называемая «Золотая акция», но это ему не может помочь. Покупатели хотят провести собрание акционеров, чтобы сменить руководство института и продать принадлежащее ему основное здание. После чего сделать из него бизнес-центр. Институту после этого нужно будет прекращать свою работу — другого подходящего помещения у него не было. Проблема была в том, что часть научной продукции института была государственным секретом особой важности — бесшумным резиновым покрытием для атомных подводных лодок — оружием первого удара, оружием, обеспечивающим стратегический ядерный паритет. И теперь все это может попасть к американцам — потенциальному противнику России. В общем, я посоветовал ему продолжать писать письма во все московские инстанции, что он делал и раньше, а также судиться с покупателями акций, искать зацепки, тянуть время и попытаться найти других государственных и негосударственных, но обязательно российских инвесторов. Искать защиту в органах власти. Порекомендовал ему хорошего юриста, который затянул дело в судах, потом подтянулись государственные органы — в общем, институт удалось сохранить. А вот институт

«Гипростекло» на Полтавской улице у Староневского проспекта, как называют это место жители города, был почти уничтожен — новые владельцы решили крупные здания института по Харьковской и Полтавской улицам продать двум банкам. Счастья покупателям здания — «Межкомбанку» и Национальному резервному банку это тоже не принесло. И какой бы банк (а точнее, филиал московского банка) потом ни садился бы в это здание — он разорялся. Возможно, это как-то связано — банк, купивший это здание, потратил тогда громадную по тем временам сумму — 6 млн долларов на ремонт. Другое здание института приобрел «Промстройбанк», который впоследствии был куплен «Внешторгбанком».

Кстати, эта схема — купить за копейки ваучеры у сотрудников предприятия, а потом перепродать контрольный пакет акций конечному богатому покупателю, имела громадную доходность. Предприимчивые люди быстро увеличили свое состояние. Абсолютный рекорд, о котором я слышал в Питере уже в двухтысячных годах, — это когда за участок земли (бывшее предприятие) на Охте, купленный за 1 млн долларов, потом давали чуть ли не 50.

Все это связано с громадной изначальной недооценкой российских предприятий. Где-то в середине приватизационного «конвейера», когда стало понятно, что предприятия сильно, в разы недооценены и что народ на ваучеры получает копейки вместо доли от реальной стоимости предприятий, среди руководителей процесса приватизации обсуждалось, надо ли что-то менять и переоценивать или оставить все как есть. Я слышал разговоры о том, что Чубайс тогда сказал, что изменить это технически будет трудно — надо

будет проводить поправки к закону через Верховный Совет, да и к тому же у народа нет денег на приобретение акций по их реальной, а не по изначально заниженной стоимости. Понятие «справедливость» для этих людей не существовало и не существует.

Надо заметить, что поскольку сотрудники приватизируемых предприятий получали льготы, это означало некоторую дискриминацию всех остальных — пенсионеров, бюджетников, врачей, учителей, военных, милиционеров, работников государственных предприятий, не подлежащих приватизации. Это было достаточно большой проблемой в начале приватизации при разработке ее концепции и идеологии. Как объяснить народу, что изначально несправедливый дележ ранее общественной, общей собственности, от которого будут отстранены пенсионеры, то есть те, кто эту собственность в основном и создавал, приватизаторам было непонятно. Простая схема раздавать ваучеры пропорционально стажу была отвергнута, уж не знаю, по каким соображениям.

Ваучеры раздавали народу через Сбербанк, а там, где не было отделений Сбербанка, — через военные и другие банки. Все это потом продавалось обычно крупными пакетами по 5–10 тыс. штук на нашей бирже. Такого количества разных печатей я больше ни у одного банка, ни у одного предприятия не видел. Были печати круглые, овальные, прямоугольные, треугольные и пятиугольные (печати военного банка). В общем, только шестиконечных звезд для полного комплекта не было. Цена ваучера в 1992–1993 годах при продаже его за наличные деньги колебалась в диапазоне цен от одной до двух бутылок водки. И только

в конце ваучерной приватизации цена поднялась до трех-пяти бутылок, а под конец давали до десяти бутылок водки. В рублях, разумеется. В сельской местности ваучеры (как впоследствии и земельные паи) брокеры и юридические фирмы скупали за водку. Фраза Чубайса о том, что на ваучер впоследствии можно будет купить две автомашины «Волга», не подтвердилась. Но те, кто купили тогда за ваучеры акции «Газпрома», сейчас смогли бы получить примерно 500 долларов за акции, полученные на один ваучер.

Были и смешные случаи. Так, в условиях чековых аукционов не было прописано минимальное количество ваучеров. Принесли люди на аукцион 30 тыс. ваучеров или 3 ваучера — он должен был считаться состоявшимся. Мои знакомые на один чековый аукцион по продаже акций одного небольшого завода на Петроградской стороне принесли аж 8 штук ваучеров. Больше заявок не было, Фонд имущества сначала принял решение о положительных итогах аукциона. Это означало, что завод уходит за эти самые 8 ваучеров. Руководству фонда, наверное, стало жалко, что завод ушел за 8 ваучеров, и решение о признании аукциона действительным было им отменено. Мои знакомые пару лет судились с Фондом имущества, но безрезультатно. Юристы КУГИ, которых тогда возглавлял, кстати, Герман Греф, сказали мне потом, что в нормативных актах, касающихся приватизации, было заложено громадное количество юридических моментов, позволяющих отменить итоги любого чекового аукциона или признать действительным. Этакая лазейка для произвола и принятия решений в пользу нужных лиц.

Еще немного про недооцененность предприятий в начале 1990-х годов. Весна 1993 года. Биржа совместно

с Фондом имущества Санкт-Петербурга проводит аукцион по продаже права аренды городских нежилых помещений. От Фонда имущества приехал проводить аукцион Александр Фишков, очень колоритный и обаятельный человек. Яркий морозный февральский день то ли 23, то ли 24 февраля. Настроение праздничное. Солнце, пробивающееся сквозь стеклянные окна здания, светит прямо в глаза проводящим торги. Свыше пятидесяти лотов, свыше пятидесяти объектов, все в месте — и кафе, и магазины, и подвалы. По некоторым лотам борьба идет очень долго, до фантастических на тот момент цен, в сотни и тысячи раз превышающих начальные, — вот насколько было все недооценено — и мелкие магазины, и крупные предприятия.

Нарушений законодательства по приватизации было много. В середине 2000-х годов городские структуры приняли решение довести приватизацию до конца и избавиться от множества мелких пакетов и небольших предприятий. Это примерно как очистить авгиевы конюшни. Следы нарушений законодательства в ходе приватизации сейчас выглядят как несовпадение юридических адресов, «левые фирмы» и т. д. Простой пример — один и тот же институт, занимавшийся в советское время торфом, был продан на аукционе, затем перепродан. В итоге все технологии переработки торфа потеряны, государственный пакет 25 % непонятно где, а здание бывшего института по одним городским документам имеет адрес по набережной канала Грибоедова, по другим — по своему другому угловому фасаду — по переулку Тюленина. Государственный пакет 25 % в городской отчетности висит, но чем владеет

государство реально, совершенно непонятно. И таких примеров только по Санкт-Петербургу — тысячи.

Говорит Борис Миронов¹:

По данным Счетной палаты, в 1990-е годы крупнейшие иностранные производители вооружения вели беспрецедентную работу по закреплению за собой исключительных прав на изобретения российских авторов. Формула изобретения передавалась в патентные ведомства иностранных государств, минуя российское патентное ведомство. В США запатентованы российские разработки в области электронной, лазерной, волоконно-оптической техники, технологий переработки нефти и газа, органической химии, медицинской и экологической техники. По экспертным оценкам, в 1992–2000 годах только в США зарегистрировано более тысячи патентов на технологии военного и двойного назначения, авторами которых являются российские изобретатели, а обладателями патентов и, следовательно, исключительных прав — иностранные юридические и физические лица. В это же время зарубежные фирмы непосредственно в России активизировали патентование на свое имя доступных им и не имеющих правообладателя научно-технических разработок российского оборонного комплекса, особенно в авиационной и ракетно-космической отраслях промышленности.

Сложилась опасная практика, позволяющая блокировать наиболее перспективные направления развития авиационной техники в России патентами, оформленными на иностранные юридические и физические лица. Французская фирма «Эрокоптер Франс» получила восемь патентов Российской Федерации на перспективные

¹ <http://www.dazzle.ru/antifascism/pur-12.shtml>.

технические решения, используемые в области вертолетостроения. В результате из-за одной только этой фирмы, а их пасутся по стране сотни, Россия может получить претензии по экспортируемой технике военного и двойного назначения.

Чтобы успешно пройти приватизацию, от предприятия требовались большие усилия. «Успешно» означает, что результатом приватизации было сохранение предприятия как единого целого, получение значительных пакетов акций работниками. Предприятие должно было в крайне короткий срок — три месяца — представить в КУГИ план приватизации. Руководство предприятия должно было оценить его стоимость, а также выбрать один из трех планов приватизации. Различия — в долях акций, которые получали и могли получить в будущем работники. Если предприятие не успевало представить и утвердить в КУГИ план приватизации, сотрудники (юристы) КУГИ делали это за него, но на невыгодных для предприятия условиях. В это время КУГИ Санкт-Петербурга руководили Альфред Кох и Михаил Маневич. Мне рассказывали, что директора предприятий, здоровые дядьки под 60 лет, почти союзные министры, плакали в их кабинетах.

В 1993 году чековая приватизация продолжалась. Для народа это все сопровождалось большой пропагандистской кампанией Госкомимущества. Параллельно под эгидой ГКИ проходило большое количество разных конференций и семинаров для руководителей финансовых институтов — банков, бирж, инвестиционных компаний. На одной такой

конференции в составе делегации Госкомимущества я заметил одного иностранца, хорошо говорящего по-русски. Слишком хорошо для иностранца. У меня дома до сих пор лежит его визитка, на которой написано «Андрей Шлейфер».

В начале 1990-х годов Шлейфер был консультантом российского Госкомимущества по проблемам приватизации.

В 1997 году Шлейфер и его помощник и компаньон Джонатан Хэй были обвинены государственными органами в США в нарушении законов о коррупции, так как помимо консультационной деятельности занимались инвестициями в России. Суд постановил, что заниматься бизнесом в России Шлейфер и Хэй не имели права.

В 2005 году суд приговорил Шлейфера к уплате штрафа в размере \$28 500 000, два из которых выплатил сам обвиняемый, а остальные 26,5 млн — Гарвардский университет, профессором которого являлся Шлейфер¹.

Из интервью с В. Полевановым²:

...В декабре 1992 года Конгресс США принимает закон о поддержке либеральных российских реформ. Средства на поддержку должны поступать из бюджета. Государственным заказчиком назначено Агентство помощи развивающимся странам (USAID). Однако агентство заключает договор со знаменитым Гарвардским университетом, и отныне уже сотрудники Гарварда полностью распоряжаются «спонсорскими» миллионами. Но

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Шлейфер,_Андрей.

² http://www.compromat.ru/page_15735.htm.

средства, выделенные на поддержку реформ, по назначению не попали.

Как установила прокуратура Массачусетса, направленные в Москву американские советники А. Шлейфер и Дж. Хэй, воспользовавшись неразберихой и дружбой с российскими чинами, пустили эти средства на собственные нужды. Обманным путем, за спиной Вашингтона, они купили пакеты акций крупнейших предприятий страны — «Ростелекома», «Газпрома», «Пурнефтегаза», «Черногорнефти», Иркутского, Саянского и Братского алюминиевых заводов и т. п.

В 1991 году Хэй был назначен старшим советником Госкомимущества. Очень скоро его влияние на Чубайса стало неограниченным. Американец не только участвовал в подготовке всех президентских либеральных указов, но и определял стратегию реформ в целом. Когда Владимир Полеванов попытался удалить его из Госкомимущества, это стоило ему должности.

«5 января 95-го года, — вспоминает Полеванов, — я приказал охранявшему здание ЧОПу изъять пропуска у всех 32 иностранцев, в том числе и у Хэя. Разразился скандал. Тогдашний пресс-секретарь Чубайса (ныне глава «Мосэнерго») Аркадий Евстафьев лично возглавил прорыв. Вместе с иностранцами он забаррикадировался в компьютерном зале и в течение суток не выходил оттуда. Как я понимаю, уничтожал компрометирующую документацию — от фамилий людей до условий будущих конкурсов, названий фирм. А тем временем мне в истерике беспрерывно звонил Чубайс: «Оставьте американцев и Хэя в покое!» «Дайте письменный приказ, и мы сразу вернем пропуска назад», — вежливо отвечал я ему. Понятно, что прислать письменный приказ Чубайс никогда бы не решился...»

Чего же так боялись Чубайс и его заокеанские советники? Отчасти Полеванов отвечает на этот вопрос:

«Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие совсекретную продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Джонатан Хэй с помощью Чубайса купил 30 % акций Московского электронного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ "Графит" — единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолетов-невидимок типа "Стелс". После чего Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий».

По обычному в таких ситуациях сценарию (а воровские схемы во всем мире похожи) структуры эти возглавляли жены наших героев. Супруга Шлейфера Нэнси Циммерман верховодила в компании «Farallon Fixed Income Associates» и сумела заработать сотни миллионов долларов. Любовница Хэя (впоследствии ставшая его женой) Элизабет Герберт руководила фирмой «Pallada Asset Management», тоже принесшей американским жучкам немалый доход. Что показательно, никому неведомая фирма «Паллада» первой получила на российском фондовом рынке лицензию — даже раньше, чем знаменитые на весь мир гиганты фондовой индустрии.

Этой лицензией семью Хэев, по слухам, облагодетельствовал Дмитрий Васильев. В первые годы приватизации он работал заместителем Чубайса в Госкомимуществе. В 1994-м перешел в Федеральную комиссию по ценным бумагам (ФКЦБ), которую вскоре и возглавил.

В американской печати уже появлялись сведения, что «Паллада» регулярно переводила деньги на счет Васильева в американском «Риггс-банке». Сам Васильев фактов этих не опровергал. Когда Главное управление федерального казначейства и налоговая полиция попытались провести проверку ФКЦБ, они столкнулись с мощнейшим сопротивлением Васильева. Председатель ФКЦБ попросту запретил проверяющим знакомиться

с документами, а когда они все же проникли в здание, там разом погас свет.

Лишь после вмешательства Счетной палаты Васильеву пришлось оставить должность. Аудиторы установили, что десятки миллионов долларов, выделенных ФКЦБ на развитие рынка и проведение правовой реформы, бесследно исчезли.

Не менее странной оказалась и ситуация с подконтрольным Васильеву Федеральным общественным фондом по защите прав вкладчиков. Несмотря на то что в фонд были перечислены десятки миллионов долларов, до обманутых вкладчиков дошло лишь... 17 тыс.

Почему? Потому, наверное, что, как говорят, по личному указанию Васильева 50 млн из этого фонда было инвестировано в уже знакомую нам компанию «Паллада» — в домашнюю копилку семейства Хэев. (В дальнейшем эти деньги вкупе с другими заработанными в России миллионами американские советники Чубайса прокрутили на рынке ГКО...)

Не могу не сказать и еще об одном министре-доброхоте, при помощи которого Хэй и Шлейфер сколачивали свои капиталы, — Максиме Бойко. В начале 1990-х он работал главным экономическим советником Чубайса. Летом 1997-го стал вице-премьером и министром госимущества, но уже через три месяца вынужден был подать в отставку. Как и Васильев, Бойко принимал самое активное участие в судьбе американских советников. Именно он в соавторстве со Шлейфером разрабатывал план российской приватизации, параллельно помогая гарвардским ученым покупать активы. И это вполне объяснимо, ведь, по данным Службы безопасности президента, министр Бойко имел вид на жительство в США (так называемую грин-карту), а отец его и вовсе постоянно жил в Америке, читая лекции в закрытом учебном заведении ЦРУ.

Сегодня о «руке ЦРУ» говорить почему-то не принято, в либеральных кругах это считается моветоном, словно с развалом СССР американская разведка — вся, от вахтера до директора, — ушла на покой. Но ни одна спецслужба в мире никогда не упустит такой восхитительной возможности — напрямую управлять экономикой России и ее министрами. Помните, что Дж. Хэй, экономический советник России, был разведчиком ЦРУ? В американской печати уже всплывали данные, что ситуацию с заокеанскими советниками лично контролировал тогдашний директор ЦРУ Джордж Теннет.

Меня же в то время интересовал один вопрос — почему лицензию № 1 на фондовом рынке получил малоизвестный фонд «Паллада»? Теперь я знаю ответ на этот вопрос. На этих конференциях были представители «Паллады», американского банка «Джи Пи Морган» (членом руководства которого является сейчас Анатолий Чубайс, а Дмитрий Васильев работает в его представительстве в Москве), английского банка «Самуэль Монтегю».

Кстати, представительство Агентства помощи развивающимся странам (USAID) в Санкт-Петербурге одно время находилось в помещении «Леонтьевского центра» — экспертного центра Анатолия Чубайса и Сергея Васильева, куда перешли на работу многие сотрудники Комитета по экономической реформе после его закрытия. Удобный способ для чиновников получить дополнительную зарплату в то время — предоставление заказов на консультационные работы экспертному центру. Само же USAID — это инструмент прямого влияния правительства США, это агентство

распределяет гранты «на развитие демократии в разных странах», предоставляя их в основном американским «агентам влияния».

История получения помещения «Леонтьевским центром» тоже крайне интересна. Раньше, в советское время, в шикарном здании на Измайловском проспекте размещалось предприятие «Ленсистемотехника». Один из его руководителей — Анатолий Аникин — перешел на работу сначала в Комитет по экономической реформе, а потом...

МЭР — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 19 июля 1991 года № 113-р

О РУКОВОДСТВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«ЛЕОНТЬЕВСКОГО ЦЕНТРА» И СОЗДАНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА ВАСИЛИЯ ЛЕОНТЬЕВА

1. Назначить Президентом Международного центра социально-экономических исследований — «Леонтьевского центра» А. Б. Чубайса.

2. Согласиться с предложением А. Б. Чубайса о назначении исполнительным директором Центра А. М. Аникина, освободив его от обязанностей заместителя председателя Комитета по экономической реформе.

3. Согласиться с созданием Международного фонда Василия Леонтьева для поддержки молодых ученых и предпринимателей. Поручить Центру до 01.09.91

разработать и утвердить в установленном порядке Положение о Международном фонде Василия Леонтьева.

Подготовить предложения о внесении в качестве взноса мэрии в указанный фонд учредительных взносов в предприятия и организации, созданные ликвидированным Техническим управлением Ленгорисполкома.

4. Для развития инфраструктуры Центра и Фонда Леонтьева поручить Президенту Центра А. Б. Чубайсу реорганизовать НТПО «Ленсистемотехника» и подготовить предложения по созданию на его материально-технической базе сети международных научно-методических и учебно-информационных центров.

5. Для выполнения Центром функции головной организации мэрии по социально-экономическим исследованиям и разработкам, обеспечения координации НИР и рационального расходования средств возложить на Центр координацию и научно-методический контроль социально-экономических НИР, проводимых по заказам мэрии, ее Комитетов и Управлений.

Мэр Ленинграда А. А. Собчак

Так здание, принадлежавшее ранее предприятию «Ленсистемотехника», попало в распоряжение «Леонтьевского центра» и его президента — Анатолия Чубайса. Бесплатно. «Леонтьевский центр» занимает часть здания, а остальные помещения сдаются в аренду. Одним из арендаторов помещений в этом здании долгое время был Санкт-Петербургский банк реконструкции и развития (СПБРР), которым почти все время его существования руководил Дмитрий Панкин — бывший заместитель председателя Финансового комитета Санкт-Петербурга и нынешний заместитель министра финансов России. О печальной судьбе банка СПБРР я расскажу чуть позже.

III

Финансы поют романсы

Второй составной частью процесса уничтожения российской промышленности были финансы. Схема была достаточно проста — иностранные государства, в первую очередь США, ограничивали российский экспорт, в том числе экспорт оружия. Россия вытеснялась с внешних рынков. Сокращался приток иностранной валюты, и Россия должна была идти на поклон в международные финансовые структуры. Где, кстати, представителями от России были расставлены люди Гайдара и Чубайса. Они там быстро коррумпировались. Поищите в Интернете фамилии Кагаловский и Гурфинкель — узнаете много интересного. Международные финансовые структуры давали России деньги при одном условии — сокращении бюджета. А это означало уменьшение финансирования российской промышленности, госзаказа, в том числе оборонного заказа. Кроме этого, сокращение финансирования российской промышленности было связано с общей фактически компрадорской финансовой политикой властей России.

Давайте немного поговорим о Центральном банке. Центральный банк России создал Георгий Гаврилович

Матюхин. Он создал систему банковских расчетов, систему расчетно-кассовых центров (РКЦ), он начал финансировать коммерческие банки, чтобы те в свою очередь финансировали промышленность. Но недолго музыка играла. После уничтожения СССР нужно было найти работу для Виктора Геращенко — и он летом 1992 года сменяет Георгия Матюхина. Это было сделано под давлением Егора Гайдара, который использовал все свое влияние на Ельцина, чтобы сместить Матюхина и посадить «на царство» Геращенко. Политика, которую все эти годы проводил Центробанк под руководством Виктора Геращенко, Сергея Дубинина, Татьяны Парамоновой и Сергея Игнатьева, фактически не менялась.

Что такое деньги страны? Глобально — это записки на счетах Центрального или Национального банка страны, записки об обязательстве оплатить по счетам коммерческих банков, имеющих счета в Центробанке. Запись на вашем расчетном счете в вашем банке — это обязательство банка оплатить за вас. То есть конечным эмитентом денег выступает Центробанк. Если Центральный банк хочет выпустить новые деньги в обращение, как он это может сделать?

Он может передать их коммерческим банкам, увеличив записи на их счетах. Это можно сделать в форме кредита. Или же центральный банк может купить у коммерческого банка иностранную валюту за национальную. Есть еще один способ выпуска денег в обращение — эмиссии. Кроме коммерческих банков счет в Центральном банке есть у Министерства финансов. Это бюджет страны. Центральный банк может выпустить новые деньги в обращение, дав прямой кредит Министерству финансов.

Это в теории. Лучшим способом эмиссии во всем мире считается кредитная эмиссия, или рефинансирование, — финансирование Центральным банком коммерческих банков, которые потом будут из этих денег кредитовать предприятия. На практике же только при Матюхине Центральный банк России рефинансировал коммерческие банки, а они уже финансировали предприятия. При Геращенко и других руководителях Центральный банк не финансировал экономику России — ни через рефинансирование, ни через кредитование Минфина. Все дело в том, что кредитование бюджета России было запрещено Международным валютным фондом. У Центрального банка России все это время оставался единственный канал эмиссии — печатание новых денег для покупки иностранной валюты, что привязывало развитие российской экономики к компрадорской схеме вывоза сырья.

Говорит Михаил Хазин¹:

Есть два очень важных показателя денежной массы, которые, собственно, и определяют ситуацию в этом секторе экономики. Что характерно, это вовсе не объем наличности, а объем кредитных денег и банковский (кредитный) мультипликатор. Собственно объем наличности определяется делением первого на второе.

Итак, объем кредитных денег (монетизация экономики). Современная экономика нормально функционирует в том случае, если объем кредитов примерно равен ВВП страны плюс-минус где-то 20 %. Такой объем кредитов был в СССР, практически во всех странах Европы, Японии,

¹ <http://worldcrisis.ru/crisis/877059>.

США до начала надувания «пузырей» и т. д. Если этот объем падает, то экономика падает вслед за ним, поскольку не обеспечивается опережающее финансирование производства.

Второй показатель скорее характеризует банковскую систему страны. Он показывает, насколько она увеличивает каждый рубль, попадающий в банки от граждан. Нормой здесь является значение от 4 до 6 — то есть объем выданных банковской системой кредитов должен превышать объем частных вкладов примерно в 4–6 раз. Соответственно, объем наличности (денежная база) должен составлять где-то от 16 до 25 % ВВП. Но это в идеале.

Если к власти в стране приходят маньяки, то они начинают эти пропорции менять. В частности, в 1990-е годы команда либерал-реформаторов, которая ничего не понимала ни в экономике, ни тем более в денежном обращении, начала резко занижать денежную базу, считая, что так она борется с инфляцией. Поскольку одновременно падал банковский мультипликатор (система госбанка была уже разрушена, а альтернативной нет до сих пор: рублевого кредитования в нашей стране в необходимом количестве не наблюдается), то стал бешено падать и объем кредита. В минимуме он опустился до уровня в 4 % ВВП, что теоретически должно было привести к полному коллапсу экономики, к ее падению в десятки раз.

Однако тогда люди оказались умнее, чем денежные власти: они заменили рубли на денежные суррогаты, что позволило сохранить экономику, хотя, конечно, проблемы были страшные (так называемый кризис неплатежей). Подробно об этом можно почитать в моем докладе, подготовленном для коллегии Министерства экономики в ноябре 1996 года, которая была отменена, поскольку либерал-реформаторы, возглавляющие министерство, правду знать не хотели: она мешала их абстрактным построениям.

Неучтенное налично-денежное обращение — это один из видов денежных суррогатов (оно еще бывает, кстати, не только рублевое). Есть и разные векселя, и прочие ценные бумаги, есть и вариант вывода денежного оборота за пределы страны. Это когда плата за купленную квартиру идет не со счета в российском банке на счет в российском банке и даже не путем переноса чемодана с долларами из одной ячейки в другую, а путем перечисления долларов или фунтов с одного офшорного счета на другой. Я, кстати, как-то задал вопрос нашим либерал-реформаторам, которые по-прежнему определяют пути развития российской экономики, как они определяют размер ВВП или хотя бы денежную массу — с учетом этих офшорных операций или без них, но ответа, естественно, не получил.

Так вот, поскольку наша банковская система усилиями тех же либерал-реформаторов категорически отказывается кредитовать российскую экономику рублями (предлагая такие условия кредитов, на которые нормальное предприятие согласиться не может), то банковский мультипликатор у нас довольно низкий. Точно его размер назвать сложно, поскольку у нас довольно высокий уровень теневого оборота и не совсем понятно, как его учитывать в расчете ВВП и объема кредита. Но в любом случае он сильно ниже нормы: скорее всего, находится где-то в интервале 2–2,5.

Это значит, что доля наличных денег в экономике у нас должна быть высокой, много выше, чем в других странах, — до 50 % ВВП даже без учета теневого оборота. И если в сегодняшней ситуации начать снижать объем наличных денег, то это неминуемо вызовет адекватное падение ВВП. Вот что на самом деле нам предлагает упомянутый в начале статьи персонаж, истинный «знаток» российской экономики. Разумеется, падение экономики будет не таким крупным, как сокращение

наличности: народ перейдет на другие суррогаты, как это было в 90-е годы (см. вышеприведенный доклад). Но суть процесса от этого не изменится.

Для того чтобы улучшить ситуацию, нужно сделать несколько шагов. Первое — внедрить наконец систему рублевого рефинансирования банковской системы со стороны Центробанка. Она есть во всех странах, кроме нашей, и я не понимаю, почему мы ее не создаем. Разве что от затаенного преклонения либерал-реформаторов перед США: «Как же так, мы будем делать, как они! Они же великие, а мы кто?» После того как банковский мультипликатор дойдет до величины хотя бы в 4, у нас наличность в обороте автоматически уменьшится почти в 2 раза.

Далее нужно работать с налоговой системой, делая ее более адекватной реальным экономическим процессам, и только потом можно будет начать сокращать именно неучтенный налично-денежный оборот. Отметим, кстати: в начале 2000-х, когда после девальвации денежная система страны сильно оздоровилась (в частности, объем кредита вырос с 4–6 % ВВП до 20 % с лишним), объем неучтенной наличности упал как-то сам, без всякой борьбы с ним.

Разумеется, то, что написано выше, — это не план, а только контуры плана. План, кстати, частично был написан тогда, в 1990-е, его контуры есть и в приведенном докладе, но, естественно, либерал-реформаторы ничего в его рамках делать не собирались. Но даже и сейчас, если такая потребность возникнет, данный план можно написать за пару недель. И то, что его никто не пишет, говорит о том, что проблема в нашей стране — не в экономике, а в руководстве.

В результате того, что увеличение количества денег в стране было поставлено в зависимость не от реальных потребностей экономики в развитии и кредитовании, а от поступлений иностранной валюты в Россию, развитие экономики стало определяться экспортными возможностями страны, то есть нефтяным и газово-сырьевым экспортом. Не национальной промышленностью, а компрадорской буржуазией, контролирующей экспорт сырья из страны.

Хочу рассказать одну немного смешную, немного показательную историю тех далеких уже лет. В 1993 году состоялся первый и последний отчет Центрального банка России перед народом — перед российским парламентом. Нашу экспертную группу руководство российского парламента — Руслан Хасбулатов, Вениамин Соколов, Владимир Исправников (председатель Высшего экономического совета) — попросило просмотреть и дать комментарии и замечания. Мы обнаружили в отчете Центробанка, который был подготовлен тогдашним первым заместителем Виктора Геращенко Андреем Хандруевым, несколько существенных ошибок и неточностей. Как неточность мы определили несхождение баланса самого Центробанка на 800 млн рублей. Подобная ситуация сейчас знакома каждому банковскому бухгалтеру — если взять баланс, сосчитанный с большой точностью, он будет сводиться. Если начать его постатейно округлять, то цифры сумм активов и пассивов могут не сойтись. Что и произошло. Это попало в нашу записку об отчете Центробанка, и депутат по фамилии, кажется, Субботин, глава кредитного комитета Верховного Совета, бывший обэхаэсник, выступал на трибуне в стиле Никиты Хрущева,

чуть ли не стуча ботинком по трибуне: «Где 800 миллионов народных денег?»

В отчете Центробанка были еще две серьезные ошибки. Вплоть до недавних пор в России в хождении было громадное количество наличной иностранной валюты, в основном долларов США. Столько долларов, сколько было тогда в России, не было ни в одной стране мира. Долларами платили при покупке квартиры, выплачивали «черные зарплаты» и т. д. За доллары на биржах покупали ваучеры. То есть наличные (и безналичные) доллары в 1992–1993 годах фактически являлись средством обращения и их количество необходимо было учитывать при расчетах так называемых денежных агрегатов, на основании величин которых потом делаются прогнозы и заключения по многим параметрам экономики, в том числе и по уровню инфляции. Центробанк, не учитывая все эти годы обращение наличной иностранной валюты в России (а некоторое время в России наличных долларов было больше, чем наличных рублей), делал существенную ошибку в своих экономических расчетах и прогнозах. Эта тенденция сохранилась до сих пор. Еще один момент, который мы тогда отметили, это отсутствие в России нормальной системы эмиссии для финансирования и системы коммерческих банков для финансирования экономики страны.

Все это потом проявится в 1998 и 2008 годах во время финансовых кризисов.

О роли в истории приватизации Минфина и Центробанка я расскажу чуть позже.

Что же касается отчета Центробанка Верховному Совету России, то вся эта критика закончилась ничем. В Верховный Совет пришло письмо от тогдашнего министра финансов в правительстве Гайдара Бориса Федорова с просьбой об отставке Геращенко, и Верховный Совет решил «своего» председателя Центробанка гайдаровцам не сдавать. Это было большой ошибкой.

1993 год

1993 год стал переломным для России. В этом году Ельцин уничтожил только зарождавшуюся тогда демократическую систему и установил режим авторитарного правления. Все это из-за личных амбиций — как так, эти депутаты не дают проводить реформы? А то, что депутаты выбраны народом и что они представляют народ, Ельцина не волновало.

В отличие от многих «демократов», я в 1993 году был на стороне демократии — выбранного народом Верховного Совета. Руководитель нашего экспертного центра во время осады Белого дома работал в приемной Руцкого и ушел оттуда незадолго до штурма. Для меня расстрел Белого дома в 1993 году — это трагедия уничтожения демократии в России.

Помню забавную реакцию демократического Ленсовета. Почти все депутаты Ленсовета в октябрьские дни 1993 года поддержали Ельцина. И только тогда, когда был обнародован его указ о разгоне всех советов всех уровней, когда их личные полномочия и привилегии в одночасье

рукой Ельцина были прекращены, они стали о чем-то задумываться. Помню, что в октябре или в ноябре 1993 года сразу после ельцинского указа депутаты Ленсовета составили слезное письмо Ельцину, в котором писали про свои заслуги перед Россией и российской демократией. Письмо осталось без положительного ответа, революционный Ленсовет был распущен, мэр города Анатолий Собчак объявил выборы в городское Законодательное собрание, куда должны были войти всего 50 человек. Всем мест теперь не достанется — поняли депутаты Ленсовета. Помню, как они грустили на прощальном ужине — вроде теперь победа демократии, как же так? Почему так с ними поступили? Только недавно раздавали значки «Защитнику Белого дома», а тут... Только немногие тогда поняли, что демократия в России закончилась.

Конец 1993 года. Время тогда было веселое. Конституцию писали, что называется, на коленке, под Ельцина и его авторитарный стиль управления. Выборы в новую Думу с урезанными полномочиями выиграл Жириновский. Воспряли коммунисты. Ельцин подписал в этот год сотни указов, не дожидаясь законов Государственной думы. Один из самых идиотских указов, подписанных им в то время, был указ № 1400 от 31 декабря 1994 года «О трасте», который был основан на англо-саксонской системе законодательства и противоречил российскому законодательству, в том числе и Гражданскому кодексу, в котором была соответствующая глава. ЧТО можно было подписать в здравом и трезвом рассудке 31 декабря, «под елочкой»? КТО тогда подsunул Ельцину этот указ — я до сих пор не знаю. Может быть, это сделал Андрей Илларионов, который отстаивал

тогда именно американскую систему траста, позволявшую бесплатно, без затрат, брать в управление целые предприятия. Может быть, это сделал Анатолий Чубайс, который тогда был главой Госкомимущества или администрации президента — точно не помню и не знаю. Не знаю, кто именно подсунул Ельцину документ на подпись. Но факт остается фактом — Ельцин подписал абсолютно идиотский указ 31 декабря.

IV

Приватизация середины 1990-х — бесплатно в руки бандитов и чиновников

Демократия в России закончилась, приватизация мелких и средних предприятий — тоже. Остались крупные, инфраструктурные, оборонные, нефтегазовые, градообразующие предприятия. Детища сталинской модернизации и первых пятилеток. И именно по ним был нанесен основной удар в 1994–1995 годах.

Идея была проста, схем было несколько. Основная проблема заключалась в том, что у «новых олигархов» не было денег, чтобы выкупить эти крупные предприятия по их реальной цене. Оценивать предприятия тогдашние чиновники и олигархи уже научились. Когда владелец крупного банка, желавший стать владельцем предприятия, начинал считать, сколько денег ему понадобится, чтобы выкупить это предприятие, он понимал, что ни у него, ни у его банка или его холдинга этих сумм попросту нет. А что делать, если нет своих денег? Их: а) можно обещать привлечь; б) можно занять у государства; в) можно занять у того

же предприятия; г) можно попытаться не платить сейчас, только пообещать, а потом вообще не заплатить. В этом и состоят все схемы отъема государственного имущества, которые применяли тогдашние олигархи-банкиры. Тот период управления Россией народ точно назвал «семибанкирщина». Его, в свою очередь, условно можно разделить на два периода — до выборов Ельцина и после. Почему — расскажу чуть позже.

А сейчас поговорим подробнее о некоторых персоналиях.

Михаил Ходорковский — в то время это прежде всего банк «МЕНАТЕП» и финансовая группа «МЕНАТЕП». Он тогда руководил комсомольским центром НТТМ (научно-технического творчества молодежи), а сама аббревиатура «МЕНАТЕП» означала «Межотраслевые научно-технические программы». Что такое центр НТТМ в 1980-е годы? Это возможность второй, третьей зарплаты от продажи своих разработок не государству, а другим, пока еще государственным предприятиям, но через юридическое лицо — центр НТТМ, который тогда брал определенный процент за свои услуги. То есть это возможность для предприятия получать дополнительные наличные деньги, что было очень важно в советской тогда еще экономике. Лаборатория в научно-исследовательском институте, в которой я работал младшим инженером в конце 1980-х годов, проводя один договор о научной работе (на государственном предприятии, используя государственную электроэнергию и государственные материалы) через центр НТТМ Красногвардейского района Санкт-Петербурга, платила ему за услуги 25 % от объема договора. Это не было банальной

обналичкой, но многие бизнесмены начинали подобным образом. Будущие владельцы «Астробанка» Кирилл Смирнов и Юрий Деревянко тоже начинали как руководители центра НТТМ, кажется, Выборгского района, ну а с руководством центра НТТМ Красногвардейского района очень дружили тогдашние молодые демократы Михаил Маневич, Альфред Кох и их друг Андрей Мамонтович Прокофьев — в будущем соавторы концепции Ленинградской зоны свободного предпринимательства.

В общем, сначала возник центр НТТМ Фрунзенского района города Москвы, потом предприятие «МЕНАТЕП», потом банк «МЕНАТЕП». Банк «МЕНАТЕП» очень быстро, что называется, поднялся за счет интересного финансового трюка. Это был еще Советский Союз, это был еще 1991 год. Летом 1991-го молодые хозяева молодого банка «МЕНАТЕП» поняли, что надо собрать и привлечь в банк как можно больше денежных средств. Банковское законодательство тогда было еще слабое, с небольшими ограничениями, акционерное законодательство — тоже. Руководство банка «МЕНАТЕП» объявило тогда о масштабной продаже акций своего банка на астрономические суммы — сотни миллиардов тогдашних рублей. В чем трюк? Сейчас это сделать было бы нельзя, на фирму с небольшим собственным капиталом можно привлечь ровно столько же денег в форме акций. А банк «МЕНАТЕП» на десятки миллионов рублей привлек миллиарды. Фактически это были ничем не обеспеченные фантики. Но народ покупал эти акции — на тогдашнем фондовом рынке акций почти не было и словосочетание «акции банка “МЕНАТЕП”» звучало загадочно и привлекательно... Это был фактически

обман покупателей акций — если бы Ходорковский уже тогда потратил все эти деньги, все равно покупатели акций не смогли бы себе ничего вернуть — выпуск акций не был ничем гарантирован.

Хочу напомнить, что примерно так же начинал Каха Бендукидзе — он зарегистрировал фактически «пустое» юридическое лицо «Концерн “НИПЕК”» с собственным капиталом в сотни тысяч рублей, а собрал миллиарды рублей, которые потом использовал для покупки на ваучеры стратегических предприятий — «Уралмаша» и «Ижорских заводов». Кроме этого, им были куплены предприятия военного судостроения. В последнее время в связи с этим возникли существенные коллизии — предприятие «Ижорские заводы» производит помимо прочего реакторы и другое оборудование для атомных электростанций. «Уралмаш» производит тяжелое вооружение, танки, а владеет всем этим гражданин Грузии, член правительства Грузии, которая напала на Южную Осетию в 2008 году. Представьте себе принадлежащий Круппу Кировский завод или принадлежащую «Сименсу» «Электросилу» в 1941 году.

Но вернемся к Ходорковскому. Еще одна его характерная черта — жестокость, о которой знали все крупные предприниматели. В 1994 году я работал в одном питерском банке, который тогда уже имел шестилетнюю историю. Это был первый кооперативный банк, его хозяева и руководители были уже тогда очень опытными бизнесменами. Осенью 1994 года возникла ситуация, когда для работы с так называемыми казначейскими налоговыми освобождениями — КНО, которыми Минфин тогда финансировал предприятия вместо реальных денег, нужно

было открыть счет для учета КНО в банке «МЕНАТЕП», перечислить деньги оборонному предприятию и ждать от «МЕНАТЕПА», что он переведет КНО с депозитарного счета предприятия на депозитарный счет банка, в котором я тогда работал, в течение 5 дней. КНО покупались у предприятия с дисконтом, а потом предъявлялись Минфину для налогового зачета. Риск был в том, что на 5 дней непереведенные КНО «застревали» в депозитарии банка «МЕНАТЕП». Когда я сообщил об этом хозяевам банка, в котором работал, они мне сказали совершенно неожиданную для меня фразу: «Мы этим заниматься не будем». «Почему?» — «Потому что мы Ходорковскому не доверяем. Он жестокий человек, и бандиты у него отмороженные. Если он нас “кинет”, мы ничего сделать не сможем». Я не знал, что сказать, но оценку Ходорковского другими предпринимателями запомнил очень хорошо.

Сама ситуация с этими КНО тоже была достаточно показательна. Откуда взялись КНО? Опять-таки, от безысходности и безденежности. Внешний управляющий — МВФ — запретил Российскому государству увеличивать расходы урезанного бюджета. Но в Минфине тогда еще понимали, что промышленность финансировать надо. В отличие от сегодняшнего времени. Сейчас Минфин не финансирует развитие промышленности вовсе.

И придумали КНО — казначейские налоговые обязательства. Промышленные и оборонные предприятия получали их в оплату госзаказа. Вместо «живых денег». Это лучше, чем ничего: долговые обязательства государства сроком 1 год, под которые можно было получить кредит, а можно передать субподрядчикам или же заплатить ими налоги.

Или продать со скидкой каким-нибудь нефтяным предприятиям, чтобы они заплатили ими свои налоги. Скидки в среднем были примерно процентов 20, но доходили и до 40. То есть оборонные предприятия недофинансировались. Через некоторое время МВФ понял, что реальное финансирование оборонных предприятий все-таки происходит через КНО, и все эти схемы запретил. Вот и ответ на вопрос, кто тогда руководил нашей страной.

Следующая история с «МЕНАТЕПОМ» произошла в 1998 году. Тогда многие банки оказались перед финансовой пропастью — ранее они брали кредиты в валюте, активы держали в российских рублях, в том числе для скупки предприятий и игре на ГКО, а теперь после дефолта и резкого падения курса рубля нужно было возвращать подорожавшие в три раза кредиты в валюте. Многие хозяева банков попросту свои банки ликвидировали, переводя «вкусные» активы — кредиты, акции предприятий — в другие свои фирмы. Так рухнул «Инкомбанк» Виноградова, банк Смоленского — «Столичный банк сбережений», поглотивший незадолго до этого «Агропромбанк», банк Гусинского — «МОСТ-банк». Единственный банк, принадлежавший банкирам «семибанкирщины», который выстоял в 1998 году, был «Альфа-банк» Михаила Фридмана, который выплатил все долги до копейки. А что «МЕНАТЕП»? На банке «МЕНАТЕП» висели очень хорошие активы — акции крупных предприятий, деньги. Ходорковский все перевел из рушащегося банка «МЕНАТЕП» на свое юридическое лицо — финансовую группу «МЕНАТЕП», а также на другой банк «МЕНАТЕП-Санкт-Петербург». Позже на заседании Государственной думы разбирался вопрос о погашении

задолженности банка «МЕНАТЕП» перед вкладчиками на сумму 60 млрд рублей, то есть примерно на 2 млрд долларов.

Вот на какие деньги «кинул» Ходорковский простых людей в 1998 году! Один предприниматель имел счет в банке «МЕНАТЕП», на котором была сумма около 10 млн долларов. Он поехал в Москву договариваться с Ходорковским, которого знал лично. При личной встрече Ходорковский ему сказал примерно следующее: «Я бы лично тебе деньги вернул, но мы, компаньоны, договорились, что возвращать ничего не будем. Извини». Я не пишу о бандитах, о захвате нефтяных фирм, об убитом мэре Нефтеюганска Петухове, о квартире режиссера Светланы Враговой. Я пишу о том, что сам слышал, о своих впечатлениях.

И «МОСТ-банк» Гусинского, и банк «СБС-агро» Смоленского тоже «кинули» своих вкладчиков в 1998 году. И «ОНЭКСИМбанк» Потанина — Прохорова — тоже.

Интересна история и покойного ныне «ОНЭКСИМбанка». О том, как из небольшого банка можно было тогда легким движением руки сделать банк-монстр, один из системообразующих банков. Все было очень просто. И Потанин, и Прохоров работали раньше в банках, накопив немного денег, они создали не один, а два банка — «ОНЭКСИМбанк» и «Банк МФК» («Международная финансовая компания»). Первоначально это были небольшие банки, и нужно было как-то увеличить их банковские показатели, увеличить их баланс.

Что придумали в начале 1990-х годов Потанин с Прохоровым? Один «свой» банк объявляет о выпуске своих акций на сумму, предположим, 100 млн рублей и тут же

дает кредит другому своему банку, тот на эти деньги покупает эти акции. Другой «свой» банк делает то же самое. Реальные деньги либо никуда не двигаются, либо «прогоняются» по кругу. В результате без всяких дополнительных затрат возникают два солидных банка с большим уставным капиталом и большим кредитным портфелем межбанковского кредитования друг друга. Через некоторое время Центральный банк сделки такого типа запретил, но дело было сделано — из двух небольших банков Потанин и Прохоров на бумаге создали монстра — два банка с большими нарисованными показателями.

После путча 1993 года, когда Ельцин захватил власть у избранного российским народом парламента, у него были развязаны руки. Ельцин и его приспешники начали усиленно «клепать» под себя Конституцию, страна управлялась указами президента до выборов в новую Думу, где относительное большинство составили в итоге коммунисты, партия Жириновского ЛДПР тоже получила достаточно большое количество голосов, а так называемые «демократические», а на самом деле буржуазные партии получили минимумы миниморум. Народ начинал ненавидеть Ельцина и его клику. Экономические неурядицы продолжались. Экспортные возможности страны успешно перекрывались как Соединенными Штатами, так и европейскими странами. Свои министры тоже внесли лепту в уменьшение экспортного потенциала страны и разрушение промышленности. Богатейшая страна стояла чуть ли не на панели, выпрашивая деньги у Международного валютного фонда, других финансовых институтов и иностранных государств.

В 1993–1996 годах социальные расходы бюджета Ельцин и его клика старались не трогать, понимая, что России лишний социальный взрыв не нужен. Что оставалось? Либо эмиссия — увеличение количества денег в обращении, либо сокращение государственного заказа, в основном оборонного. Осуществлять эмиссию дополнительных денег МВФ России запретил, ставя этот запрет условием получения его займов. И ельцинские подручные начали сокращать госзаказ и оборонный бюджет. Так «чикагские мальчики», младшие научные сотрудники Гайдара и Чубайса, начали убивать российскую оборонную промышленность.

Надо заметить, что Центральный банк России и Министерство финансов все 1990-е годы вели очень странную монетарную политику. В стране катастрофически не хватало своих денег, нарастали неплатежи, рубль в расчетах заменялся американским долларом — а Минфин и Центробанк не печатали деньги, не проводили эмиссию, уменьшая уровень жизни населения, удушая его спрос на товары и тем самым губя российские предприятия.

V

Глупость или измена?

В начале 1990-х годов спешно-спешно, после победы Ельцина над народом, было принято много финансовых указов и законов, проведенных через парламент. Особенно интересны законодательные акты о правительстве и Центральном банке: депутаты — представители народа были лишены всякого контроля над деятельностью правительства, а значит, и Минфина, и Госкомимущества, а Центральный банк стал и вовсе независимым от России. Как он осуществлял независимую деятельность, показали несколько дел, связанных с размещением валютных ресурсов правительства России (а значит, и всей страны) в офшорной фирме FIMACO. В Интернете об этой организации можно найти много интересного. Весной 1996 года Центральный банк «сливает» в эту фирму примерно миллиард долларов — к слову, это значительная часть валютного запаса страны, — а потом вместо размещения этих средств под низкие проценты за границей продает их и рубли вкладывает в ГКО под 100 % годовых. И это в то время, когда в стране не хватает денег.

Компромат. ру:

В начале февраля 1996 года подсчитали: для того чтобы закрыть задолженности по зарплатам и пенсиям, а также удовлетворить прочие нужды, необходимые для проведения успешной президентской кампании, требовалось примерно \$500 млн. У олигархов таких денег не было, да и вкладываться они не торопились. Вариантов было два: либо взять деньги из валютных резервов ЦБ, либо проводить эмиссию. Но против обоих вариантов выступил тогдашний глава ЦБ Сергей Дубинин. Тогда и была придумана схема (ее авторство приписывают бывшему первому замминистру финансов Андрею Вавилову), которая позволяла профинансировать бюджет через ГКО. Как утверждает тот же источник, решение принималось на уровне президента и премьер-министра страны.

Но снова встал вопрос: как одолжить такое количество денег? Выпустить-то ценные бумаги можно, да кто ж из резидентов не побоится их купить на такую сумму? Так, в конце февраля 1996 года и было принято решение допустить нерезидентов на рынок государственных ценных бумаг. Выпустили еще и ОВБЗ 6-го и 7-го траншей, которые стали принимать в качества зачета по налогам — это уже для собственных бизнесменов.

Решение приняли, но как привлечь иностранцев, которые России все еще боялись, как чумы? Вот тогда в дело и вступили совзагранбанки — «Евробанк» в том числе. Именно они призваны были показать, что вложения в ГКО выгодны. Почуяв запах быстрых денег, на рынок ГКО пришли и настоящие иностранцы. Таким образом, «заняв через государственные рублевые обязательства деньги у Запада, выборы были выиграны», — заключил источник.

¹ http://www.compromat.ru/page_10382.htm.

За пять месяцев через «Еврофинанс» и «Евробанк» в FIMACO и далее в ГКО было инвестировано без малого миллиард долларов. Другими словами, миллиард долларов валютных резервов страны через вышеупомянутые финансовые институты конвертировался в рубли, на них покупались долговые обязательства Министерства финансов, а потом гасились тем же Минфином — то есть деньгами бюджета, но уже с процентом. Полученная сумма переводилась в доллары, и часть ее уходила за границу. Стоит ли удивляться, что в 1997 году четыре члена правления «Евробанка» получили бонус в размере \$1,2 млн?

И еще одна любопытная деталь. Указания по упомянутому уже переводу денег FIMACO были даны ЦБ 20 сентября 1993 года — именно в этот день, напомним, был издан указ президента № 1400, которым был распущен парламент. Не уводил ли ЦБ деньги из страны? На этот вопрос тоже хотелось бы получить ответ от тогдашнего и нынешнего главы «Банка России» Геращенко.

А самый крупный перевод денег в FIMACO — в \$1,4 млрд — был сделан в сентябре 1994 года. Аккурат накануне черного вторника. Хотя валютный рынок тогда был так мал, что на поддержание его хватило бы и 10 % переведенной в офшор суммы.

«FIMACO по существу является нашей стопроцентной внучкой», — оправдывался глава ЦБ Виктор Геращенко в Думе после того, как там было обнародовано известное письмо генпрокурора. Но в том-то и дело, что «по существу» офшор, через который прошли как минимум \$2,5 млрд валютных резервов страны (это та сумма, на которую имеются документальные подтверждения) и как минимум две трети одного из траншей кредита МВФ (1993 года), как раз не является ни внучкой, ни дочкой «Банка России».

Страна задыхается от нехватки валюты, от нехватки рублей, а Центральный банк оперирует миллиардами, совместно с Минфином привлекает деньги от инвесторов в страну на кабальных условиях — и под шумок вместе с ними зарабатывает на этом.

Обратите внимание на активность этой фирмы FIMACO в 1993–1994 годах.

Сейчас эти люди — Виктор Геращенко, Сергей Дубинин, Сергей Алексашенко — считаются в обществе весьма уважаемыми и влиятельными. Хотя их место, на мой взгляд, совсем в другой части общества — той, которая отбыванием наказания искупает свои преступления.

VI

Залоговые аукционы

**Говорит К. Сорокин, заведующий Центром
геополитических исследований Института Европы РАН¹:**

Идея проведения инвестиционных конкурсов по продаже закрепленных за государством акций акционированных предприятий была впервые законодательно закреплена в законе «О приватизации государственных и муниципальных предприятий РСФСР». Основные цели предполагаемой приватизации в нем прописаны не были. Однако использование в его тексте термина «инвестиционные конкурсы» предполагало, что продажа в частные руки госпакетов акций должна была обеспечить приток финансовых средств в реальную экономику и тем самым оживить производство, расширить налогооблагаемую базу и увеличить доходы бюджета. Однако тогда приватизационная идея не получила полноценного законодательного развития. Лишь 15 февраля 1994 года появилось распоряжение Госкомимущества «Положение об инвестиционном конкурсе по продаже пакетов акций акционерных обществ, созданных

¹ http://www.compromat.ru/page_9820.htm.

в порядке приватизации государственных и муниципальных предприятий» за № 342-р, а 22 июля 1994 года Указом № 1535 Президент утвердил «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 г.». На основании этих документов, не являющихся «полновесными» законами, в 1994 и 1995 годах была проведена серия инвестиционных конкурсов. При этом отсутствие полноценной законодательной базы, наличие в указанных документах большого числа правовых «мертвых зон», неясностей и противоречий создали основу для многочисленных злоупотреблений в ходе аукционов.

В начале 1995 года появилась еще одна — залоговая — концепция приватизации. Ее автором был президент «ОНЭКСИМбанка» В. Потанин. Он же озвучил содержание конкретного проекта на заседании правительства 30 марта 1995 года, предложив от имени консорциума банков предоставить кредит правительству под залог принадлежащих государству акций ведущих российских предприятий. Уже тогда было ясно, что в бюджете не будет денег на возврат кредита. Поэтому в долгосрочной перспективе речь шла не о залоге, а о приватизации госпредприятий путем продажи заложенных акций.

Не было секретом и то, что не устраивало Потанина в концепции инвестиционной приватизации и почему возникла идея приватизации залоговой. В первом случае переход государственного имущества в частные руки обуславливался обязательством со стороны нового владельца вкладывать собственные деньги в дальнейшее развитие производства, во втором такого обязательства не требовалось. Тем самым у новых собственников появлялась возможность получать сверхдоходы за счет ничем не компенсируемой эксплуатации промышленных объектов. Не исключался и вариант их быстрой перепродажи, но уже не по специально заниженной конкурсной, а по реальной рыночной цене.

В дальнейшем выяснилось еще одно любопытное обстоятельство.

31 августа 1995 года Президент подписал Указ № 889 «О передаче в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности». А уже 6 сентября Потанин направил Ельцину письмо, в котором подчеркивается, что до начала IV квартала (назначенный указом срок «открытия сезона» залоговых аукционов) остается мало времени, но все еще остается большой объем работ по подготовке к залоговым конкурсам. В связи с этим Потанин попросил Президента «поручить консорциуму российских коммерческих банков организацию в дальнейшем всей работы, связанной с проведением аукционов на право заключения договоров кредита, залога находящихся в федеральной собственности акций и комиссии». Поскольку президент «ОНЭКСИМбанка» являлся неофициальным лидером консорциума, то фактически он просил для себя право контролировать организацию и проведение залоговых аукционов.

Формально Ельцин согласился лишь с приложенным к письму списком предприятий, под которые консорциум выражал готовность ссудить правительству деньги. Но фактически Президент отдал залоговые и инвестиционные конкурсы (в ряде случаев оба вида аукционов проводились параллельно, например по НК ЮКОС) в руки руководства «ОНЭКСИМбанка» и пары других особо приближенных к руководству страны финансовых структур («МЕНАТЕПА» и СБС). Это также содействовало тому, что в ходе подготовки и проведения аукционов возникло множество крайне спорных ситуаций.

Что конкретно попало в руки олигархов?

Б. Березовский, Р. Абрамович, А. Смоленский стали владельцами 85 % акций ОАО «Сибнефть» и приобрели контроль над его дочерними фирмами.

Приватизация «Сибнефти» была признана Счетной палатой неэффективной (государство при продаже акций потеряло 18,6 трлн рублей) и нецелесообразной, поскольку доходы от продажи всего в 1,7 раза превышают прибыль головной компании ОАО «Сибнефть».

23 октября 1995 года вышло распоряжение правительства № 1456-р. В нем говорилось о принятии предложения Госкомимущества, согласованного с ЦБ РФ, об открытии в «ОНЭКСИМбанке» текущего счета ГКИ для внесения задатков участниками залоговых аукционов (в том числе и самого «ОНЭКСИМбанка» и его финансового близнеца МФК). Этим обстоятельством «ОНЭКСИМ» воспользовался в начале декабря 1995 года при проведении конкурса по «Сибирско-Дальневосточной нефтяной компании» (НК «СИДАНКО»). Заявка «Российского кредита» была отклонена на том основании, что этот банк не перечислил вовремя задаток в размере 3,75 млн долларов на спецсчет в «ОНЭКСИМбанке». На самом деле «Роскредит» опоздал на 23 минуты с уведомлением о переводе денег, причем задержка произошла из-за того, что служба безопасности «ОНЭКСИМбанка» не пропускала представителей «Роскредита» в охраняемый ею банк.

По крайней мере на одном залоговом конкурсе группировка «ОНЭКСИМбанк» — МФК соревновалась сама с собой. На 14,48 % госакций Новолипецкого металлургического комбината (НЛМК) претендовали ООО «Машсервис» (гарант — АКБ МФК) и АКБ МФК (гарант — ООО «Машсервис»). Естественно, такая ситуация превращала аукцион в профанацию.

С «Норильским никелем» происходили удивительные события.

Говорит К. Сорокин, заведующий Центром геополитических исследований Института Европы РАН¹:

18 сентября 1995 года председатель правительства подписал Постановление № 949 «О перечне акционерных обществ, созданных в процессе приватизации, производящих продукцию (товары, услуги), имеющую стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности, закрепленные в федеральной собственности, акции которых не подлежат досрочной продаже». Данным постановлением был утвержден перечень АО, акции которых «не подлежат досрочной продаже, согласно Приложению 1». В этом Приложении под номером 422 значилось РАО «Норильский никель». Впоследствии Постановление № 949 не раз изменялось и дополнялось, но РАО никогда не было исключено из списка предприятий, запрещенных к досрочной продаже. В то же время, согласно Приложению 2 («Обязательные условия договора залога») к Указу № 889, «предмет залога передается залогодержателю и находится у него во владении и пользовании» (раздел 2), то есть залог фактически является продажей.

Стоимость выставленных на аукционы лотов была явно занижена.

Как следствие, госакции были заложены под весьма скромные кредиты. Так, 38 % акции РАО «Норильский никель» (эквивалентны 51 % голосующих акций) «ОНЭК-СИМбанк» получил в залог с перспективой последующего приобретения за 170,1 млн долларов. При этом по договоренности с ГКИ эти деньги никуда из банка не

¹ http://www.compromat.ru/page_9820.htm.

ушли — считаясь бюджетными, они в течение года оставались на счетах в «ОНЭКСИМе» как уполномоченном банке Госкомимущества. Оценочная прибыль банка за прокрутку этой суммы составила порядка 85 млн долларов. Но только за один год РАО выпускает продукции на сумму свыше 2,2 млрд долларов (РАО производит 90 % никеля и кобальта, 100 % платины и 75 % никеля в России). По оценкам экспертов, при условии достижения минимальной внутренней стабильности активы концерна могут быть оценены не менее чем в 12 млрд долларов. Уже после проведения аукциона стало известно, что не допущенный на него «Российский кредит» был готов заплатить за акции «Норильского никеля» сумму, в два раза превышающую ту, что выложил «ОНЭКСИМбанк», — 335 млн долларов. Показательно и такое сопоставление. Приобретение 15 % акции небольшого Режеского никелевого завода обошлось его конечному победителю ФИК «ВТС» в 101 млн долларов. (Инвестиционный конкурс проводился под эгидой фонда имущества Свердловской области. После неспособности его «первичного» победителя уплатить 106 млн долларов итоги аукциона были пересмотрены в пользу ФИК «ВТС».) По итогам залоговых аукционов «ОНЭКСИМбанк» — МФК должен был прокредитовать государство на сумму 1,4 трлн рублей, или 336 млн долларов (под залог акций РАО «Норильский никель», НК «СИДАНКО», Северо-Западного морского пароходства, НЛМК). Кроме того, в соответствии с условиями конкурса по «Норильскому никелю» «ОНЭКСИМбанк» обязался привлечь в РАО инвестиций на сумму 1 млрд долларов в 1996–1997 годах. При этом через 11 дней после конкурса — 28 ноября 1995 года — руководство банка на встрече с руководителями РАО пообещало, что значительную часть этой суммы оно выделит из собственных средств «ОНЭКСИМА».

В то же время по состоянию на 1 января 1996 года суммарный собственный капитал всей банковской

группы «ОНЭКСИМбанк» — МФК — по заявленным банками данным — составил всего лишь 2 491 443 млн рублей (эта цифра представляет особый интерес, поскольку ТОО «Кант» не было допущено комиссией к участию в конкурсе по «Норильскому никелю» из-за того, что собственные средства его гаранта — банка «Российский кредит» — были меньше установленной стартовой цены), активы — 28 928 424 млн рублей. С учетом иных «незалоговых» обязательств финансовой группы (например, в 1996 году «ОНЭКСИМбанк» обязался выдать бюджетополучателям кредиты под гарантии Минфина на сумму 2563,77 млрд рублей) выходило, что «ОНЭКСИМбанк» — МФК полностью прокредитовать правительство на обещанную сумму по сути не мог. Видимо, с этим и было связано нежелание «ОНЭКСИМбанка» расставаться с основной суммой своего «кредитного долга» государству в 170,1 млн долларов. С учетом сказанного в несколько ином свете видится и та поспешность, с которой в конце 1996 года «ОНЭКСИМбанк» разместил еврооблигации на внушительную для частного российского банка сумму в 50 млн долларов. Наконец, пообещав прокредитовать правительство, банковская группа практически сразу же стала требовать льготы в отношении взятого ею в залог, а по сути приобретенного имущества с пониманием того, что многие льготы сразу же распространятся и на нее саму. Так, в течение 1996 года «ОНЭКСИМбанк» — МФК сумела истребовать для одного РАО «Норильский никель» следующие «поблажки»:

- был отсрочен возврат ряда кредитов, взятых РАО под сезонный завоз продукции, на сумму 400 млрд рублей (отвечать по этим долгам пришлось бы «ОНЭКСИМбанку»);

- приостановлено начисление процентов и штрафных санкций по этим ссудам;

- из иностранных кредитов, которые Российская Федерация должна была получить по правительственной

линии, на РАО было «расписано» 200 млн долларов. Провести эти деньги предполагалось через «ОНЭКСИМбанк»;

— было принято решение снизить таможенные пошлины на оборудование, приобретаемое за рубежом для комбината.

Общая стоимость всей этой правительственной «финансовой помощи» оценивалась в 1–1,5 млрд долларов. Разумеется, государство, не склонное, так же как и «ОНЭКСИМбанк» — МФК, выполнять взятые на себя обязательства, от части обещаний впоследствии отказалось. Тем не менее представляется, что льготы, реально предоставленные правительством «Норильскому никелю», в финансовом отношении сопоставимы с той суммой, что была получена бюджетом в качестве кредита от «ОНЭКСИМбанка» — МФК под залог всех отчужденных у государства акций.

В начале 1996 года в центре российской общественно-политической жизни кроме предстоящих президентских выборов находился приватизационный скандал вокруг «Норильского никеля». Добиваясь смещения руководителя РАО А. Филатова, представители «ОНЭКСИМбанка» обвиняли его и других подчиненных ему «красных директоров» в развале производства, полной дезорганизации финансовых потоков на комбинате. Им ставились в вину нерегулярная выплата зарплат рабочим, растущая задолженность перед бюджетами всех уровней, неспособность или нежелание рассчитываться по взятым ранее коммерческим кредитам. В конечном итоге Филатов был вынужден уйти, но «правление» «ОНЭКСИМбанка» не привело к улучшению ситуации на «Норильском никеле».

В принципе приватизация (акционирование) любого предприятия должна вести к оптимизации производственного процесса, то есть минимизации издержек производства, положительной структуре баланса; она также должна обеспечить для государства полную

прозрачность всего механизма производства и реализации продукции и гарантировать рост поступлений в бюджеты всех уровней. Однако единственным светлым пятном в деятельности комбината стало увеличение производства никеля, меди и металлов платиновой группы в 1996 году на 11 % по сравнению с предыдущим годом. Но прирост этот был обеспечен главным образом за счет отдачи от крупных вложений в модернизацию производства, сделанных прежними руководителями (в 1994 году — 370 млн долларов; в 1995-м — 320 млн долларов). В то же время «ОНЭКСИМбанк» не выполнил своего обязательства по привлечению на РАО «Норильский никель» инвестиций на сумму 1 млрд долларов (к августу 1997 года было изыскано только 370 млн долларов), поэтому можно ожидать, что уровень производства в ближайшее время начнет сокращаться. Другие же важнейшие показатели деятельности РАО значительно ухудшились. Так, рентабельность производства снизилась с 89 % в 1995 году до 23–27 % (по разным оценкам) в 1996 году. Резко сократилась и балансовая прибыль — с 5,5 трлн рублей в 1995 году до 1,5 трлн рублей в 1996-м. Скакнула вверх кредиторская задолженность.

На начало 1996 года она оценивалась в 6,3 трлн рублей, во втором квартале 1997 года достигла 16,9 трлн рублей. При этом РАО «Норильский никель» и его дочерние предприятия резко уменьшили платежи в бюджеты всех уровней, что привело к быстрому и значительному увеличению задолженности производственных структур. В качестве иллюстрации можно привести следующие цифры.

В федеральный бюджет от РАО «Норильский никель» поступило: в 1994 году — 277 632 млн рублей, в 1995-м — 653 785 млн рублей, в 1996-м — 234 986 млн рублей, за первый квартал 1997-го — всего 37 157 млн рублей. Региональный и местный бюджеты получили от РАО в 1995 году 930 900 млн рублей, в 1996-м — 360 800 млн

рублей. В то же время общая задолженность РАО перед госбюджетом составила: в 1994 году — 41 725 млн рублей, в 1995-м — 125 917 млн рублей, в 1996-м — 743 132 млн рублей.

От дочернего предприятия — ОАО «Норильский горно-металлургический комбинат» — поступило в федеральный бюджет: в 1994 году — 274 108 млн рублей, в 1995-м — 652 177 млн рублей, в 1996-м — 218 039 млн рублей, в первом квартале 1997-го — лишь 37 147 млн рублей. В региональный и местный бюджеты ОАО перечислило: в 1995 году — 930 900 млн рублей, в 1996-м — 360 800 млн рублей. В целом в 1996 году выплаты в бюджеты всех уровней упали на 988,9 млрд рублей, или на 57,9 %. При этом доля зачетов в общей сумме налоговых поступлений достигла 51,6 % в 1996 году против 6,4 % в 1995-м. В то же время задолженность ОАО перед федеральным бюджетом достигала: в 1994 году — 41 725 млн рублей, в 1995-м — 125 917 млн рублей, в 1996-м — 743 132 млн рублей.

Бурное увеличение долгов происходило на фоне роста производства, что выглядит крайне подозрительно. Логично поэтому предположить, что наращивание задолженности было в значительной степени целенаправленной акцией. При этом следует учесть такие обстоятельства.

Во-первых, валютные поступления от экспорта металлов РАО «Норильский никель» использовало для погашения кредитов и процентов по ним, для оплаты выполненных российскими предприятиями (по договорам подряда) работ и услуг и приобретенных товаров, а также для финансирования уставной деятельности НГМК. Кроме того, в нарушение инструкций ЦБР при выполнении договора комиссии с ЗАО «Интерросимпэкс» (50 % акций принадлежат «ОНЭКСИМбанку», 50 % — АКБ МФК) валютные средства направлялись на оплату таможенных пошлин, страхование грузов, оплату процентов

за пользование кредитами, на покупку векселей и казначейских обязательств вместо их перечисления на валютные счета РАО «Норильский никель».

Во-вторых, денежные средства дочерних предприятий, в том числе и ОАО НГМК, обращаются через счета РАО «Норильский никель». Поэтому инкассовые поручения, выставляемые НГМК Государственной налоговой службой, и платежные поручения самого комбината на перечисление налоговых платежей находятся без движения. Получается, что «ОНЭКСИМбанк» использует свой контроль над товарно-денежными потоками дочерних предприятий РАО в собственных коммерческих интересах, уводя значительную долю прибыли из-под налогообложения. За прошедшие полтора года резко обострилась ситуация и в социальной сфере. Она и раньше была достаточно напряженной: на апрель 1996 года, когда «ОНЭКСИМбанк» взял рычаги управления производством на себя, задолженность по зарплате составляла 500 млрд рублей.

Но к концу первого квартала 1997 года эта задолженность не только не уменьшилась, но наоборот — выросла в 2,5 раза и составила 1,2 трлн рублей. Таким образом, было сорвано выполнение одного из ключевых положений «Открытого протокола встречи представителей объединенного профсоюзного комитета ОАО НГМК с представителями “ОНЭКСИМбанка”» от 11 апреля 1996 года, подписанного со стороны банка В. Потаниным, об обеспечении стабильности получения зарплаты и отпускных сотрудниками ОАО.

К тому же в начале 1997 года гендиректор «Норильского никеля» А. Хлопонин объявил о планах массовых увольнений. Лишиться работы на комбинате должны были 30 тыс. человек, притом что других вариантов занятости в северном городе не так много. Неудивительно, что настроения работающих изменились в последние месяцы на 180 градусов. Во время конфликта

«ОНЭКСИМА» с «красным директоратом» рабочие и профсоюзы выступили на стороне банка. Через год, в начале марта 1997-го, на ведущем предприятии РАО — НГМК — произошли сильные волнения. При этом требования персонала НГМК были следующие: вернуть долги по зарплате, отстранить «ОНЭКСИМбанк» от управления комбинатом, передать коллективу часть акций на ту сумму, на которую администрация не сможет расплатиться с рабочими «живыми деньгами».

Значительную долю ответственности за тяжелую ситуацию, сложившуюся на РАО «Норильский никель», несет финансовый дуэт «ОНЭКСИМбанк» — МФК. Во-первых, он назначает 4 из 11 членов совета директоров акционерного общества. Во-вторых, в РАО произошла концентрация управленческих полномочий у одного должностного лица — гендиректора А. Хлопонина, до этого занимавшего должность президента банка МФК. Но отчасти вина лежит и на государственных органах, не обеспечивших надлежащий контроль над состоянием дел в РАО: в 1996 году в Совете директоров остался только один представитель государства — А. Кох, который к тому же пропустил 6 из 11 прошедших заседаний совета.

В общем, Потанин и Прохоров получили «Норильский никель» у государства почти даром, за его же деньги и под «дутый» банк, набрали под него долгов и стали платить меньше налогов государству. А представителем государства в «Норильском никеле», который попустительствовал всему этому, был хорошо нам знакомый Альфред Кох.

«ЮКОС» достался Ходорковскому.

5 декабря 1995 банк «Менатеп» как уполномоченный банк Госкомимущества РФ по проведению инвестиционного конкурса отказался принять заявку консорциума в составе «Инкомбанка», «Российского кредита» и «Альфа-банка». По словам представителя банка «Менатеп», консорциум вместо 350 млн долларов, необходимых для участия в инвестиционном конкурсе, депонировал всего 82 млн долларов и «представил справку, где у них лежат ГКО, свои и клиентские». Консорциум подал заявку на залоговый аукцион, которая также не была зарегистрирована, поскольку к залоговому аукциону допускаются только участники инвестиционного конкурса.

8 декабря 1995 года участниками аукциона стали две компании — ЗАО «Лагуна» и ЗАО «Реагент». Третья заявка поступила от АООТ «Бабаевское», представлявшего интересы «Инкомбанка», «Альфа-банка» и «Российского кредита». Комиссия по проведению инвестиционного конкурса под председательством заместителя председателя Российского фонда федерального имущества Валерия Фатикова заявку АООТ «Бабаевское» отклонила, так как компания не депонировала на блокированном счету Минфина в ЦБ РФ денежные средства, эквивалентные 350 млн долларов.

Победителем стала фирма «Лагуна», за которой стоял «Менатеп». Эта же компания победила в залоговом аукционе, предложив кредит 159 млн долларов.

26 января 1996 года Московский арбитражный суд удовлетворил иск банка «Менатеп» к «Альфа-банку», «Российскому кредиту» и «Инкомбанку» о защите деловой

репутации. Суд обязал ответчиков дать опровержение сведений, заключающихся в их заявлении о залоговом аукционе НК «ЮКОС».

В июне 1996 года апелляционная инстанция Московского арбитражного суда отклонила жалобу АО «Бабаевское» о признании недействительными результатов инвестиционного конкурса и залогового аукциона по пакету акций НК «ЮКОС» и об отмене решений суда первой инстанции. В апреле 1996 года Московский арбитражный суд рассмотрел иск АО «Бабаевское» и признал правомерными итоги аукциона¹.

СЧЕТНАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственный научно-исследовательский институт
системного анализа

Счетной палаты Российской Федерации

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стр. 61

«Правительством Российской Федерации не было обеспечено эффективного противодействия злоупотреблениям и нарушениям в ходе организации и проведении в 1995–1996 годах залоговых аукционов. Так, например, консорциум российских коммерческих банков в составе банков «Империал», «Инкомбанк»,

¹ <http://chinovnikam.net/content/18/84/6.html>.

«ОНЭКСИМбанк», «Столичный банк сбережений», «Менатеп» и АКБ «Международная финансовая компания» предложил Правительству Российской Федерации крупный льготный приватизационный кредит, временно замещающий собой запланированные в бюджете поступления от приватизации, при условии передачи им в доверительное управление пакетов акций ряда крупнейших и рентабельных российских предприятий.

Было отмечено, что сумма кредитов, полученных от передачи в залог федерального имущества, была эквивалентна сумме временно свободных валютных средств федерального бюджета, размещенных в это время Минфином России на депозитных счетах коммерческих банков, ставших затем победителями в залоговых аукционах.

Так, например, временно свободные средства Минфина России были размещены:

в АБ «Империял» — в размере 80 млн долларов США при общей сумме в двух договорах кредита в 48,3 млн долларов, в «Столичном банке сбережений» — 137,1 млн долларов при сумме кредита в 100,3 млн долларов США, в банке «Менатеп» — 120 млн долларов при общей сумме двух договоров кредита в 163,125 млн долларов США.

В соответствии с «Обязательными условиями договора кредита», утвержденными Указом Президента от 31 августа 1995 г. № 889, погашение заемщиком обязательств по договорам кредита осуществлялось из средств федерального бюджета без указания финансового года. Однако во всех договорах кредита была указано, что погашение осуществляется из средств федерального бюджета 1995 года, что фактически означало следующее: вместо передачи акций в залог, то есть во временное использование федеральной собственности, происходила запланированная продажа акций.

Таким образом, сделки кредитования Российской Федерации под залог акций государственных предприятий

могут считаться притворными, поскольку банки фактически «кредитовали» государство государственными же деньгами. Минфин России предварительно размещал на счетах банков — участников консорциума средства в сумме, практически равной кредиту, а затем эти деньги передавались Правительству Российской Федерации в качестве кредита под залог акций наиболее привлекательных предприятий. В результате банки, «кредитовавшие» государство, смогли непосредственно либо через аффилированных лиц стать собственниками находившихся у них в залоге пакетов акций государственных предприятий.

В нарушение установленного порядка, предполагающего предоставление кредита целиком и в рамках одного финансового года, кредитные средства нередко направлялись частями, а выплаты растягивались. Так, например, договор кредита от 13 декабря 1995 г. № 8-КЗ с Новороссийским морским пароходством предусматривал предоставление кредита порциями (80 % и 20 %), причем два договора были заключены со сроками предоставления кредита, выходящими за пределы 1995-го финансового года.

Анализ состава участников аукционов и их гарантов показал, что в большинстве случаев состязательность при проведении аукционов не предполагалась. Из 12 аукционов лишь в четырех сумма кредита существенно превысила начальную цену. В остальных случаях начальная цена была превышена чисто символически, при этом или оба участника имели одного и того же гаранта, или один из участников являлся и гарантом остальных, или оба участника являлись гарантами друг друга.

Таким образом, в результате проведения залоговых аукционов отчуждение федеральной собственности было произведено по значительно заниженным ценам, а конкурс фактически носил притворный характер».

Скорбный список предприятий можно продолжать.

В 1990-е годы разными органами представительной власти предпринимались попытки остановить приватизационный беспредел и покарать виновных. Фактически вся приватизация проводилась в России с нарушениями законодательства. По всем крупным предприятиям Счетной палатой были организованы проверки, по итогам которых принимались постановления. И что? А ничего. Министры и чиновники — на местах, олигархи — при деньгах. После окончания эпопеи с залоговыми аукционами стало ясно, что верны были оба предположения. И глупость, и измена. Все прошедшие аукционы по нефтяным гигантам были отмечены необычайной активностью банков — участников заседания правительства от 30 марта 1996 года и необъяснимой апатией банков, возвращенных на нефтедолларах. А выручка оказалась в три раза ниже первоначально предложенной цены. Объяснение этому феномену в августе 1996 года дала Счетная палата РФ.

Проверка показала, что крупнейшие российские нефтяные компании и РАО «Норильский никель» были «выкуплены» коммерческими банками из федеральной собственности за счет средств федерального же бюджета и по бросовой цене.

Из выводов Счетной палаты РФ:

На период проведения залоговых аукционов в ноябре-декабре 1995 года Министерством финансов РФ

¹ http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/priv-tree_files-fl-6.pdf.

было размещено на депозитных счетах в российских коммерческих банках 603,739 млн долларов «временно свободных средств федерального бюджета», что практически эквивалентно общей сумме кредита, реально поступившей в госказну в 1995 году от залоговых аукционов (2,859 трлн рублей). «Временно свободные средства Минфина РФ» были размещены и в трех коммерческих банках, которые стали победителями в пяти залоговых аукционах.

Все средства переводились по распоряжениям одного человека — Андрея Вавилова. (Конечно же, замминистра легко может доказать, что не нарушал никаких инструкций. Как можно нарушить то, что сам придумываешь?)

Откуда в дырявом бюджете России появились «временно свободные средства», которые были отданы частным банкам всего под 8 % годовых? На этот вопрос Андрей Вавилов довольно откровенно ответил в своем письме за № 3-Г-4-04/54 от 05.06.1996. Оказывается, деньги переводились в коммерческие банки «в целях создания достаточного запаса прочности».

На глазах у всего честного народа была в два счета разыграна удивительная мистерия. Примерно такая: мальчик подошел к тете-кассиру в булочной, попросил денежку, а затем этой же денежкой расплатился за булочку. Лавры этой простой, как все гениальное, идеи в Минфине приписывают кибер-уму Андрея Вавилова¹.

¹ <http://lib.rin.ru/doc/i/156033p6.html>.

Вот что выяснил Юрий Болдырев¹:

Перед самым проведением «кредитно-залоговых аукционов» (якобы с целью получения кредитов для финансирования бюджетных расходов) правительство разместило на депозитах в коммерческих банках около 600 млн долларов так называемых «временно свободных средств», и по результатам «кредитно-залоговых аукционов» в кредит, но уже под залог госпакетов акций стратегических предприятий («Норильский никель», ЮКОС и др.), были получены у банков те же 600 млн долларов, это означает, что правительство организовало получение государством кредита из своих же государственных ресурсов, но под прикрытием этого передав банкам права на стратегическое госимущество.

В акте и отчете неслучайно о главном говорится вскользь и не указывается на факты в их совокупности, послужившей для Счетной палаты основанием для выводов не просто о «нецелесообразности», а именно о притворности «кредитно-залоговых аукционов» и внесения соответствующих предложений в адрес Генеральной прокуратуры.

Ведь не только в законе о федеральном бюджете на 1996 год не были выделены средства на возврат кредита, но и более того: правительство и не предлагало в соответствующем законопроекте о бюджете выделения этих средств. Таким образом, налицо признаки, дающие основание считать, что правительство изначально рассматривало целью сделки не получение кредита под

¹ ОСОБОЕ МНЕНИЕ заместителя председателя Счетной палаты РФ Ю. Ю. Болдырева на решение коллегии Счетной палаты РФ от 09.06.2000.

зalog с последующим выкупом залога, а отчуждение собственности — ее передачу залогодержателю.

Грубо говоря, государство почти без выгоды для себя, под низкий процент, разместило в приближенных («уполномоченных») банках 600 млн долларов, а потом эти же деньги попросило у этих же банков займы — под залог акций основных российских предприятий. Возврат кредитов не был заложен в бюджет, и эти предприятия достались банкирам фактически бесплатно. Как плата за поддержку Ельцина на выборах 1996 года.

VII

Окончательный передел

После первого этапа приватизации — ваучерных аукционов 1992–1994 годов — большие пакеты акций предприятий оставались в госсобственности и в руках работников предприятий. 1994–1995 годы — время передела собственности и появления первых владельцев крупных предприятий.

Например, вот данные из бюллетеня Счетной палаты о результатах проверки законности продажи Российским фондом федерального имущества в 1994 году пакета акций Котласского целлюлозно-бумажного комбината ЗАО «Илим Палп Энтерпрайз» и реализации инвестиционной программы указанным обществом (напомню, что в эти годы начальником юридической службы «Илим Палп Энтерпрайз» трудился тогда молодой еще юрист Д. А. Медведев).

При приватизации АО «Котласский ЦБК» его акции были проданы следующим образом:

- 51 % по закрытой подписке членам трудового коллектива;
- 27,55 % на чековом аукционе;

- 1,45 % на денежном аукционе;
- 20 % на инвестиционном конкурсе.

При этом 51 % и 27 % были проданы сразу, а 20 % — в 1994 году на инвестиционном конкурсе. Сразу же в 1992–1993 годах началась скупка акций у их новых владельцев. Остальное было продано на инвестиционном конкурсе.

БЮЛЛЕТЕНЬ

Счетной палаты Российской Федерации

2000 г. № 7 (31)

ОТЧЕТ

о результатах проверки законности продажи Российским фондом федерального имущества в 1994 году пакета акций Котласского целлюлозно-бумажного комбината закрытому акционерному обществу «Илим Палп Энтерпрайз» и реализации инвестиционной программы указанным обществом.

Основание проверки:

Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 апреля 1999 года № 3890-II ГД и решение Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 28 мая 1999 года (протокол № 17(168)).

1.2. Акции АО «Котласский ЦБК» на инвестиционном конкурсе продавались в соответствии с Указами Президента Российской Федерации, а также иными правовыми актами. Такой способ приватизации как продажа акций на инвестиционном конкурсе Законом «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» не был предусмотрен.

1.3. Продажа акций АО «Котласский ЦБК» на инвестиционном конкурсе не соответствовала интересам государства и была экономически необоснованна.

1.3.1. В период, предшествовавший проведению инвестиционного конкурса по продаже акций АО «Котласский ЦБК», на комбинате проводились комплексные исследования технико-экономического состояния комбината и его финансовых возможностей осуществления инвестиций для обеспечения технического переоснащения. Исследования и инвестиционные предложения выполнялись Консультационно-инженерным акционерным обществом по проектированию целлюлозно-бумажной промышленности (АО «Гипробум») (договор от 20 сентября 1993 года № 147-93 на создание научно-технической продукции).

По результатам исследований специалистами АО «Гипробум» были сделаны выводы о наличии у АО «Котласский ЦБК» возможностей осуществлять финансирование реконструкции за счет собственных средств. Эти выводы были сделаны на основании анализа производственно-экономического потенциала комбината и состояния лесосырьевых ресурсов, которые обеспечивали низкие издержки и конкурентоспособные цены.

Тогда же к оценке финансово-экономического положения АО «Котласский ЦБК» была привлечена в качестве независимого эксперта финская фирма «Jaakko Poyry Consulting OY», которая в своем заключении отмечает, что АО «Котласский ЦБК» в достаточной мере располагает свободными финансовыми средствами для поддержки капитальных вложений, особенно принимая во внимание стабильный доход от экспорта продукции комбината.

1.3.2. Оплата пакета акций АО «Котласский ЦБК» при его продаже на инвестиционном конкурсе в сентябре 1994 года была осуществлена по номинальной стоимости. В результате было получено 107,3 млн руб., и эта сумма была направлена для распределения по категориям получателей, в том числе в федеральный бюджет 10,7 млн руб., то есть 10 %. Таким образом, федеральный

бюджет от продажи 20 % акций АО «Котласский ЦБК» получил 10,7 тыс. рублей (в действующем номинале).

В то же время непосредственно РФФИ и Госкомимущество России получили от продажи акций АО «Котласский ЦБК» на инвестиционном конкурсе в свои внебюджетные фонды по 467,5 млн рублей каждый.

1.3.3. АО «Котласский ЦБК» теоретически должно было получить и освоить в 1994–1997 годах 186 065 млн рублей инвестиций. На практике из-за несовершенства законодательной и нормативной базы и отсутствия эффективного механизма контроля за выполнением обязательств инвестора получение и освоение этих денег зависело от взаимоотношений инвестора, РФФИ и эмитента.

Практика получения и освоения инвестиций, привлеченных в результате проведения конкурса по продаже акций АО «Котласский ЦБК», подтвердила, что выбор способа продажи акций АО «Котласский ЦБК» на инвестиционном конкурсе не соответствовал интересам государства. АО «Котласский ЦБК» в течение пяти лет не имело возможности использовать средства инвестора для производственных целей и за указанное время они практически обесценились.

1.4. В утвержденной Госкомимуществом России инвестиционной программе АО «Котласский ЦБК» было предусмотрено осуществление реконструкции основных производственных объектов АО «Котласский ЦБК» не только за счет средств инвестора на сумму 180 млрд руб., но и за счет собственных и заемных средств АО «Котласский ЦБК» на сумму 347 млрд рублей.

В то же время в этой программе не были определены не только конкретные объекты вложения, но даже направления использования средств инвестора — победителя инвестиционного конкурса.

1.5. В опубликованном в бюллетене «Реформа» от 17 августа 1994 года № 43 объявлении о проведении

инвестиционного конкурса было включено требование о выполнении инвестиционной программы в полном объеме. Это требование создавало условия для неоднозначного толкования обязательств по выполнению инвестиционной программы, которые должны были принять на себя заявители, учитывая, что инвестиционной программой предусмотрены объемы реконструкции основных производств АО «Котласский ЦБК» на сумму 527 млрд руб., а минимальный объем инвестиций составлял 180 млрд руб.

В объявлении было указано, что весь объем инвестиций должен быть внесен до конца 1997 года, что не соответствовало условиям инвестиционной программы, в которой предусматривалось внесение инвестиций в течение трех лет с момента подписания договора купли-продажи.

Указанный в объявлении максимальный срок внесения инвестиций также не соответствовал требованию Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года № 2284, в котором установлено, что срок внесения инвестиций не более 3 лет.

1.6. При установлении цены продажи акций АО «Котласский ЦБК» не был учтен пункт 3.5.3 Основных положений Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 22 июля 1994 года № 1535, предусматривающий возможность увеличения начальной цены акций при их продаже по конкурсу до 20 раз.

1.7. Итоги конкурса подводились 23 сентября 1994 года. Из протокола по подведению итогов приема заявок следует, что на инвестиционный конкурс была получена единственная заявка от совместного предприятия в форме товарищества с ограниченной ответственностью

«Ilim Pulp Enterprise» (СП ТОО «Илим Палп Энтерпрайз»), в настоящее время закрытое акционерное общество «Ilim Pulp Enterprise».

Что такое инвестиционный конкурс в 1994 году? Это когда или идет борьба за предприятие, или остальные акции уже скуплены и надо только обезопасить бизнес от возможных внешних покупателей акций. С помощью знакомых чиновников Госкомимущества инициируется ненужная государству продажа пакета акций предприятия за пустые инвестиционные обещания фирмам-однодневкам. И инвестиции эти зачастую предприятиям были не нужны. Вот что творилось в эти годы. Основанием всего этого беспредела было распоряжение Госкомимущества РФ от 15 февраля 1994 г. № 342-р об утверждении Положения об инвестиционном конкурсе по продаже пакетов акций акционерных обществ, созданных в порядке приватизации государственных и муниципальных предприятий.

Еще один механизм, с помощью которого уничтожали российскую промышленность в те годы — это недофинансирование бюджетом госзаказа. В 1994 году под давлением международных финансовых институтов Минфином России было проведено масштабное недофинансирование оборонного заказа. Были уничтожены многие проекты, разработки. Не стало хватать денег на развитие, на различные проекты, на космос. Недофинансирование космической станции «Мир», остановка проекта многоразового космического корабля «Буран» — это все проклятые 1990-е годы.

Но даже по уже размещенным заказам государство не платило. Возникла задолженность государства перед большим количеством оборонных предприятий. И тогда Министерство финансов придумало еще один хитрый трюк — те самые казначейские налоговые обязательства, о которых я написал ранее.

VIII

Выборы 1996 года

Приближались президентские выборы 1996 года.

В Давосе на экономическом форуме олигархи договорились о поддержке Ельцина на выборах. Перед выборами произошел скандал с так называемой «коробкой из-под ксерокса». Члены предвыборного штаба Ельцина Аркадий Евстафьев и будущий куриный магнат, а тогда воротила рекламного бизнеса Сергей Лисовский в июне 1996 года были задержаны на проходной Дома Правительства с коробкой из-под бумаги для ксерокса, в которой было 500 тыс. долларов США наличными. После короткого расследования, проводившегося силовыми органами, под суд Евстафьев и Лисовский не пошли, а от своих должностей решением Ельцина были отстранены директор ФСБ Михаил Барсуков, начальник СБП Александр Коржаков, а также первый вице-премьер Олег Сосковец. С речью об этом инциденте перед журналистами выступил Анатолий Чубайс — тогда глава предвыборного штаба кандидата в президенты России Бориса Ельцина. Через месяц Чубайс станет главой Администрации Президента.

Инцидент с «коробкой из-под ксерокса» уничтожил почти всю оппозицию олигархам в тогдашней правящей элите страны. И олигархи получили от Ельцина и Чубайса карт-бланш на окончательное разграбление страны. После президентских выборов 1996 года начался дележ пирога.

IX

Приватизация в Ленинграде (Санкт-Петербурге)

В нашем городе в свое время работала комиссия по проверке результатов приватизации. Она была образована в середине 1990-х годов депутатами Государственной думы и Законодательного собрания Санкт-Петербурга. От Государственной думы в ней, в частности, принимал участие депутат Глухих, от Законодательного собрания — Юрий Шутов и другие депутаты. В результате работы этой комиссии были вскрыты серьезнейшие нарушения законодательства, фактически преступления. В руках Юрия Шутова скопился огромный компромат на большое количество бизнесменов и чиновников города. Часть информации о преступлениях была им доложена на парламентских слушаниях в Госдуме в мае 1997 года:

Нужно особо отметить: разгром наиболее крупного оборонного потенциала страны в Санкт-Петербурге произведен правительственными приватизаторами исключительно собственными силами, без какого-либо прямого

военного вмешательства и помощи извне. Именно это потрясает. Ведь если обратиться к публичным высказываниям в ту пору управляющего имуществом нашего государства, то А. Чубайс даже при зачатии приватизации не скрывал ее антигосударственной и антинародной сути. Так, 22.01.1992, отвечая на вопросы «Российской газеты», рыжеволосый вице-премьер громогласно заявил, что «вместо приватизации пошло простое разворовывание собственности». Но при этом строго добавил: «Мы никогда не согласимся с вариантом, когда бы собственность перешла безвозмездно трудовому коллективу... Мы работаем на единичного собственника, кто в состоянии будет потом наиболее заинтересованно беспокоиться, чтобы эта собственность оказалась доходной и возместила ему вложенные деньги...» (Замечу, и только «ему», и только лишь деньги!) Из высказываний «раннего» Чубайса следует, что даже речи не было о сохранении промышленного потенциала с рабочими местами и экономическим пространством налоговых сборов для пополнения госказны.

Анализ проведенных нами проверок показал: на первом этапе приватизации в «гайдаровской мясорубке» произошло отделение «мух от котлет», то есть при акционировании предприятий были сформированы значительные пакеты акций для так называемой «свободной» реализации посредством аукциона, с помощью которого за сущие пустяки приобретались фактически контрольные пакеты ведущих промышленных комплексов Ленинграда. Например, некий совсем еще юный Саша Степанов родом из Свердловска, которому в 1991 году едва стукнуло 25 лет, привез в наш город пять контейнеров с дешевыми пуховиками китайского производства. За деньги, вырученные от их продажи, он всего за месяц, рыская по пивным да продуктовым ларькам, купил целый мешок приватизационных чеков, который

благополучно обменял в городском Фонде имущества на блокирующие пакеты акций ведущих предприятий по производству крупногабаритного гидроэнергетического оборудования. Среди них — всемирно известные «Электросила», завод турбинных лопаток и знаменитое ЛГГО «Ленинградский металлический завод» — изготовитель уникальных гидротурбин мощностью свыше 1 млн кВт. Таким образом, этот Саша, действуя от имени сопливой фирмочки, зарегистрированной им за границей, стал, по сути, монополистом воспроизводства турбооборудования для всех гидроэлектростанций, построенных по советским проектам не только в России, но и в мире. Государство же, в обмен на пяток контейнеров с китайскими пуховиками, лишилось не только своего международного престижа, но и огромных поступлений в бюджет страны, гарантированных реализацией каждого зарубежного заказа. Правда и то, что по окончании приватизации нынешние АО «Электросила» и АО «Ленинградский металлический завод» значительно сократили производство — и масса незаменимых специалистов разбрелась кто куда по белу свету. Их профессиональные рекорды в отечественном и мировом турбостроении теперь побить уже будет некому. Все это далеко еще не полный список потерь.

Проведенная нами в АОЗТ «Победа — Кнауф» проверка показала, что при выходе на аренду с выкупом местным руководством была допущена прямая фальсификация документов, и поэтому сегодня имеются все основания хлопотать об отмене итога приватизации ПО «Победа». Однако могу быть уверен: этим заниматься нынешняя власть ни за что не станет, ибо ведь не для того же ельцинисты изменили Родине, предали страну и народ, чтобы затем встать на путь исправления. Все их действия строго подчинены официальной программе

закабаления нашей страны и разрушения ее промышленного потенциала с помощью приватизации. Это и есть основная цель сегодняшних правителей, изменников, предателей и их пособников. Поэтому исправление формальных ошибок при акционировании ельцинистам совершенно безынтересно. Ведь не Кнауф же со своими компаньонами и сыновьями в одиночку решал, что ему захватить в России. Тут не обошлось без высочайшего благоволения российской стороны, причем не ниже президентского.

Примерно так же, за гроши, шведы стали владельцами только что построенного в Ленинграде завода по производству пива, что находится в промзоне «Парнас». Незадолго до старта приватизации возведенные корпуса начинили современным импортным оборудованием общей стоимостью СМР около 100 млн долларов США. Однако к началу разграбления страны запустить этот завод не успели, и он тут же был пущен с молотка. Казне за его продажу, согласно официальным документам, досталось лишь несколько десятков миллионов рублей в «демократическом» эквиваленте, что оказалось еле-еле зримым в сравнении с вложенными государственными средствами. Ну а шведы с помощью алчного мэра Собчака и его таких же своекорыстных подручных «приобрели» новехонький завод, который сразу же ввели в эксплуатацию и стали варить для российского рынка неплохое пиво под названием «Балтика». Данное предприятие хотя и исправно платит налоги, но они все равно значительно ниже того дохода, который смогло бы получать государство, не отдав в чужие, к тому же частные, руки свое заведомо рентабельное производство.

В нашем городе разгосударствление собственности оказалось густо замешано на крови. Показательным в этом смысле можно считать историю становления АО «Сталепрокатный завод», за время приватизации

которого поочередно поубивали четырех претендентов, возжелавших обладать правом на его недвижимость.

В качестве примера можно привести АО «Витон». Этот ленинградский завод был построен в середине 1980-х годов специально для выпуска новейшей бытовой радиоэлектронной аппаратуры. Государство в его строительство и оснащение вложило сумму, эквивалентную 200 млн американских долларов. Изготовленные в те годы отечественные видеомагнитофоны ВМ-12 кое-где еще продолжают верно служить владельцам. По состоянию на 01.06.1992 численность коллектива «Витона» была свыше трех тысяч человек. На пороге приватизации вместо совершенствования отечественных видеосистем российское правительство организовало массовый и почти беспрошлый прорыв через нашу границу импортной радиоаппаратуры с восточно-азиатской гарантией, а точнее — с полным отсутствием таковой. Именно этот прорыв захлестнул отечественного производителя мутной от разнообразия и дешевизны убийственной волной.

На «Витоне» в конце 1994 года директор, грубо нарушив закон «Об акционерных обществах», собрал кое-кого из акционеров и, якобы руководствуясь обстоятельствами, «убедил» их проголосовать за банкротство (?!). С тех пор предприятие перестало работать. Прошло более двух лет. Об огромном заводе бытовой радиоэлектроники просто забыли. АО «Витон», как потерявший управление корабль, вышел из правового фарватера, и три тысячи уникальных специалистов влились в ряды озлобленных безработных, вынужденных теперь выторговывать себе подаяние на бескрайних просторах «новых» рыночных отношений.

Аналогичный результат также достигнут на АО «Красное знамя» — самом крупном в регионе производителе

чулочно-носочных изделий. На момент приватизации, в конце 1993 года, численность работающих в этом объединении достигала почти пять тысяч человек. Зимой 1993–1994 годов, спустя несколько месяцев после оформления акта приватизации и утраты государственного контроля, администрация АО «Красное знамя» выманила по одному всех рабочих-акционеров в административный корпус, где их поочередно уже караулил наемный нотариус. Там каждого ничего не подозревавшего работягу «уговорили» передоверить свои акционерные права на три года администрации. Этот срок уже давно минул. Отчета от тех, кому доверились, акционеры так и не получили. Завод нынче практически остановлен, выпуск чулочно-носочных изделий прекращен. В результате весь город теперь завален носочками китайского социалистического производства. Толпы наших безработных существенно пополнились. Отечественный флагман легкой промышленности затонул. И таких примеров — когда, чтобы согреться, уговаривали поджигать собственный дом — имеется превеликое множество¹.

В общем, в то время у большого количества людей могло возникнуть желание заставить Юрия Шутова замолчать. Сейчас Юрий Шутов в тюрьме, материалы комиссии Шутова — Глухих где-то в архивах Государственной думы и скоро будут интересны только историкам...

¹ <http://shutov.zavolu.info/66.html>.

Х

Смерть по дороге к светлому будущему. Мартиролог. Истории отдельных предприятий

Приватизация в Санкт-Петербурге сопровождалась тяжелыми уголовными преступлениями, убийствами и покушениями на убийство. Я буду писать в этой главе в основном о тех предприятиях, на которых я бывал лично и с владельцами или с руководством которых вел переговоры.

Упоминавшееся выше предприятие «Красное знамя» — это несколько десятков гектаров земли в центре Петроградской стороны. Вокруг этого предприятия — несколько трупов. В 1996 году был убит у себя в кабинете Павел Шарлаев — реальный лидер трикотажной фабрики «Красное знамя», числившийся там заместителем гендиректора. Он вплотную подошел к созданию финансово-промышленной группы, которая объединила бы хлопководческие колхозы Узбекистана, петербургские фабрики и банковские ресурсы. Концерн «Квартон» являлся крупнейшим производителем

и поставщиком текстильных и трикотажных изделий. Ему одно время принадлежал контрольный пакет акций фабрики «Красное знамя». Инициатором создания и генеральным директором ОАО «Концерн “Квартон”» стал Иванов Геннадий Иванович. 5 апреля 2000 года около 9 утра при выезде на проспект Стачек служебный автомобиль Иванова был обстрелян из автоматов. Директор был ранен в голову и скончался на месте. По некоторым данным, причиной убийства являлась производственная деятельность Иванова и возможный передел собственности на рынке текстильной промышленности. В октябре 2000 года в здании администрации ОАО «Концерн “Квартон”» обнаружили труп нового гендиректора, 52-летнего Николая Яруллова. Считается, что он покончил жизнь самоубийством, повесившись прямо в офисе, — на месте трагедии была найдена предсмертная записка. 22 марта 2001 года после продолжительной болезни умер новый генеральный директор «Квартона» 62-летний Юрий Каплун. Летом 2003 года было совершено покушение на Богатыря Капарова, который возглавил и сумел возродить казавшуюся безнадежной фабрику «Красное знамя». В его подъезде сработало мощное взрывное устройство. Капаров остался жив лишь чудом, но получил серьезные травмы. Вообще, в этой отрасли, занимавшей до перестройки заметное место в экономике города, происходило много серьезных преступлений, связанных с переделом собственности. 4 декабря 2003 года был убит Александр Бондаренко — глава прядильно-ниточного комбината имени Кирова. В Советском Союзе было девять прядильно-ниточных фабрик, но всегда основное производство было в Ленинграде. В Петербурге от них в основном

остались одни воспоминания. За исключением комбината имени Кирова, а с недавнего времени, похоже, и прядильно-ниточного комбината «Советская звезда».

Вот история ОАО «Сталепрокатный завод»:

Продолжаются убийства людей, связанных со сталепрокатным заводом¹

Покушение на бывшего генерального директора ОАО «Сталепрокатный завод» Валерия Цветинского — как минимум девятое по счету убийство или покушение в отношении людей, так или иначе связанных с этим предприятием. Преступления происходят уже 13-й год и, в общем-то, в кругу одной группы лиц.

Стрельба в людном месте

В День смеха, 1 апреля, в Петербурге покушались не только на памятник Ленину. Киллер расстрелял 55-летнего бизнесмена Валерия Цветинского, подкараулив его в лучших криминальных традициях: в тот момент, когда жертва выходила из припаркованной машины, чтобы отправиться на тренировку в фитнес-клуб. Это произошло в людном месте Васильевского острова. Бизнесмен был ранен.

Если посмотреть на доступные всем сведения в Едином государственном реестре юридических лиц, то сейчас участия Валерия Цветинского в коммерческих структурах мы не обнаружим.

Но до октября 2003 года он был генеральным директором ОАО «Сталепрокатный завод», до

¹ <http://www.rospress.com/crime/4060/>.

апреля 2005 года — совладельцем ООО «Кастро», до июля 2007 года — совладельцем ЗАО «Сталь».

Названия «Сталепрокатный завод», «Сталь», «Кастро» и некоторые другие, имеющие притяжение к бывшему флагману советской промышленности, на протяжении последних 13 лет регулярно попадают в милицейские сводки. Как правило, в связи с убийствами или покушениями на них. Отвратительные преступления происходили в тот период времени, когда Валерий Цветинский принимал активное участие в деятельности упомянутых компаний, связанных со сталепрокатным заводом.

А самого пострадавшего бизнесмена в 2005 году приговорили к 9 годам лишения свободы за организацию похищения адвоката Вячеслава Рудакова, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, а также за применение насилия в отношении представителя власти, опасного для жизни или здоровья.

Вячеслав Рудаков пропал 27 марта 2002 года в Выборгском районе Ленинградской области. Рано утром он выехал из своего загородного дома и исчез. Некоторое время спустя его джип обнаружили аккуратно припаркованным неподалеку от поселка Тарасово, где располагался загородный дом Рудакова. У автомобиля был включен двигатель, а хозяин отсутствовал.

Позднее Рудакова нашли повешенным со следами побоев в лесу неподалеку от расположенного на Средне-Выборгском шоссе детского летнего лагеря сталепрокатного завода «Сокол». В Ленинградском областном суде выяснилось, что похищение Вячеслава Рудакова произошло при пособничестве бывшего начальника 60-го отдела милиции Михаила Лукьянова по заказу Валерия Цветинского. Собственно захват адвоката за 500 долларов осуществили два подчиненных Лукьянову милиционера, которые, будучи в форме, остановили джип Рудакова и передали адвоката водителю ОАО «Сталепрокатный завод» Михаилу Дегтяреву. Валерий Цветинский занимал

в то время пост генерального директора предприятия. Как следует из приговора суда, его не устроило качество адвокатских услуг, которые Вячеслав Рудаков оказывал сталепрокатному заводу, и он решил наказать его...

Интересно, что Цветинский, приговоренный в 2005 году к 9 годам лишения свободы за организацию похищения Рудакова, уже в апреле 2009-го спокойно направлялся в фитнес-клуб на Васильевском острове. Хотя срок его наказания исчислялся с декабря 2002-го. Как сообщают СМИ, его освободили условно-досрочно. Что, как видим, не пошло ему на пользу.

Мартиролог убийств и покушений, связанных со сталепрокатным заводом

20 марта 1996 года в парадной дома 13/1 по улице Хошимина с огнестрельными ранениями головы и грудной клетки был обнаружен труп бывшего генерального директора ОАО «Сталепрокатный завод» Андрея Домогатского. У соседнего дома с множественными огнестрельными ранениями был найден его охранник Якибюк. В них начали стрелять у лифта. Когда Домогатский упал, раненый охранник пытался бежать, но киллер догнал и добил его. Незадолго до этого убийства на возглавляемом Домогатским предприятии проводилась финансовая проверка. Кроме того, как раз тогда городской Фонд имущества выставил на продажу государственный 20-процентный пакет акций сталепрокатного завода. Говорят, руководители нескольких крупных предприятий договорились скинуться и купить этот пакет

на дружественную фирму «Кастро». Домогатского называли одним из этих руководителей.

12 августа 1996 года в РУБОП поступила информация о том, что заказано убийство Вячеслава Марычева, в то время еще не скандально известного политика, а помощника генерального директора сталепрокатного завода. Говорили, что Марычев, пользуясь связями в ЛДПР, мог представлять в московском министерстве интересы определенных фирм. Благодаря оперативным действиям убийство сорвалось.

6 сентября 1996 года киллер подкараулил в лифте дома 8 по Новосмоленской набережной генерального директора АО «Стандарт-2» Павла Жовноватого. Преступник дважды выстрелил ему в живот из пистолета с глушителем и навел ствол на голову для контрольного выстрела. Но Жовноватый, занимавшийся карате, среагировал и отвел руку убийцы, а потом вытолкнул киллера на лестничную площадку. Павла Жовноватого называли в качестве второго участника договоренности о покупке государственного пакета акций сталепрокатного завода и оформления его на фирму «Кастро».

29 августа 1997 года в парадной дома 28 по 23-й линии Васильевского острова был обнаружен труп 44-летнего Александра Серкова. Убийца ждал Серкова у подъезда и разрядил ему в голову почти целую обойму. Александр Серков был мужем одной из тогдашних руководителей сталепрокатного завода Ольги Серковой. Говорят, незадолго до гибели супруги планировали развестись.

5 августа 1999 года Николай Малышев, совладелец той самой фирмы «Кастро», на которую, по слухам, Жовноватый и Домогатский собирались оформить выставленный на

продажу государственный пакет акций сталепрокатного завода, отправился утром в гараж за гостиницей «Прибалтийская», чтобы ехать на службу. Через полчаса сын обнаружил отца лежащим в луже крови рядом с машиной. Малышева ударили в затылок тупым предметом.

24 сентября 1999 года бывшая сотрудница сталепрокатного завода Раиса Акбулатова, поднимаясь утром в кабинет, заметила плохо одетого мужчину средних лет, двигавшегося ей навстречу по лестнице. Пропустив Акбулатову, мужчина повернулся и ударил ее в затылок тупым концом туристского топорика. Раису Акбулатову называли человеком из команды Домогатского, а после его гибели она писала многочисленные жалобы во всякие инстанции, пытаясь доказать якобы имевшие место нарушения при приватизации сталепрокатного завода.

27 марта 2002 года был, напомним, похищен и убит адвокат Вячеслав Рудаков, у которого возник конфликт с тогдашним генеральным директором сталепрокатного завода Валерием Цветинским.

Вся эта череда криминальных дел началась с незаконно проведенной приватизации. Рабочие завода — владельцы почти 30 % акций — обратились в российское правительство. Но было уже поздно — заводом распоряжались лица, упомянутые выше. Была проведена проверка, выявлено... проверено... и... ничего не сделано.

Распоряжение Госкомимущества РФ от 30 декабря 1996 г.
№ 1383-р «О создании межведомственной комиссии для

проверки фактов нарушений, допущенных при приватизации Сталепрокатного завода (г. Санкт-Петербург)»

По состоянию на 25 сентября 2006 года

Во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 18.11.96 № ВП-П6-38102:

1. Создать межведомственную комиссию для проверки фактов нарушений, допущенных при приватизации Сталепрокатного завода (г. Санкт-Петербург) в следующем составе:

Андреев А. П. — начальник управления приватизации предприятий промышленности Госкомимущества России — председатель комиссии

Ржешевский Г. А. — заместитель заведующего отдела контроля исполнения договоров Российского фонда федерального имущества

Евсеев А. Ф. — начальник отдела приватизации Минпрома России

Сухотский А. С. — заместитель начальника управления Комитета по управлению государственным имуществом г. Санкт-Петербурга

2. Поручить комиссии в срок до 20 января 1997 года осуществить проверку хода приватизации Сталепрокатного завода и фактов нарушений, изложенных в письме акционеров АО «Сталепрокатный завод» в адрес Правительства Российской Федерации.

Заместитель Председателя В. В. Пыльнев

А что сейчас с заводом? Он уже ничего не производит. Производство проволоки — предприятие «Стандарт-2» выведено за территорию завода, стальную ленту и фольгу завод почти не выпускает, акции проданы финским «инвесторам», которые планируют все снести и на территории завода построить жилые дома. Только вот для кого?

Завод «Русский дизель»

«Русский дизель» (Выборгская наб., 17), открытое акционерное общество, крупнейшее в стране предприятие по производству дизелей, пионер в этой отрасли. Основан в 1862 году как завод «Людвиг Нобель», в 1912 году завод перешел в руки акционерного общества, но его фактическим владельцем оставалось семейство Нобелей. Завод выпускал полевые артиллерийские орудия, лафеты, снаряды, паровые машины и котлы различных систем, подъемные краны, станки и другое оборудование для промышленных предприятий, насосы для нефтепроводов, водопровода, шахт и других целей. В 1890-х годах начато производство двигателей внутреннего сгорания; в 1899 году создан двигатель, работавший на сырой нефти, что явилось крупным шагом в дизелестроении. В начале XX века здесь создан судовой дизельный двигатель, благодаря чему появился новый вид водного транспорта — теплоход. После октября 1917 года завод национализирован (с 1919 года — «Русский дизель»), специализировался на выпуске судовых дизелей. В годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 годах завод выпускал корпуса мин, насосы для откачки воды, в послевоенные годы строил мощные судовые дизельные агрегаты, которыми был оснащен почти весь танкерный и промысловый флот, а также корабли ВМФ и корабли серии командных комплексов управления космическими объектами. Двигатели завода поставлялись во многие страны мира. В 1988 году в поселке Кирпичный Завод Всеволожского района началось строительство предприятия по производству дизель-редукторных агрегатов и дизель-генераторов для оснащения морских и речных судов и дизель-электростанций, которое вошло в производственное объединение «Русский дизель». В начале 1990-х годов завод

акционирован, в 1999-м петербургский завод признан банкротом и закрыт. Всеволожский завод, также именуемый «Русский дизель», занят выпуском запасных частей¹.

Что можно сказать?

Завод имел отличные отлаженные технологии производства дизелей, экспортные контракты со многими странами мира. В конце 1980-х годов бесплатно от государства получил многомиллионное импортное оборудование для новой площадки (фактически нового завода) во Всеволожске. Но тут грянула перестройка, потом — приватизация и... Как говорилось в известном ролике, «просрали все полимеры». На месте его площадки во Всеволожске сейчас работает американский завод по сборке легковых автомобилей «Форд».

Мясокомбинат «Самсон»

В свое время одним из крупнейших мясоперерабатывающих предприятий СССР был ленинградский комбинат «Самсон» (бывший мясокомбинат имени С. М. Кирова). Все ленинградцы знают это здание на Московском проспекте с громадными статуями бронзовых быков.

В советское время «Самсон» выпускал около 240 т мясoproдуктов в сутки и был вторым по величине

¹ <http://www.encspb.ru/object/2804001430?lc=ru>.

предприятием отрасли в СССР¹. В конце 1990-х производительность упала до 20 т в сутки.

К середине 90-х годов предприятие представляло собой не просто производственный комплекс, а настоящее «государство в государстве», расположенное на почти миллионе квадратных метров земли, владеющее десятками производственных корпусов, складами, фирменными магазинами, двумя общежитиями, гостиницей, собственной библиотекой с богатым книжным фондом, музеем истории комбината, физкультурно-оздоровительным центром. Доля «Самсона» на рынке продуктов мясопереработки Санкт-Петербурга составляла порядка 85–90 %.

Перерабатывающий преимущественно импортное сырье, после августовского кризиса 1998 года комбинат утратил способность своевременно исполнять свои обязательства по оплате валютных контрактов и стал стремительно терять поставщиков. Параллельно росла сумма долгов по непогашенным процентам за пользование валютными кредитами.

Общая картина постепенного, но последовательного ухудшения экономического состояния и положения «Самсона» на рынке продуктов мясопереработки в период 1999–2000 годов выглядит следующим образом.

В рамках реструктуризации предприятия, затеянной руководством комбината в целях повышения эффективности его работы, в июле 1999 года наблюдательный совет ОАО «Самсон» принимает решение об учреждении ООО «Самсон-К», ставшего впоследствии управляющей компанией в группе дочерних организаций ОАО «Самсон».

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

23 сентября 1999 года наблюдательным советом ОАО «Самсон» принимается решение о создании семи дочерних предприятий — обществ с ограниченной ответственностью: «Самсон-Альфа», «Самсон-Бета», «Гевика», «Самсон-Лиговка», «Самсон-Холод», «Лидаза» и «Торговый дом “Самсон”». Доля ОАО «Самсон» в каждом из перечисленных обществ первоначально составила 99,9 %, а доля ООО «Самсон-К», соответственно, 0,1 %. В оплату своих долей в дочерних предприятиях комбинат передал 63 % из основных средств — практически все производственные фонды. Причем стоимость переданного в уставные капиталы дочерних обществ имущества, так же как и стоимость другого активно отчуждавшегося в этот период недвижимого имущества, была существенно занижена (в среднем на 33 % по сравнению с остаточной стоимостью).

Затем ОАО «Самсон» выбывает из состава участников дочерних обществ, передав права собственности на свои доли в каждом обществе ООО «Самсон-К» — 9,9 %, ООО «МИБ-инвестиции» — 10 %, а также самим дочерним обществам — 80 %, получив взамен векселя ООО «МИБ-инвестиции», которые затем продает московским фирмам. В качестве оплаты за проданные векселя «Самсон» получает свои собственные векселя.

Лишившись таким образом производственной базы и потеряв контроль над финансово- хозяйственной деятельностью учрежденных им фирм, комбинат снижает объемы производства. Практически его доходы ограничиваются поступлениями средств от предоставляемых им бывшим дочерним предприятиям услуг рабочей силы, телефонной связи, сдачи в аренду оборудования, оставшихся производственных и административных площадей, эксплуатации инженерных коммуникаций.

На фоне постоянного спада объемов производства, отсутствия запасов сырья, существенного (примерно

в два раза) сокращения штата рабочих и служащих можно говорить о фактическом прекращении производственной деятельности комбината. Наряду с отсутствием продуманной ценовой политики закупки сырья и сбыта продукции, неэффективностью финансового учета, контроля и управления на балансе предприятия остались лишь ТЭЦ, незначительная часть зданий и сооружений производственного и административного назначения, ряд социальных объектов и все долги. Такое резкое сокращение чистых активов одного из крупнейших предприятий Санкт-Петербурга, повлекшее за собой снижение степени обеспеченности обязательств ОАО «Самсон» перед кредиторами, не могло не привлечь внимания государственных органов, и в конце июля 2000 года Северо-Западное территориальное отделение Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству направило в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области заявление о признании ОАО «Самсон» банкротом. Поскольку финансовые показатели комбината на тот момент соответствовали всем критериям неплатежеспособности, то указанное заявление было принято Арбитражным судом, о чем было вынесено соответствующее определение. Тем же определением Арбитражного суда от 24 июля 2000 года на ОАО «Самсон» была введена процедура наблюдения¹.

В 1998 году крупнейшим акционером завода стал Московский индустриальный банк. В 2000-м признан банкротом. С 2001-го гендиректором завода был Хамзат Арсамаков — племянник главы МИБ Абубакара Арсамакова. Имеет скандальную репутацию во многом в связи с конфликтом с ОАО «Салолин» из-за 54 га земли

¹ http://programma21.spb.ru/project/pr_101-1.shtml.

и рейдом ямадаевцев 15 сентября 2006 года. В настоящее время принято решение о ликвидации предприятия¹.

Поведение руководства комбината кажется странным. Но это только на первый взгляд. 1998 год. Долги нарастают. Хочется сохранить для себя все или почти все. Создается новый холдинг — то самое предприятие «Самсон-К». Дальше все реальные активы собственно предприятия «Самсон» из ОАО «Самсон» переводятся в дочерние общества, а все долги остаются на «Самсоне». Красиво. Стандартная схема вывода активов, имущества из-под обязательств.

Все это дополняется участием в сделках Московского индустриального банка, которым руководит Абубакар Арсамаков. Еще руководством предприятия осуществлялись операции на фондовом рынке с акциями ОАО «Самсон» по очень интересной схеме — до последнего момента, почти до самого банкротства предприятия, искусственными сделками между специальными игроками рынка ценных бумаг — банком и инвестиционной компанией — поддерживался искусственно высокий курс акций ОАО «Самсон». В результате чего миноритарные акционеры предприятия — простые люди — не поднимали паники и не мешали владельцам предприятия выводить активы на другие фирмы.

¹ <http://wikimapia.org/4861046/ru/>

В 2006 году в Питер приехали чеченцы из батальона «Восток»¹:

– 15 сентября (пятница) 2006 года в 13:30 на территорию ООО «Самсон» силой заходит вооруженный отряд чеченцев, укомплектованный бойцами батальона «Восток». Им помогают несколько сотрудников 22-й ростовской бригады ГРУ;

– 15 сентября 2006 года в 16:00 на предприятие прибывает лично Герой России Сулим Ямадаев вместе со своим начальником штаба;

– 15 сентября 2006 года в 17:00 начинают избивать генерального директора ООО «Самсон» Хамзата Арсамакова, вымогая у него подписи на юридических документах в пользу фирмы «Салолин», с которой предприятие ведет многолетнюю тяжбу;

– 15 сентября 2006 года около 20:00 на предприятие «Самсон» прибывают вызванные работниками завода сотрудники территориального 68-го отдела милиции, которые, видя вооруженный отряд Ямадаева и избитого Арсамакова, не находят нарушения порядка и убывают восвояси;

– 16 сентября 2006 года около 2 часов ночи отряд Ямадаева покидает «Самсон», а генерального директора увозят в реанимацию;

– 17 сентября 2006 года вечером в интернет-издании «Фонтанка.ру» появляется обширная статья о случившемся, где приводятся фамилии всех действующих лиц;

– 18 сентября 2006 года в СМИ начинается федеральный скандал;

¹ http://www.chechnya.ru/view_date.php?part=pub&-dp=1173214800.

- 18 сентября 2006 года СУ Московского РУВД возбуждает уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам статьи 161 УК (грабеж);

- 19 сентября 2006 года в 7:00 на «Самсон» заходит охранное предприятие «Регул», нанятое «Салолином», и объявляет о смене руководства;

- 19 сентября 2006 года около 10:00 на «Самсоне» сотрудниками ГУВД задержаны Левон Харазов и трое его подчиненных. Предприятие переходит вновь к Арсамакову;

- в конце сентября Левона Харазова арестовывали, а его сотрудники после задержания на 10 суток уходят на подписку о невыезде. Оперативное сопровождение передано в УБОП ГУВД;

- в октябре 2006 года установлено, что помимо сотрудников «Салолина» в нападении принимали участие военнослужащие батальона «Восток», и дело передается в военную прокуратуру ЛенВО;

- 18 ноября 2006 года в Москве на Ленинском проспекте чеченскими милиционерами, прибывшими в столицу в командировку, был расстрелян офицер ФСБ, командир чеченского отряда «Горец» Мовлади Байсаров, который поддерживал в понятийном споре сторону «Самсона»;

- к концу 2006 года дважды допрашиваются Сулим Ямадаев и его подчиненные;

- 19 декабря 2006 года изменяется мера пресечения Левону Харазову, и он выходит на подписку о невыезде;

- 7 февраля 2007 года руководство Министерства обороны рекомендует сдать табельное оружие Сулиму Ямадаеву и двум его офицерам. Сулима Ямадаева вызывают в Санкт-Петербург для предъявления обвинения. Ямадаев с подчиненными оказывается в военном госпитале в Гудермесе в связи с болезнью;

– 8 февраля 2007 года в Чечне без вести пропадают два чиновника правительства Чеченской Республики — братья Арсамаковы и их водитель. Оба являются родными братьями Абубакара Арсамакова — руководителя Московского индустриального банка, в чьей собственности и находится предприятие «Самсон»;

– 9 февраля 2007 года в Чечне находят сгоревшую «Ниву», на которой они ехали;

– 10 февраля 2007 года Абубакар Арсамаков встречается с руководством ФСБ России;

– 14 февраля Рамзан Кадыров выступает по местному телевизионному каналу «Вести», где призывает все здоровые силы объединиться и помочь в поисках Арсамаковых;

– 16 февраля 2007 года Абубакар Арсамаков дает публичные интервью, где сообщает, что конфликт между «Самсоном» и «Салолином» решится миром;

– 21 февраля 2007 года директор ООО «Самсон» Хамзат Арсамаков передает следователю военной прокуратуры заявление, что моральный и материальный ущерб ему компенсирован и что претензий ни к кому он не имеет. То есть сторона Ямадаева деятельно раскаялась в совершении преступления небольшой тяжести;

– 26 февраля 2007 года Левону Харазову переэквалифицируют статью обвинения на самоуправство;

– 28 февраля 2007 года в здании военной прокуратуры на Невском проспекте предъявляются обвинения Магомеду Тайсумову и Астарханову в самоуправстве. Аналогичное обвинение предъявляют и Сулиму Ямадаеву, но в Чечне (так как он болен);

– 1 марта 2007 года следователь прокуратуры ЛенВО как абсолютно процессуально независимое лицо прекратил уголовное дело в связи с примирением сторон

(статьи 330 УК (самоуправство) и 112 УК (побои) это предусматривают, в отличие от прошлых статей обвинения).

Вот такая история.

ЗАО «Электромедоборудование»

Находится на улице Шевцова. С начала 1970-х годов завод являлся ведущим российским производителем наркозно-дыхательной аппаратуры, аквадистилляторов, водолечебного оборудования. В январе 1990 года производство № 3 ЛПО «Красногвардеец» преобразовано в арендное предприятие «Электромедоборудование».

В августе 1993 года работниками завода принято решение о преобразовании АП «Электромедоборудование» в АОЗТ «Электромедоборудование». Новая редакция — ЗАО «ЭМО» — закрытое акционерное общество «Электромедоборудование». В 1997 году ЗАО возглавил 34-летний молодой человек Константин Дудыгин. В ЗАО «Электромедоборудование» Константину Дудыгину принадлежало 37 % акций, его жене — 11 % акций, Алексею Казакову, по одним данным, — 25 %, по другим — 28 % акций, члены совета директоров предприятия имеют в общей сложности 11 %. На Дудыгина было совершено три покушения — в первый раз в марте 1998 года директора избили неизвестные — и его в тяжелом состоянии увезли в больницу. Возбудили уголовное дело. Преступников так и не поймали. Затем в августе 1999 года вновь совершено нападение на директора, однако ему удалось вырваться из

рук нападавших. Было обращение в милицию, но обращение, по словам самого директора, так и осталось нерассмотренным. Последняя попытка покушения была совершена 5 июня 2000 года — в парадной дома 13, корпус 2 на проспекте Солидарности произошел взрыв связи четырех гранат. Взрыв произошел на первом этаже между входной дверью и лифтом, когда Константин Дудыгин открывал дверь в подъезд. Водитель бизнесмена Вячеслав Чернявский, который шел впереди своего шефа, был ранен. С борьбой за предприятие Дудыгин связывал события 2000 и 2001 годов, когда были совершены покушения на его жизнь и жизнь его родственницы — сотрудницы предприятия.

Вечером 1 ноября была предпринята попытка смены власти на ЗАО — в офис фирмы на улице Шевцова, 41, пришли владелец 25 % пакета акций предприятия Алексей Казаков и группа вооруженных сотрудников ОП «Диво», которых сопровождал судебный пристав Кировского района Муслим Мунаев. Служба безопасности ЗАО «ЭМО», которая не имеет права на ношение оружия, сопротивления не оказала.

29 декабря 2002 года на рабочем месте Константин Дудыгин был убит. Преступник вошел в кабинет директора, попросил остаться наедине с К. Дудыгиным, после чего выстрелил ему в голову и убежал.

Фирма «Лето»

История фирмы «Лето» — это история борьбы старого и нового. В советское время — это преуспевающее предприятие, выращивающие в своих теплицах сотни тонн свежих овощей к столу ленинградцев. В начале 1990-х годов

предприятие было подвергнуто приватизации. 51 % акций достался работникам предприятия. Дальше в начале 2000-х годов две конкурирующие группы предприятий начали скупать акции фирмы «Лето». Теплицы никого не интересовали. 170 гектаров земли при въезде в Санкт-Петербург по обеим сторонам дороги из международного аэропорта — вот что представляло тогда интерес. Расчет простой — гектар земли там можно было продать минимум за 1 млн долларов. Генеральный директор — из советских руководителей — побежала по старой привычке в Смольный, но что Смольный? Последние переговоры шли вокруг фактической деприватизации — приобретении Смольным пакета 45 % акций и юридической защите. В итоге из этого ничего не вышло, были суды, была борьба двух групп акционеров. В конце концов теплицы были разрушены, свежие овощи и фрукты под Санкт-Петербургом и для жителей Санкт-Петербурга теперь уже никто не выращивает. С обеих сторон Пулковского шоссе на месте бывшей фирмы «Лето» высятся ряды гипер- и супермаркетов. В свое время я дважды сталкивался с фирмой «Лето». Владелец одной производственно-финансовой группы заинтересовался приобретением пакета акций этой фирмы, по его просьбе я ездил на переговоры к генеральному директору. Это была пожилая энергичная женщина. Ей тогда уже было больше 70 лет. Она была хорошим советским директором, но не понимала, что делать, — шла скупка акций ее предприятия, денег на встречную скупку у нее не было, и надеялась она только на Смольный. Как и многие другие, она не вписалась в капитализм. И потом уже, через несколько лет, ко мне

в банк в мой клиентский отдел пришли люди открывать расчетный счет тому, что осталось от фирмы «Лето», — громадной ТЭЦ на природном газе, которая производила никому уже не нужное тепло (горячую воду) — теплиц вокруг больше не было. Новые хозяева говорили о хорошем проекте — нужно было переделать ТЭЦ на производство электроэнергии. Грубо говоря, купить и установить пару больших генераторов. Чтобы продавать электроэнергию окрестным гипермаркетам. Но для этого нужно было найти 80 млн евро. Чем эта история закончилась — я не знаю. Кстати, если бы директором фирмы «Лето» был я, я не побежал бы только в Смольный, а побежал бы в банк брать кредит, чтобы часть его потратить на встречную скупку. А потом заложить банку и активы предприятия, и акции. И потом, прикрывшись банком, спокойно продать часть земли по одну сторону Пулковского шоссе, чтобы инвестировать деньги в оставшуюся часть. Но этого сделать старый советский директор не смогла. Не захотела или не додумалась.

Северный завод

09.02.2001 на ГП «Ленинградский Северный завод» введен временный управляющий — и началась процедура банкротства предприятия. Об этом РБК сообщили на предприятии. Общая задолженность предприятия перед бюджетом и трудовым коллективом составляет 240 млн рублей. Зарплата на Северном заводе не выплачивалась со второй половины 1997 года. К настоящему времени около 3 тыс. человек, уволенных с завода, требуют возвращения долгов по зарплате, общая сумма которых

составляет 13 млн рублей. 12 февраля руководство ГП планирует провести встречу с уволенными работниками предприятия. На встрече будут присутствовать депутат Государственной думы Константин Севенард и главный судебный пристав Санкт-Петербурга Игорь Зуев¹.

Генеральный директор ГП «ЛСЗ» Сергей Фивейский говорит, что, как и прежде, главной продукцией завода останутся военные заказы, что сейчас их доля составляет 15 % в общей массе производимой продукции, но к 2005–2006 годам планируется их увеличение до 50 %².

«Мы участвуем в производстве ракетного комплекса С-300 и в опытном проекте С-400 (выпускаем агрегаты и узлы ракеты и транспортно-пускового контейнера). Конечных заказчиков мы назвать не можем. Могу сказать только о финансовой стороне вопроса. В 2003 году прибыль от оборонных заказов составит порядка 800 тыс. рублей, а в 2004 году мы планируем выйти на прибыль в 2–3 млн рублей»³.

«Во время внешнего управления имущественный комплекс предприятия сократился в 1,7 раза, с 170 м² до 100 м² площади.

Так, административное здание завода было приобретено московскими компаниями под открытие магазинов “М.ВИДЕО” и “Старик Хоттабыч”, а производственный корпус завода на Ушаковской набережной, 5, приобрело ООО “Астер” под строительство бизнес-центра.

Нынешние мощности Северного завода загружены приблизительно на 50 %. В гражданском секторе ЛСЗ решил сделать упор на производство легкой мототехники.

¹ <http://www.spbgid.ru/index.php?news=174>.

² http://www.dp.ru/a/2003/03/25/Leningradskij_Severnij_z/.

³ http://www.dp.ru/a/2003/03/25/Leningradskij_Severnij_z/.

В 2003 году производство мопедов составит 30–40 % от нынешнего уровня загрузки завода»¹.

Грубо говоря, управленческая команда Сергея Фивейского попросту распродала, «раздербанила» завод. За это эти люди получили вознаграждение — тепленькие посты в городской администрации, в Комитете по экономическому развитию, промышленности и торговле, где многие из них работают до сих пор.

История Северного завода не имеет прямого отношения к приватизации. Завод попал под общую «раздачу» — нефинансирование оборонных предприятий. Но от этого людям, которые трудились на заводе и которые были вынуждены искать новую работу, не легче.

Завод им. Свердлова

Одно из важнейших предприятий Петербурга. Завод был основан в 1868 году Дж. Мюргедом, в 1886-м перешел к его сыновьям, образовавшим Товарищество машиностроительного завода «Феникс». С 1962 года завод является головным предприятием Ленинградского станкостроительного объединения им. Я. М. Свердлова². С начала 1990-х годов резко уменьшился спрос на его продукцию, в том числе на уникальные и крупногабаритные станки для многих отраслей народного хозяйства. Спрос упал

¹ http://www.dp.ru/a/2003/03/25/Leningradskij_Severnij_zh.

² <http://www.sverdlov.spb.ru/>.

в связи с общим спадом производства, с отсутствием денег у предприятий — заказчиков оборудования. С середины 1990-х годов предприятие продавало недвижимость, закладывало имущество в банках. Проводило реструктуризацию. Была сделана попытка создания безубыточного комплекса по ремонту и обновлению уже изготовленных станков — ремонтные и сервисные работы, в отличие от производства новых станков, не требовали больших затрат. В конце концов в 2003 году в отношении предприятия была возбуждена процедура банкротства.

В 2005 году в административном здании обанкротившегося завода был открыт бизнес-центр «Феникс».

В 2005-м впервые в России был продан бренд машиностроительного производства. Торговую марку ЗАО «Станкостроительный завод “Свердлов”» приобрело ООО «Киров-Станкомаш».

В общем, производство уникальных и крупногабаритных станков в прежнем виде уже не существует.

Пролетарский завод

ОАО «Пролетарский завод» — одно из старейших машиностроительных предприятий Санкт-Петербурга. Предприятие было запущено 7 сентября 1826 года под названием Александровский завод. С 1843 года завод стал важным поставщиком подвижного состава для строящейся сети российских железных дорог. В 1845 году на Александровском заводе был выпущен первый отечественный паровоз. В 1850-м начался выпуск пассажирских вагонов.

7 ноября 1922 года предприятие получило название Пролетарский завод. В 1964 году завод с железнодорожного машиностроения перепрофилируется на выпуск судового оборудования. В декабре 1992 года Пролетарский завод был акционирован¹.

В конце концов предприятие попало в руки владельца банковской группы «Петро-Аэро-Банк» — ВЕФК — «Инкасбанк» Александра Гительсона. Чубайс все искал «надлежащих собственников»...

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области зарегистрировал иск госкорпорации «Агентство по страхованию вкладов» о признании несостоятельным (банкротом) ОАО «Пролетарский завод».

Задолженность завода перед корпорацией составляет 2 млрд рублей. Эта задолженность возникла из кредитных договоров «Пролетарского завода» с банками ОАО «Петро-Аэро-Банк», ОАО «Инкасбанк», ОАО «Банк ВЕФК», которые вместе заводом входят в Восточно-Европейскую финансовую корпорацию.

В 2008 году «Банк ВЕФК» потерял платежеспособность, и его контроль перешел к Агентству по страхованию вкладов.

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области ранее удовлетворил три иска о взыскании задолженности с ОАО «Пролетарский завод» в пользу госкорпорации «Агентство по страхованию вкладов». Общая сумма исков составляет около 1 млрд рублей².

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

² <http://www.rusbankrotstvo.ru/novosti/news421.html>.

Балтийский завод

В 1993 году в ходе приватизации Балтийский завод был куплен его бывшим сотрудником Александром Несисом при поддержке генерального директора Олега Шуляковского. Потом продан и снова куплен Несисом. Затем в 2005 году опять продан Сергею Пугачеву — владельцу «Межпромбанка» и ОПК — Объединенной промышленной компании. В 2006 году Центральный научно-исследовательский институт транспортного судостроения (ФГУП ЦНИИТС) по заказу ОПК подготовил концепцию развития предприятия. Одной из ее позиций было поэтапное перебазирование части оборудования и персонала на площадку «Северной верфи», также входящей в ОПК. Освободившуюся территорию (70 га на берегу Невы) ОПК намеревалась застроить жильем. Перенос мощностей должен был начаться в 2008 году, а в 2010–2011 годах городу обещали появление суперверфи, способной строить корабли дедвейтом до 300 000 т. В 2007-м глава ОПК Сергей Пугачев объявил о том, что мастер-план застройки будущего жилого квартала (проект получил простенькое название «Васильевский остров») уже подготовлен. Министр транспорта Игорь Левитин оперативно дал поручение местным чиновникам предупредить собственников завода о том, что уже с 2009 года вся перевалочная деятельность у причалов Балтийского завода будет свернута.

Поначалу проект поддержал банк ВТБ, пообещав ОПК 550 млн долларов под залог 1,2 тыс. га земли в Одинцовском районе Подмосковья. ОПК земли заложила, но проект так и не был реализован. В мае 2009 года выяснилось,

что закрытие Балтийского завода невозможно без полной модернизации «Северной верфи», причем средств, выделенных ОПК на подготовку новых площадей предприятия, было явно недостаточно. Корпорация планировала потратить максимум 400–500 млн долларов, в то время как эксперты оценивали объем работ минимум в 1 млрд долларов. Проект остался нереализованным. А в конце 2009 года господин Пугачев потерял земельный актив, который перешел в собственность ВТБ.

Летом 2010 года зашла речь о продаже принадлежащих ОПК судостроительных активов. Единственным покупателем, способным потянуть эту сделку, была ОСК (Объединенная судостроительная компания), но стороны не договорились по цене — по оценкам экспертов, Пугачев запрашивал в 3–4 раза больше реальной стоимости обоих судостроительных заводов. Споры тянулись больше года, пока в ситуацию не вмешался Владимир Путин. Под давлением со стороны государства Пугачев согласился уступить оба принадлежащих ему судостроительных завода.

Балтийский завод и «Северная верфь» долго находились в залоге у Центробанка под кредит, выданный им «Межпромбанку» размером в 32 млрд рублей. Задолженность рабочим завода составляет примерно 40 млн рублей. Заказов у завода нет, предприятие простаивает, а количество увольняющихся сотрудников иногда доходит до 50–60 человек в день.

Кроме того, Балтийский завод в прямом смысле слова погряз в долгах. В Арбитражном суде Санкт-Петербурга и Ленобласти рассматриваются около 20 исков к Балтийскому заводу от поставщиков, партнеров и банковских

структур, среди которых, например, ОАО «Ханты-Мансийский банк» (сумма исковых требований составляет больше 128 млн рублей) и ЗАО «Газпром межрегионгаз Санкт-Петербург» (сумма исковых требований больше 36 млн рублей). По грубым подсчетам, у завода требуют около полумиллиарда рублей. И этих денег у предприятия нет.

Недавно, после многочисленных судов, оба завода наконец-то были возвращены государству — в госкорпорацию «ОСК» (Объединенную судостроительную компанию). Вот что говорит об этом и о программе выхода из кризиса новый генеральный директор завода¹.

Генеральный директор ООО «Балтийский завод — Судостроение» Александр Вознесенский поделился результатами ревизии, проведенной на предприятии.

— Александр Эрнестович, как вы полагаете, почему именно вас направили спасти Балтийский завод?

— У меня есть большой опыт антикризисной работы. В частности, по спасению ОАО «Климов». Там те же проблемы были: выручка меньше миллиарда, убытки, фиктивные долги, предбанкротное состояние, иски, аресты счетов. Люди увольнялись по сто человек в месяц. И мы вытащили его, сделали лучшим в отрасли. Сегодня выручка «Климова» приближается к 8 млрд рублей, чистая прибыль в 2010 году превысила полмиллиарда.

Задача спасти Балтийский завод была поставлена мне в течение одного дня. Уже на следующий день была сформирована команда, испытанная на «Климове». Все люди проверенные, я считаю, одни из лучших в Питере антикризисных управленцев. Работали три недели без

¹ http://www.dp.ru/a/2012/01/25/OSK_obnaruzhila_bombu_na_z/.

выходных, не раз случалось, что засиживались до пяти утра, потом снимали номер в «Прибалтийской», а утром снова шли на завод. Но дело сделано: программа вывода завода из кризиса с подробным анализом ситуации легла на стол Роману Троценко в срок.

— Что вас больше всего удивило на Балтийском заводе?

— Во-первых, удивила ужасающая критическая ситуация. К приходу ОСК предприятие подготовили так основательно, в такую яму его загнали, что теперь, чтобы вытащить его, корпорации нужна недюжинная концентрация ресурсов и политической воли. А руководству ОСК, наверное, некоторая самоотверженность.

Похоже, что Сергей Пугачев поставил крест на Балтийском заводе еще в 2008–2009 годах, когда заключался контракт на ПАТЭС. Он практически бросил предприятие, поняв, что вытащить не сможет. Основные фонды не обновлялись, инженерные сети изнашивались. Люди получали минимальную зарплату в отрасли, в среднем около 20 тыс. рублей.

Когда ОСК поручили спасти завод, там фактически отсутствовал отдел снабжения — все снабжение долгое время шло через «Северную верфь». Причем по завышенным — в пользу верфи — ценам. В результате получилось так, что в структуре ОПК «Северная верфь» оказалась центром прибыли, а Балтийский завод — центром убытков.

Другой пример: завод поставил верфи оборудование на 50 млн рублей. А затем — через два месяца — была проведена переоценка, и это оборудование стало стоить меньше 20 млн рублей. Возникла задолженность завода перед верфью на 1 млн долларов. Соглашение об этом было подписано, с одной стороны, гендиректором обоих предприятий Андреем Фомичевым, а с другой — его замом. В этой и подобных сделках мы увидели умышленные

действия, которые временный управляющий сможет охарактеризовать как приводящие к банкротству.

— Банкротство неминуемо? Почему нельзя спасти предприятие?

— Завод банкротится не с подачи ОСК. ОСК пришла в октябре, банкротство началось в августе, а долги, которые к нему привели, были созданы еще раньше. Когда ОСК пришла на завод, там уже были исполнительные производства на 2 млрд рублей и 63 иска в суде. Были арестованы все счета, кроме одного. В такой ситуации процедура наблюдения — это единственный шанс реанимировать предприятие. Все аресты сняты, завод получил отсрочку на 1–1,5 года. У нас есть возможность выправить положение и избежать конкурсного производства.

— Было ли выведено с завода какое-либо имущество?

— В этом направлении особенно постарался еще предыдущий собственник, группа «Ист», который продал «Балтийский завод» Сергею Пугачеву. Как выяснили мы в ходе нашей ревизии, прямо перед сделкой по продаже предприятия в 2005 г. с него вывели несколько цехов, включая ключевой; глубоководный причал, несколько зданий и земельных участков, плавучий кран. Это имущество оказалось в собственности структур группы «Ист», а затем отдельно от завода было продано структурам ОПК. Похоже, это было условием сделки.

Эти сделки были однозначно убыточными для предприятия, даже если не вдаваться в стоимость выведенных активов. Выручив от их продажи около 13 млн рублей, завод за 6 лет заплатил только за их аренду 37 млн рублей. И сегодня он продолжает арендовать выведенное имущество.

— Какие действия предусматривает антикризисная программа Балтийского завода?

— Она стандартна. Во-первых, перехват инициативы у ушедших собственников и наиболее ретивых кредиторов.

Наша задача — спасти завод, сохранить рабочие места. Именно для этого было создано новое юрлицо, не обремененное долгами, с прозрачной структурой управления — ООО «Балтийский завод — Судостроение» (БЗС). Туда уже добровольно перешли более двух тысяч из трех тысяч человек трудового коллектива. Далее — загрузка завода заказами. На первом этапе — передача заказов из портфеля ОСК, затем — получение новых. Нормально выстроенный менеджмент и прозрачная система мотивации персонала в БЗС позволяют повысить производительность и снизить себестоимость работ. При этом мы повысили зарплату всем сотрудникам: теперь средняя зарплата у нас на отраслевом уровне — около 30 тыс. рублей.

Небольшой комментарий — даже государство технически не смогло спасти юридическое лицо «Балтийский завод», а воспользовалось в общем-то рейдерской схемой вывода активов. Ситуация, когда государство, чтобы защитить госимущество, должно пользоваться рейдерскими методами, — такова новая данность нынешнего общества.

Завод «Трансмаш»

Завод «Трансмаш» в г. Тихвине Ленинградской области — одно из предприятий бывшего Кировского завода.

Завод «Трансмаш» был основан в 1963 году и являлся структурным подразделением Кировского завода, в частности, выпускал специальные машины на базе тракторов типа «Кировец», вагоны, оборудование для железных дорог и т. д. В 1990-е годы завод был превращен в акционерное

общество ОАО «Завод “Трансмаш”». Во второй половине 1990-х годов совет директоров «Трансмаша» состоял из трех топ-менеджеров РАО «ВСМ», а должность гендиректора занимал директор «ВСМ» по технологической подготовке Сергей Суздальцев. Такой кадровый расклад создавал почти идеальные условия для поглощения предприятия группой «ИСТ», похозяйничавшей раньше в 90-е годы на Балтийском заводе.

В 1999 году на предприятии была проведена реструктуризация по программе, утвержденной Правительством Ленинградской области. Программа была весьма своеобразной — она предусматривала внесение большей части имущества предприятия в уставные капиталы дочерних и зависимых обществ. По сути, это был вывод активов, предполагающий последующее банкротство головного предприятия.

Через некоторое время компания «ИСТ» начала скупку акций дочерних предприятий «Трансмаша» (в частности, «Центролита»), а где-то в начале 2001-го выкупила контрольный пакет акций ОАО «Завод “Трансмаш”». Параллельно «ИСТ» образовал ЗАО «Завод “Трансмаш”», которое арендовало у ОАО «Завод “Трансмаш”» производственные площади и, собственно, осуществляло производственную деятельность. Результаты такой политики не замедлили сказаться.

7 марта 2001 года определением Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области года в отношении ОАО «Завод “Трансмаш”» была введена процедура наблюдения, а временным управляющим назначен А. Гарантов.

22 мая 2001 года по определению того же суда в отношении ОАО «Завод “Трансмаш”» было начато конкурсное производство, а конкурсным управляющим назначен тот же Гарантов. Он назначил торги имуществом ОАО «Завод “Трансмаш”» на 20 ноября 2001 года.

В конце июня от греха подальше был отправлен в отставку гендиректор ОАО Суздальцев.

20 ноября, как и планировалось, прошли первые торги имуществом ОАО «Завод “Трансмаш”». Продавались акции пяти дочерних предприятий ОАО (видимо, то, что еще не успела скупить компания «ИСТ»). Стартовая цена всех пакетов была назначена в 1,4 млн рублей. Конкуренции на торгах не было.

Остатки имущества ОАО «Завод “Трансмаш”» были проданы на аукционе 16 апреля 2002 года. Стартовая цена имущества комплекса была назначена в 23 млн рублей. При этом долги ОАО составляли на тот период 112,8 млн рублей.

В марте 2002 года пресс-служба ЗАО «ИСТ» сообщила, что на базе ЗАО «Завод “Трансмаш”» (бывший арендатор площадей у ОАО «Завод “Трансмаш”») создан машиностроительный холдинг ЗАО «Тихвинский завод транспортного машиностроения “Титран”».

Длившийся несколько лет вывод активов из ОАО «Завод “Трансмаш”» и перевод их на баланс ЗАО «Завод “Трансмаш”», принадлежащий ЗАО «ИСТ», плохо отразился на качестве выпускаемой продукции, в том числе скоростного поезда «Сокол». Вскоре после того, как он начал курсировать между Москвой и Санкт-Петербургом, в конструкции и качестве изготовления локомотива и вагонов

обнаружились большие изъяны. Во время испытаний в 2001–2002 годах государственная комиссия обнаружила 25 недостатков, непосредственно связанных с безопасностью движения¹. 2 августа 2002 года министр путей сообщения РФ с грустью констатировал, что скоростной поезд «Сокол», разработанный для эксплуатации в рамках проекта создания высокоскоростной магистрали между Санкт-Петербургом и Москвой, не пригоден для эксплуатации. По словам Г. Фадеева, «на него было потрачено 70 млн долларов, однако результат не получился». Фадеев заявил, что между Санкт-Петербургом и Москвой создана «великолепная инфраструктура», путь подготовлен для скорости 200–250 км/ч. Однако нет соответствующего подвижного состава. Тверской вагоностроительный завод изготовил первую партию из 17 вагонов с тележками на скорость 200 км/ч, однако их необходимо дорабатывать. В общем, сказал Фадеев, «те идеи, о которых нам в течение 10 лет рассказывали, не получили завершения: мы пришли к тому, с чего начали».

В итоге сейчас между Питером и Москвой курсирует немецкий поезд «Сапсан». Сапсан, как известно — вид сокола, так что российское название немецкому поезду дали те, кто знал о неудаче с российским «Соколом».

Кировский завод

На самом флагмане питерской промышленности — Кировском заводе — также неспокойно. После смерти

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

в 2005 году бывшего генерального директора Петра Семененко на заводе начался конфликт между двумя группами акционеров — сыном покойного директора Георгием Семененко и группой бывших членов совета директоров. Иски в суды, публикации в прессе вскрыли сложную и запутанную схему приватизации предприятия. Вывода активов и денежных средств на дочерние и внучатые предприятия с последующей их ликвидацией. История продолжается и еще не закончена. Принятие стратегических решений развития завода, участие в крупных проектах блокируется из-за отсутствия согласия среди основных акционеров.

Среди предприятий Санкт-Петербурга, уничтоженных ради участков земли, на которых они находились, было много уникальных. Фабрика детской книги № 1, АТП № 42, АТП № 18, НПО «Кварц», завод «Заря», «ЛЕННИИХИМ-МАШ», «Квант», «Прогресс», «Гипрометиз», фабрика музыкальных инструментов «Беккер», комбинат «Стеквар», институт «Гипростекло». Участь большинства была одинаковой — распродажа недвижимости. Так, например, произошло с комбинатом «Стеквар», производителем кварцевого стекла, одно из зданий которого в конечном счете, получил «Промстройбанк» один цех был продан кипрскому офшору и т. д.

Руководитель территориального управления по Санкт-Петербургу и Ленинградской области МАП Министерства антимонопольной политики (ныне ФАС — Федеральная антимонопольная служба) Олег Коломийченко в рассказе о деятельности группы компаний, которая уничтожила эти предприятия, был вынужден признать, что борьба с ними

бесперспективна, а их деятельность ведет к гибели уникальных предприятий.

АООТ «Гипростекло»

Институт по проектированию предприятий стекольной промышленности является единственным в бывшем СССР проектным институтом и представляет собой пример доминирующего хозяйствующего субъекта, определяющего динамику и технический уровень одной из важнейших отраслей промышленности, влияющих на экономическое положение многих заказчиков. Институт имеет прочные договорные отношения не только с российскими стекольными заводами, но и с предприятиями ближнего и дальнего зарубежья. Портфель заказов заполнен в настоящее время практически полностью. Его экономическое положение отличается в лучшую сторону по сравнению с другими проектными институтами. На момент приватизации главную часть имущественного комплекса составляли три здания, компактно расположенные в центре города. Можно констатировать, что «Гипростекло» является типичным представителем предприятия, формирующего наряду с другими основу научно-технического потенциала Санкт-Петербурга.

Коллектив института выбрал вариант льгот при приватизации, в соответствии с которым 51 % акций вновь создаваемого акционерного общества открытого типа передавался работникам по закрытой подписке. Это по существу составляет контрольный пакет акций, сохранение которого позволило бы как минимум получить огромные средства от

продажи части имущественного комплекса, не говоря уже о возможностях получения постоянных доходов от сдачи помещений в аренду, а также реализации благоприятных условий организации различных «бизнесов».

Продажа акций «Гипростекла» на чековом аукционе проходила по стандартной схеме, когда в последний день были поданы заявки с объемами приватизационных чеков в количестве 80 % от всех поданных на аукцион ваучеров.

Подача крупных пакетов ваучеров в последний день приема заявок хотя и является обычной тактикой участия в чековых аукционах, тем не менее ее высокая результативность в данном конкретном случае свидетельствует о неплохой организации информационной службы, хорошо поставленной «разведке», прежде всего по отношению к «секретам» Фонда имущества.

После проведения чекового аукциона и захвата плацдарма в тылу АООТ «Гипростекло» группа покупателей начинает активную скупку акций, принадлежащих членам трудового коллектива «Гипростекла». В конечном итоге в руках одной фирмы было сосредоточено на 20.12.1993 34,3 % акций предприятия. Скупка акций осуществлялась по ценам гораздо выше номинала, и хотя члены трудового коллектива — держатели акций — продавали их добровольно, на начальном этапе использовались методы психологического давления, по крайней мере в отношении руководителей «Гипростекла». В дальнейшем, когда сотрудники увидели, что влияние группы компаний-захватчиков становится решающим, продажа акций приобрела лавинообразный характер.

22 ноября 1993 года совет директоров АООТ «Гипростекло» рассматривал предложение о продаже комплекса зданий института по улице Харьковской, д. 3 и 3/5. Подписание договора купли-продажи здания было санкционировано советом директоров. В результате уже 21 декабря 1993 года институт стал бездомным и начал скитаться по чужим углам.

XI

«Дело писателей»

Долги нужно возвращать. Олигархи получили в свои руки основные стратегические предприятия России. Государственные чиновники, руководившие тогда процессом приватизации, придумали еще одну интересную схему — для себя лично. В те годы государственный чиновник не имел права получать вторую зарплату, кроме как за чтение лекций и написание научных книг. «Дело писателей», возможно, связано с последним по времени и самым скандальным залоговым аукционом — по «Связьинвесту». Предприятие «Связьинвест» — это крупнейший на тот момент телекоммуникационный оператор России. По предварительной договоренности олигархов он «предназначался» Гусинскому, который в других залоговых «аукционах» не участвовал. Но у Потанина, банк которого также был уполномоченной организацией по осуществлению залоговых аукционов, после выигрыша нескольких предыдущих аукционов, вероятно, возникла мысль захватить и «Связьинвест». В общем, на аукционе кроме планируемого победителя — фирмы из холдинга Гусинского появляется второй участник, который в своей заявке указывает по странному

совпадению сумму, бо́льшую, чем указала фирма Гусинского. Ничего странного — если ты проводишь аукцион, то ты знаешь все его условия, а также содержание заявок конкурентов. Руководители государственных органов, ведающих приватизацией, начиная с тогдашнего вице-премьера правительства России Анатолия Чубайса, дружно заявили, что аукцион проведен правильно, согласно закону и не нужно его оспаривать. Через некоторое время в средствах массовой информации, принадлежавших Гусинскому и Березовскому, появилась информация о том, что издательство группы компаний Потанина «Сегодня-пресс» заключило договоры с рядом высокопоставленных сотрудников правительства России, ведающих приватизацией, для написания книги «История российской приватизации». Сумма договора у каждого «писателя» была одинаковая — 90 тыс. долларов.

12 мая 1997 года Бойко, Казаков и Кох подписали договоры с издательством «Сегодня-пресс», которое контролировалось группой «ОНЭКСИМ». Аналогичный договор 6 июня подписал и Чубайс. Согласно договору каждому из авторов полагался гонорар в 90 тыс. долларов.

27 мая Альфред Кох, будучи председателем Госкомимущества, перечислил на имя жены в банк «КРЕДИ-СУ-ИСС» сумму в 311,8 млн рублей (эквивалентную 90 тыс. долларов); 2 июня такую же сумму перечислил на счет в «Альфа-банке» заместитель главы Администрации Президента Максим Бойко. 4 июня другой заместитель главы Администрации Президента Александр Казаков получил 311,9 млн рублей в кассе издательства «Сегодня-пресс».

10 июня на свой счет в «МОСТ-банке» двумя платежами деньги получил Анатолий Чубайс.

В конце сентября 1997 года к коллективу авторов присоединился Петр Мостовой, руководитель федерального управления по делам о несостоятельности. 29 сентября он подписал договор с издательством «Сегодня-пресс», а 7 октября получил аванс на свой счет в банке «МЕНАТЕП»¹.

Вспоминает Сергей Доренко²:

Отношения с Чубайсом у меня не сложились еще в 1994 году. Но к начавшейся войне имеет отношение не это, а то, что к лету 1997 года претензии так называемых олигархов к Чубайсу стали кричащими. Может, они были и раньше, но с лета... Дело было в приватизации «Связьинвеста».

«Связьинвест» хотел Гусинский. Он изо всех сил готовил «Связьинвест» к продаже самому себе. С продажей, может, еще бы и потянули, но тут Ельцин велел заплатить долги по зарплате — в первую очередь армии, в сумме 10 трлн рублей. Эту сумму разделили на тогдашний курс, и решено было отдать «Связьинвест» за эту разумную цену. Покупателем был Гусинский. Это и не обсуждалось, насколько я понимаю.

И вдруг возня какая-то. Обнаружилось, что и Потанин прикладывает усилия, чтобы забрать «Связьинвест». Березовский, неформальный лидер крупной буржуазии, посадил в самолет Гусинского и Потанина и полетел «разруливать» ситуацию во Францию, где отдыхал Чубайс. Договорились: «Связьинвест» уходит Гусинскому

¹ [http://ru.wikipedia.org/wiki/_\(1997\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/_(1997)).

² <http://www.informacia.ru/dosye/1541-thubays.html>.

за оговоренную сумму, а Володя Потанин играть не станет — просто побудет на аукционе, раз уж появился.

И тут случилось страшное. Без объявления войны потанинские люди, заранее зная оговоренную сумму, которую назовут люди Гусинского, взяли и перебили сотней с небольшим миллионов долларов, чтобы уж не совсем цинично — могли ведь и пятью миллионами перебить. И началась война. Писательское дело прямо вытекает из этой войны.

Оно было не спонтанным, а очень запланированным, как мне кажется. Как я теперь думаю, бумаги на Чубайса с соавторами собирала служба безопасности группы «Мост», самая совершенная служба безопасности в Москве в то время. Что деньги у Чубайса есть, было известно. Что они за рубежом, догадывались те, кто за рубежом и перечислял. Шли разговоры, что за управление штабом в 1996 году Чубайсу перечислили 3 млн долларов. Березовского я об этом не спрашивал. Уверен, что он точно знает, но данные про 3 млн у меня особых сомнений не вызывали. Что Чубайсу тут нужны какие-то легальные деньги на карманные расходы, предполагалось. В отличие от многих других чиновников и бизнесменов Чубайс не мог жить на «черный нал» — наличные, не прошедшие через банковские счета. Могу с уверенностью сказать, что за ним охотились наши спецслужбы, а не только люди из «Моста».

Вот и был придуман способ легализации части денег. Предположим, что так. Иначе нам придется предположить, что редкостные гонорары за ненаписанную книгу были просто очередной выплатой какого-то бизнесмена за очередные услуги. То есть взятка. Александр Минкин написал об этом где-то в газетах. Народ забурлил, но не проникся особенно. Газета газетой, а при театроκραтии русской жизни нужен и аудиовизуальный спектакль.

Мне позвонил Березовский и спросил, собираюсь ли я об этом что-то говорить. Я тогда вел аналитическую программу «Время» на Первом канале. Я сказал, что газеты пересказывают в программах типа «Обзор прессы». Поскольку у меня не такая программа, то мне нужно что-то показывать. Новое к тому же, чего не было у Минкина. На том и порешили. И началось волшебство в своем роде. Ожили старые источники в прокуратуре, пообещали дать посмотреть материалы на Чубайса. Случайно ожили? Сейчас по прошествии этих лет я думаю, что, конечно, Гусинский заводил прокурорских. Мы стали торговаться: нам нужны оригиналы договоров всех «писателей» и оригиналы банковских платежей. С подписями и печатями. Пробивались в издательство. Григорьева разыскивали. Помню, что Григорьева (ныне замминистра печати РФ. — «Коммерсантъ»).

И вот перед моими операторами правоохранители выложили оригиналы документов — нарядненькие, живые и шуршащие. Ну, против такой роскоши я устоять не смог. И пошла вторая информационная война. Первая — это когда мы выдали репортаж о беззакониях при приватизации «Череповецкого «Азота»» группой Потанина. А эта уже вторая — с рейдами, с отлавливанием Коха в лифтах и т. д. Об этом можно на моем сайте почитать.

Позволю себе подметить, что информационные войны вели к ограничению закулисной деятельности. Кланов начали бояться друг друга, что, безусловно, было полезным для общества. Я и тогда говорил, и сейчас повторяю: то, что запретили Березовский и Гусинский Чубайсу или Потанину, нельзя с этого дня и Березовскому, и Гусинскому. В каждой войне мы можем пространно рассуждать, кому это выгодно и какие за каждым шагом стоят люди и интересы. Но прежде всего это выгодно обществу. Пока кланы на ножах, они дерутся публично и публичность их ограничивает. Сейчас вон тихо-мирно распиливают без

всякой публичности. Только уголовными делами попугивают друг друга из-за угла. Общество сидит счастливое и умиротворенное. Зажмурившись, нам легче.

Писательская хроника

4 августа 1997 года в «Новой газете» появилась статья Александра Минкина «Я люблю, когда тарелки очень большие» — запись разговора первого вице-премьера России Бориса Немцова с бизнесменом Сергеем Лисовским. В постскриптуме к ней было указано: «Еще один вице-премьер России — Альфред Кох (глава Госкомимущества) — написал книгу “Приватизация в России: экономика и политика”. Не знаем, какова она в толщину, но швейцарская фирма “Servina Trading S. A.” заплатила Коху авансом 100 тыс. долларов. Понятно, эта книга никому не нужна. Тем, у кого есть деньги на приватизацию в России, проще купить Коха, чем его книгу».

11 августа вице-премьер, глава Госкомимущества Альфред Кох отправился в отпуск в США. 13 августа Кох ушел в отставку.

18 августа в «Новой газете» появилась статья Александра Минкина «Кох покинул кресло, чтобы не оказаться на нарах», в которой сообщалось, что сумма гонорара Коха подозрительно велика. «Кох продал не книгу, а что-то совсем другое», — резюмировал автор.

11 сентября генеральный прокурор РФ Юрий Скуратов заявил, что дал поручение проверить достоверность сведений о получении Кохом 100 тыс. долларов за ненаписанную книгу. 1 октября прокуратура Москвы возбудила уголовное дело против Коха «по признакам злоупотребления должностными полномочиями».

28 октября в газете «Коммерсантъ» опубликовано интервью Анатолия Чубайса, в котором он, в частности, сказал: «Мы подготовили фундаментальную монографию, которая ответит на важнейшие вопросы развития частной собственности в России, ее создания, и для этого собрали коллектив, который, собственно, и занимался созданием частной собственности в нашей стране: Чубайс, Мостовой, Бойко, Казаков, Кох...» 12 ноября Александр Минкин в интервью «Эху Москвы» заявил по поводу гонораров за книгу: «Это скрытая форма взятки... Занимаясь Госкомимуществом, у чиновников была возможность заработать... десятки миллионов долларов. Но легализовать эти суммы очень трудно, и вот они теперь решили сделать так: будем писать какие-то книжки, а нам издатели будут за них платить большие гонорары... Это воровство». В тот же день Анатолий Чубайс заявил, что книга закончена, рукопись сдана в издательство «Сегодня-пресс». По словам Чубайса, каждый из авторов получил по 90 тыс. долларов в качестве гонорара, большую часть которого авторы собираются передать в фонд поддержки предпринимательства.

13 ноября старший помощник генпрокурора РФ Александр Звягинцев сообщил, что Московская городская прокуратура заинтересовалась обстоятельствами, связанными с изданием монографии «История приватизации в России». Все факты приобщены к уголовному делу Альфреда Коха.

14 ноября отправлен в отставку первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Александр Казаков.

15 ноября ушли в отставку глава Госкомимущества Максим Бойко и глава ФСДН Петр Мостовой. В этот же день Анатолий Чубайс встретился с Борисом Ельциным и Виктором Черномырдиным «за закрытыми дверями» и тоже подал в отставку. Президент отставку не принял.

В этот же день вышла программа «Время» с Сергеем Доренко. Телезрителям показали копии платежных документов о переводе гонораров авторам книги о приватизации. Ведущий комментировал: «Чубайс, Бойко, Казаков, Кох и Мостовой... слились в творческой гармонии и написали книгу о приватизации в России... Теперь... Чубайс сдал всю команду подельщиков, а сам старается выкрутиться. Сколько и каких взяток надеется получить Чубайс?»

20 ноября Анатолий Чубайс освобожден с поста министра финансов. Должность первого вице-премьера он сохранил до марта 1998 года.

В мае 1998 года Альфред Кох привез из США свою книгу. Называлась она «Распродажа советской империи».

В декабре 1999 года дело о злоупотреблениях должностными полномочиями, к тому времени превратившееся из «писательского» в «квартирное» (Коху стали вменять в вину незаконное получение квартиры в 1993 году), было прекращено по амнистии. Тогда же в издательстве «Вагриус» вышла книга «Приватизация по-российски». Гонорар, выплаченный авторам, составил, по словам сотрудников издательства, 10 тыс. долларов¹.

«Дело писателей» — это не только дело о самих «писателях» злополучной книги. «Дело писателей» — это и рассказ о том, как решались вопросы дележа награбленного имущества в тогдашней ельцинской России — в самолете по дороге к месту отдыха Чубайса. К вопросу о том, кто и как руководил тогда Россией, формально и неформально. Ведь

¹ <http://www.flb.ru/info/48650.html>.

тогдашний глава Госкомимущества России Альфред Кох был одновременно и вице-премьером правительства России, но олигархи поехали на «стрелку» не к нему, а к формально такому же по рангу вице-премьеру России Анатолию Чубайсу. «Дело писателей» — это и есть история российской приватизации.

XII

1998 год

Либеральная финансовая политика, проводившаяся в те годы, закономерно привела к росту государственного долга. Проблема была в следующем: внешние управляющие России — международные финансовые структуры — фактически запретили российскому правительству финансировать экономику и в частности — военную промышленность. Конкретнее, было запрещено прямое финансирование Центральным банком Министерства финансов, финансирование коммерческих банков. А финансировать хоть что-то надо. Власти страны сначала финансировали оборонную промышленность денежными суррогатами — налоговыми казначейскими обязательствами (НКО), потом перешли на прямые рыночные денежные заимствования — государственные краткосрочные обязательства (ГКО). ГКО выпускались с середины 1990-х годов с очень большой доходностью — я помню цифры 80–120 % годовых в 1995 году. Привлечение государством денег с такой высокой доходностью для покупателей — совершенно безумная финансовая политика.

Облигации были краткосрочные — год бюджет государства российского такие высокие доходы не получал. Выплаты высоких процентов по обязательствам государства могут осуществляться либо за счет изъятий из бюджета, либо за счет увеличения государственного долга — то есть за счет дополнительного выпуска тех же самых ГКО. Это и есть так называемая финансовая пирамида — выплаты по ранним обязательствам обеспечиваются не доходами от финансовых вложений, от инвестиций, а за счет выпуска новых долговых обязательств, которые уже ничем не обеспечиваются.

Все это можно было остановить в 1997 году после выборов президента России, но для этого кто-то должен был начать уменьшать объем выпуска новых ГКО, выплачивая доход по ранее выпущенным ГКО из бюджета или за счет эмиссии. А это уже было чревато отрицательными социальными последствиями, на которые правящая клика не могла пойти.

В 1998 году ситуация назрела и перезрела. Денег в казне не было. Доходность по ГКО выросла до фантастических размеров. Огромные доходы от этого рынка получали спекулянты — российские и иностранные банки. Схема была проста. Доходность займов в иностранной валюте для банков составляла примерно 8 % годовых. Российские банки брали кредиты у иностранных банков в валюте, конвертировали валюту в рубли. Затем вкладывали эти рубли в ГКО, получали 120–140 % годовых, продавали ГКО, покупали иностранную валюту, возвращали 8 % годовых кредиторам, брали снова и т. д.

В июле 1998 года западные банкиры наконец отказываются пролонгировать ранее выданные кредиты и требуют их возврата... Олигархи в панике бегают по коридорам Белого дома: «Сделайте что-нибудь, чтобы мы могли не платить». Говорят, голос Ходорковского в этом хоре был весьма заметен: 17 августа с «МЕНАТЕПА» причиталось 80 млн по синдицированному кредиту. В конце концов, как рассказывают очевидцы, олигархи прибежали к Кириенко: «Мы у тебя НОРСИ отберем, в землю зароем, если ты как-нибудь не выручишь нас. Разреши не платить Западу». «Хорошо, — говорит Кириенко, — я объявлю мораторий по выплате долгов на Запад, но за это я перестану платить по ГКО»¹.

Была еще одна проблема. Российские банкиры не только выплачивали иностранным спекулянтам долги по кредитам, но и активно помогали им с ГКО. Иностранные банки покупали ГКО за рубли через российские банки — уполномоченные дилеры по ГКО. Статус уполномоченных дилеров давался не всем банкам, а только самым крупным. После продажи своих ГКО за рубли иностранным банкам банк-дилер должен был выкупить у российских банков валюту своей страны. Иностранные банки осуществляли такие операции заранее, например покупая облигации сроком на один год, примерно зная, какую сумму в рублях они получат от продажи ГКО, они заключали с уполномоченным российским банком так называемый фьючерсный контракт сроком на один год на покупку валюты своей

¹ <http://www.informacia.ru/dosye/1529-khodorkovsky.html>.

страны за рубли. Что произошло в 1998 году? Не только дефолт (то есть отказ государства от обслуживания своего внутреннего долга по ГКО), но и связанное с ним резкое падение курса рубля — с его реальной стоимости 5–7 рублей за доллар до курса около 20 рублей за доллар к концу 1998 года. Российские банки, заключавшие фьючерсные контракты с иностранными банками на конец 1998 года по ценам контракта 7 рублей за доллар, для исполнения этих контрактов должны были бы покупать доллары на текущем рынке по 20 рублей. То есть по итогам таких операций, если бы они реально происходили, российский банк терял по 13 рублей на каждом долларе. Также подорожала цена кредитов в иностранной валюте. Халявные, дешевые иностранные деньги, иностранные кредиты внезапно стали обузой и крупными долгами для всех. Многие российские предприятия, бравшие казавшиеся ранее более дешевыми кредиты в иностранной валюте и не застраховавшие свои валютные риски, оказались банкротами. С тех пор наученные горьким опытом российские предприниматели берут кредиты в иностранной валюте в основном для закупок товаров, сырья или оборудования за рубежом. И стараются страховать валютные риски на фьючерсном рынке.

Решение о дефолте принималось келейно и в узком кругу. Было несколько совещаний на правительственных дачах, были поездки к Ельцину и Кириенко с уговорами. Активно этим занимались Гайдар, Чубайс и Ясин, формально на тот момент не занимавшие никаких ответственных постов в правительстве, но расставившие всюду своих людей. Последовавшие в 1998 году отставки премьер-министра

Сергея Кириенко и главы Центрального банка Сергея Дубинина были лишь наказанием «стрелочников» — не они определяли финансовую политику страны ранее, не только они принимали основные решения. Что у меня вызывает недоумение до сих пор — это непотопляемость многих чиновников, отвечавших за судьбу страны. За отставкой не следовали ни проверки, ни судебные иски и расследования, ни запрет на работу в государственных структурах. Дубинин остался в Центральном банке заместителем руководителя, потом был принят на работу заместителем руководителя РАО «ЕЭС», Сергей Кириенко возглавляет «Росатом». Все — при делах, все по-прежнему руководят страной на тепленьких местах. Сталин бы таких руководителей если бы не посадил в тюрьму, то отправил бы руководить котельной в отдаленном колхозе. Но сейчас, к сожалению, другие времена.

По итогам работы людей, принимавших решения в 1996–1998 годах, было проведено парламентское расследование, но никаких дополнительных оргвыводов тогда не последовало. Была организована Временная комиссия по расследованию причин, обстоятельств и последствий принятия решений от 17 августа 1998 года о реструктуризации государственных краткосрочных обязательств, девальвации обменного курса рубля, введения моратория на осуществление валютных операций капитального характера, было проведено расследование, были сделаны выводы о виновности чиновников и политиков, но реально уволили только «стрелочников». Выводы и заключения, сделанные этой комиссией, можно посмотреть на сайте Сергея Глазьева.

Мне рассказывали смешной эпизод. Будто бы за день до событий 18 августа президент Санкт-Петербургского банка реконструкции и развития Дмитрий Панкин звонил своему бывшему начальнику Алексею Кудрину с вопросом — будет ли дефолт? И что Алексей Кудрину ответил своему старому другу и соратнику — типа не волнуйся, все в порядке, все под контролем. А на следующий день дефолт все-таки грянул.

Не знаю, верить этому или нет, но банк СПБРР от этого кризиса почти не пострадал. Но через некоторое время обанкротился. Дмитрий Панкин к этому времени уже банк покинул. Он проработал в нем много лет, но когда почувствовал, что все рушится, решил вернуться в органы власти. Он перешел на работу в Министерство финансов к своему прежнему руководителю Алексею Кудрину — сначала начальником управления. Через некоторое время сменил на посту Сергея Сторчака, против которого было выдвинуто серьезное уголовное обвинение.

Вот как плохо руководивший в конце концов обанкротившимся банком Дмитрий Панкин сделал карьеру от заместителя председателя финансового комитета, президента банка (которым руководил самое продолжительное время и довел до банкротства), потом вернулся во власть — стал сначала начальником управления Министерства финансов, а потом заместителем министра финансов. В России многое решают связи, знакомства и принадлежность к клану.

Из дефолта Россию вывело правительство Примакова и Маслюкова. Окончательно основные бюджетные проблемы России были решены Владимиром Путиным, который в первые годы руководства страной ввел налог на экспорт

нефтепродуктов. Но многим предприятиям пережить дефолт не удалось. Импортное сырье, валютные кредиты, другие обязательства в иностранной валюте, закупки импортного оборудования стали для предприятий в 1998 году смертельно опасными. Зато предприятиям-экспортерам стало жить гораздо легче — их доходы выросли в три раза. В результате дефолта усилилась деиндустриализация страны и компрадоризация всей экономики.

XIII

В поисках «надлежащего» собственника. После приватизации

Надо отметить, что для многих предприятий проблемы после приватизации не закончились, а только начались. Дело в том, что в России захватить предприятие недостаточно — надо его уметь удерживать. Тезисы приватизаторов в начале приватизации были простые — рынок все расставит по своим местам, сам выявит надлежащего собственника. Рынок? Сам? Как же?

Некоторые предприятия в начале 1990-х годов были приватизированы, захвачены, скажем так, людьми с криминальным прошлым. У кого могли быть деньги в начале приватизации? Правильно, у бандитов и у подпольных торговцев. Люди делали стремительную карьеру в обществе — от бармена, от кооператора до хозяина банков и предприятий. Я ничего не имею против барменов и кооператоров. Но согласитесь, что можно было в начале пути предложить другие схемы, другие модели приватизации, в интересах всех людей, а не только тех, у кого в 1991 году

оказались деньги, и проводить приватизацию постепенно, по частям, а не сразу и непонятно, в чьи руки. В 2009-м, по-моему, году, недалеко от моего дома произошло интересное событие — днем на перекрестке Левашовского проспекта и Ординарной улицы был обстрелян из автомата автомобиль «Бентли» — довольно популярная и распространенная нынче машина. В ней находился владелец одного предприятия, расположенного в Морском порту Санкт-Петербурга и являющегося стратегическим для нашего города. Владелец после этого покушения оказался в больнице. Такие вот в России способы поисков «надлежащих» владельцев. Рынок? Какой рынок? Не хочет человек продавать свое предприятие, как бы плохо им ни управлял.

Типичная схема передела собственности уже после, но вследствие приватизации была примерно следующей. Акции предприятия после приватизации распределялись примерно так: из 51 % акций, полагавшихся трудовому коллективу, директор скупал 10–15 % и успокаивался. Остальные акции из этого пакета покупались работниками предприятия. Процентом 20 оставалось у государства — и предприятие некоторое время функционировало в таком режиме. Как будто ничего не произошло — были рабочие и директор — стали акционеры и президент, а по сути те же рабочие и тот же директор. Но тут внезапно на предприятие кто-то положил глаз. Человек с деньгами нанимал умную инвестиционную компанию или брокерскую фирму, хороших юристов и консультантов. Затем напротив проходной предприятия появлялось объявление о покупке акций. Рабочие, получавшие небольшие зарплаты,

начинали свои акции продавать. Директор и его заместители начинали уговаривать рабочих свои акции не продавать, но лучшую цену предложить не могли. По мере накопления у покупателей пакета более 30 % акций внезапно для предприятия объявлялся конкурс на продажу государственных 20 % акций. Или инвестиционный конкурс на пакет 10 или 20 % акций. Или просто голосование госпакетом в пользу новых акционеров. И все. Директор шел на пенсию и пытался продать кому-либо свой уже по сути никому не нужный пакет акций. В лучшем случае он успевал продать его скупщикам. Так был скуплен завод «Подъемтранс-маш» на Обводном канале — ради участка земли рядом с Балтийским и Варшавским вокзалами. В 2000 году завод был объявлен банкротом. На его месте возникли торговые комплексы «Лента» и «Мебель-сити». Так были скуплены многие другие предприятия — институт резиновой промышленности, о котором я говорил выше, фирма «Лето». Одно время у меня были предложения на продажу таких «менеджерских» пакетов сразу от нескольких предприятий.

Послеприватизационная практика «закрытия» акционерных обществ не помогала сохранять предприятие — директора перерегистрировали свои предприятия из открытых акционерных обществ в закрытые, акции которых труднее было купить, но этот запрет обходился путем оформления договоров залога или дарения. Так был скуплен завод «Вагонмаш», находящийся в центре Петербурга на Московском проспекте.

Надо заметить, что приобретение контрольного пакета акций (свыше 51 %) тоже ничего не гарантировало. Российское законодательство защищает некоторые права

акционеров, и владелец 1 % акций или даже одной акции может затянуть время и сильно потрепать нервы основным владельцам предприятия. Например, владелец контрольного пакета, имеющий больше 50 %, но меньше 75 %, хочет привлечь совладельца, но не хочет терять контроль над предприятием. В этом случае нужно выпускать (эмитировать) дополнительные акции — частично в пользу нового инвестора, частично в свою пользу. В этом случае акции «старых» мелких акционеров обесценятся — их пакет акций в штуках акций останется без изменений, но в процентном отношении он уменьшится, если только они не докупят для себя за свой счет акций из нового выпуска.

В 2002 году ко мне обратился К. — владелец примерно 28 % акций предприятия по производству изделий из алюминия, находящегося в центре Петербурга. Владелец контрольного пакета акций этого предприятия господин Ц. задумал провести эмиссию дополнительных акций — на имеющиеся по номиналу 10 млн рублей выпустить еще на 50 млн. Он честно предложил К. выкупить 28 % акций нового выпуска, чтобы тот сохранил свою долю. Хитрый Ц. сделал переоценку акций для нового выпуска и предлагал их к продаже намного выше номинала. Он сам свой пакет (примерно 60 %) мог выкупать фактически по любой цене — он рулил всеми деньгами предприятия и деньги за выкуп акций оставались на предприятии, то есть у него же. У К. возникла дилемма — или он выкладывает 5 млн долларов за миноритарный пакет акций, или остается с обесцененным пакетом в 5 % акций, который не будет стоить ничего. Он обратился ко мне с просьбой проконсультировать. Я ему предложил действовать по разным

направлениям: а) срочно заняться продажей его пакета акций (проблема была в том, что это предложение нельзя было распространять по рынку — параллельно К. вел переговоры с Ц. о продаже своего пакета. Ц. предложил очень низкую цену); б) затормозить процесс регистрации выпуска новых акций (эмиссию) в Федеральной комиссии по ценным бумагам (ФКЦБ) как письмами и жалобами о защите прав акционера, так и в судебном порядке на основании обнаруженных мной неточностей и недостоверностей в проспекте эмиссии акций.

Оба пути оказались правильными — я нашел покупателей, обратившись в крупный алюминиевый холдинг, а также совместно с небольшой юридической фирмой составил и реализовал план «борьбы» — иски в суды, жалобы в ФКЦБ. Основной владелец поначалу не придавал этому значения, но после решения городского Арбитражного суда о полной приостановке эмиссии понял, что не все так просто на этом свете. Казалось бы хэппи-энд? Нет. «Моего» олигарха К. обуяла жадность, которая его и сгубила. Ему стало жалко несколько тысяч долларов юридической фирме — и никто не смог защитить его интересы на стадиях апелляции и кассации, которые он в результате проиграл. Я ему нашел покупателя его пакета за 2 млн долларов — ему захотелось 2,5 млн. Я снова обратился в алюминиевый холдинг к директору по корпоративным вопросам, он согласился на новую цену. Когда я снова обратился с К., он сказал, что хочет 3 млн долларов и что сам поговорит с Дерипаской. Объяснять ему, что решения по его пакету принимаются на гораздо более низком уровне, я не стал, мне эта сказка о золотой рыбке порядком надоела, и я

просто спокойно ждал, чем все закончится. Естественно, олигарх К. все проиграл и свой пакет не продал. Его пакет обесценился. Судьба самого олигарха К. также довольно печальна. Его подвел метод принятия решений в бизнесе: он никого не слушал — ни консультантов, ни собственных сотрудников. Его основной бизнес — импорт и производство мяса и сахара в России прогорел, причем сумма долгов составила фантастическую величину — чуть ли не 500 млн долларов. Бывший олигарх К. сейчас живет в Израиле и возглавляет одну из еврейских общин. Но заводу также не повезло. Алюминиевый олигарх Ц. «пустил» на завод газового олигарха М. Тот подумал-подумал и решил — а зачем тут завод? Сейчас на месте завода в центре Петербурга, на острове — бизнес-центр, а рабочие и инженеры пополнили ряды безработных.

Еще одним популярным механизмом передела собственности являлась процедура банкротства. Можно было не быть акционером — и захватить предприятие. Достаточно было скупить некоторое количество его долгов или векселей (а многие предприятия в 1990-е годы были по уши в долгах), инициировать в суде процедуру банкротства, назначить «своего» конкурсного управляющего — и все. Предприятие «раздербанивалось», из него выводились самые «вкусные» активы — по бросовым ценам на фирмы захватчиков, остатки распродавались, старое юридическое лицо прекращало свое существование, людей увольняли на улицу, а на месте завода возникал бизнес-центр. Иногда происходили просто чудеса. Конкурсный управляющий ЛМЗ решил не «дербанить» предприятие, а просто осуществить дополнительный выпуск акций в пользу кредиторов,

обменяв их на долги. После чего кредиторы становились хозяевами предприятия. В течение почти двух лет продолжалась борьба владельцев и кредиторов предприятия «Фосфорит» за контроль над предприятием. В конце концов кредиторы проиграли, ОАО «Фосфорит» прекратило свое существование, активы предприятия были выведены в ПГ «Фосфорит». Огромное число небольших и средних питерских предприятий было скуплено и распродано через процедуру банкротства. Иногда старое руководство предприятия через банкротство страховало себя от скупки акций. Директор предприятия создавал свою фирму по сбыту продукции или закупке сырья, возникала задолженность предприятия перед ним, и на основании этой задолженности предприятие банкротилось в пользу своего директора, а скупщики его акций и другие акционеры оставались ни с чем.

С другой стороны, наличие контрольного пакета акций свыше 51 % акций ничего не гарантировало. В истории передела собственности известны несколько случаев захватов предприятий миноритарными акционерами достаточно простым способом. Против фирмы — владельца контрольного пакета акций предприятия «внезапно» в отдаленном суде возбуждается дело с имущественными претензиями, судья этого суда принимал решение об обеспечении иска путем ареста принадлежащих фирме пакета акций предприятия (свыше 51 %), после чего эти акции вычеркивались из списков голосования на собраниях акционеров предприятия. Тут же собирали акционерное собрание, на нем голосовали какой-нибудь миноритарный акционер с пакетом 9 % акций и представитель государства с пакетом 20 %

акций — получается 29 % акций от оставшихся 49 %, или примерно 60 % от оставшихся голосов. Примерно так было захвачено Северо-Западное пароходство, примерно таким образом пытались захватить Котласский ЦБК.

25 апреля 2002 года районный суд Кемерова постановил изъять у «Илим Палп» 61 % акций Котласского ЦБК. Решение было принято по иску миноритария комбината Сергея Мелькина, обвинившего основного акционера ЦБК компанию «Илим Палп» в невыполнении инвестиционных обязательств. После этого доля комбината была продана фирмам, аффилированным с «Базовым элементом» и банкирским домом «Санкт-Петербург». Однако после протеста адвокатов юридической фирмы «ЕРА&Р», которая специализируется в представлении интересов иностранных компаний в России и российских компаний за рубежом, 3 февраля 2003 года тот же суд отменил свое решение¹.

Власти Санкт-Петербурга в разные периоды времени проводили разную промышленную политику. При Собчаке была приватизирована основная часть предприятий. Предприятия выживали сами, никакой поддержки город им не оказывал, кроме размещения городского заказа и небольших послаблений в части местных налогов. Собчак говорил о превращении Санкт-Петербурга в финансовый и туристский центр, но и для этого ровным счетом ничего не делал. Помню доклад Собчака на заседании Союза промышленных предприятий. Единственным выполненным,

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

законченным, реализованным на тот год инвестиционным проектом было завершение строительства и ввод в действие ВТОРОЙ ОЧЕРЕДИ КРЕМАТОРИЯ. В эпоху реформ людей стало умирать больше, денег на захоронение не было — и власть нашла адекватный ответ, адекватное решение. Вместо заботы о людях. Единственным губернатором, при котором проводилась более или менее внятная промышленная политика, был Яковлев. В самое тяжелое для города и местных предприятий время питерские власти пытались оказать им максимально возможную поддержку — деньгами, налоговыми льготами, реализацией совместных проектов. При губернаторе Валентине Матвиенко было принято решение о постепенном уничтожении большей части промышленности. Все было проделано очень грамотно и незаметно. Было принято много городских документов о развитии города, в которых промышленные зоны росчерком пера уничтожались и земля переводилась в статус земли под постройку элитного жилья и элитных торговых комплексов. Почти вся Петроградская сторона, почти весь Васильевский остров, промзоны Выборгского, Калининского, Невского и Красногвардейского районов, южный берег Обводного канала — фактически свыше половины оставшихся предприятий города сейчас обречены.

Результатом приватизации стала скупка и уничтожение целых отраслей промышленности, стратегических предприятий и небольших заводов, градообразующих предприятий и важных научных институтов. Создание предприятий в советское время планировалось с учетом многих факторов, в том числе социальных. На Северном Кавказе

и в Закавказье, без исторических предпосылок к этому, создавались высоконучные предприятия, для которых требовалась квалифицированная рабочая сила, обеспечивалась занятость и культурный рост населения. В небольших городах возводились небольшие же предприятия, например в городе невест Иваново — специализированные предприятия тяжелой промышленности для привлечения в город мужчин и выравнивания демографической ситуации. Так советская индустриализация и модернизация попутно решала многие социальные вопросы.

Приватизация, проведенная в России быстро и жестоко, сильно ухудшила социальную ситуацию в стране, ее результатом стало резкое социальное расслоение общества. Возникла кучка олигархов, владеющих всеми богатствами страны. При этом треть населения осталась за чертой бедности. Разница между бедными и богатыми, измеряемая так называемым коэффициентом Джинни, в России стала одной из самых высоких в мире. Приватизация привела к вымиранию населения, исчезновению небольших городов и деревень, обезлюживанию целых районов. Произошел резкий экономический спад, закрылось множество предприятий, были уничтожены целые отрасли. Выросла безработица — когда от предприятия остаются только коробки зданий для бизнес-центров, уволенные сотрудники остаются без работы. Приватизация ослабила военно-стратегическое положение России — множество важных для обороны страны предприятий были скуплены иностранцами или уничтожены. В оборонной промышленности были разорваны технологические цепочки.

Возникает вопрос — можно ли было провести приватизацию иначе, без таких тяжелых последствий для страны? Оглядываясь назад, могу уверенно ответить — да. Если бы ставились прагматические задачи. Если уж очень хотелось что-нибудь приватизировать, то можно было начать «тренироваться» на небольших предприятиях, а крупные предприятия преобразовывать в государственные акционерные общества, но не продавать, а искать инвесторов. Во многих так называемых капиталистических странах доля государственной собственности в экономике может составлять и 50 %, и 60 %, и это не мешает этим странам оставаться капиталистическими. Но для Гайдара и Чубайса польза для страны была неважна. Ими была поставлена и выполнена задача уничтожения государственной собственности без выяснения, будет ли от этого польза обществу, всему российскому народу или нет. В результате все равно структура отраслей, структура производства некоторых видов товаров потребовала объединения в крупные государственные холдинги — естественным путем произошла деприватизация и частичная национализация ряда секторов и отраслей экономики, во многом, к сожалению, неполная и непоследовательная.

Приватизация для граждан России стала воплощением преступления, воровства создаваемой десятилетиями общенародной собственности, обмана и несправедливости, а люди, ее проводившие, надолго останутся в народной памяти. Еще долго в деревнях рыжих котов будут называть чубайсами, а приватизацию — прихватизацией. Для всех нас было бы лучше, если бы они выбрали для своих экспериментов другую страну. Урон, нанесенный Ельциным,

Гайдаром и Чубайсом России, страна будет возмещать еще очень долго. Гайдар в последнее время удивлялся, почему именно его обвиняют во всех бедах, ведь он не так долго руководил страной. Но именно скоропалительные и жестокие решения 1991–1992 годов, принятые его правительством и приведшие в последующие годы к необратимым последствиям, определили все падение страны в пропасть в 1990-е годы.

Оглавление

Глава I. Как это все начиналось.....	13
Глава II. Будни приватизации.....	41
Глава III. Финансы поют романсы	59
Глава IV. Приватизация середины 1990-х — бесплатно в руки бандитов и чиновников.....	71
Глава V. Глупость или измена?	81
Глава VI. Залоговые аукционы	85
Глава VII. Окончательный передел	105
Глава VIII. Выборы 1996 года	113
Глава IX. Приватизация в Ленинграде (Санкт-Петербурге)	115

Глава X. Смерть по дороге к светлому будущему. Мартиролог. Истории отдельных предприятий	121
Глава XI. «Дело писателей»	159
Глава XII. 1998 год.....	169
Глава XIII. В поисках «надлежащего» собственника. После приватизации	177

М. Вилькобрисский

Как делили Россию. История приватизации

Заведующий редакцией	<i>А. Толстиков</i>
Ведущий редактор	<i>Е. Власова</i>
Литературный редактор	<i>Е. Семенова</i>
Корректоры	<i>О. Андросик, М. Рошаль</i>
Художник	<i>К. Радзевич</i>
Верстка	<i>А. Шляго</i>

ООО «Мир книг», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.
Подписано в печать 02.05.12. Формат 60х90/16. Усл. п. л. 12,000. Тираж 3000. Заказ № 2841.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
предлагают профессиональную и популярную литературу по различным
направлениям: история и публицистика, экономика и финансы, менеджмент
и маркетинг, компьютерные технологии, медицина и психология.

РОССИЯ

Санкт-Петербург: м. «Выборгская», Б. Сампсониевский пр., д. 29а
тел./факс: (812) 703-73-73, 703-73-72; e-mail: sales@piter.com

Москва: м. «Электrozаводская», Семеновская наб., д. 2/1, стр. 1
тел./факс: (495) 234-38-15; e-mail: sales@msk.piter.com

Воронеж: тел.: 8 951 861-72-70; e-mail: hitsenko@piter.com

Екатеринбург: ул. Бебеля, д. 11а
тел./факс: (343) 378-98-41, 378-98-42; e-mail: office@ekat.piter.com

Нижний Новгород: тел.: 8 960 187-85-50; e-mail: yashny@yandex.ru

Новосибирск: Комбинатский пер., д. 3
тел./факс: (383) 279-73-92; e-mail: sib@nsk.piter.com

Ростов-на-Дону: ул. Ульяновская, д. 26
тел./факс: (863) 269-91-22, 269-91-30; e-mail: piter-ug@rostov.piter.com

Самара: ул. Молодогвардейская, д. 33а, офис 223
тел./факс: (846) 277-89-79, 229-68-09; e-mail: pitvolga@samara-ttk.ru, pitvolga@mail.ru

УКРАИНА

Киев: Московский пр., д. 6, корп. 1, офис 33
тел./факс: (044) 490-35-69, 490-35-68; e-mail: office@kiev.piter.com

Харьков: ул. Суздальские ряды, д. 12, офис 10
тел./факс: (057) 7584145, +38 067 545-55-64; e-mail: piter@kharkov.piter.com

БЕЛАРУСЬ

Минск: ул. Розы Люксембург, д. 163
тел./факс: (517) 208-80-01, 208-81-25; e-mail: gv@minsk.piter.com

 Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству зарубежных торговых
партнеров или посредников, имеющих выход на зарубежный рынок
Тел./факс: (812) 703-73-73; e-mail: rodionova.tatyana@piter.com

 Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству авторов
Тел./факс издательства: (812) 703-73-72, (495) 974-34-50

 Заказ книг для вузов и библиотек
Тел./факс: (812) 703-73-73, доб. 6250; e-mail: fokina@piter.com

 Заказ книг по почте: на сайте www.piter.com; по тел.: (812) 703-73-74, доб. 6225

Михаил Вилькобрисский — бывший участник «команды Чубайса» в период приватизации. Был экспертом Верховного Совета России, экспертом Законодательного собрания Санкт-Петербурга. После 1991 года работал на рынке ценных бумаг, товарно-фондовой бирже, в коммерческих банках, занимал должность генерального директора инвестиционной компании. Автор книги по бухгалтерскому учету, большого количества аналитических статей.

КАК ДЕЛИЛИ РОССИЮ

История приватизации

Начиная с 90-х годов в российском обществе постоянно поднимается вопрос о восстановлении справедливости, пересмотре итогов приватизации и о возвращении ограбленному народу несправедливо отобранной у него национальной собственности. Российская власть вынуждена прислушиваться к таким рассуждениям.

Вопрос о справедливости для нашей страны всегда был большим вопросом. О том, почему прошедшая приватизация была нечестной, кому и как досталось народное добро, кто и как ограбил российских людей, и рассказывается в этой книге. История приватизации — это история преступления и предательства. Ее нужно знать, чтобы избежать подобных ошибок в будущем.

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 127
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

